

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№4/2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2021 г. Том 12. № 4

2021. Vol. 12. No. 4

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Прусова И.С., Агадуллина Е.Р.* Социально-экономические предикторы предубеждений: психологическая перспектива 5
- Кисельникова Н.В.* Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека 20
- Татарко А.Н.* Исследования социального капитала в поликультурном обществе: теоретико-методологические проблемы и важнейшие результаты 34

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Сычев О.А., Протасова И.Н.* Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян 53
- Галатина В.Н.* Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов 71
- Суворова И.Ю., Глебов В.В., Ван Х.* Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов 93
- Фурманов И.А.* Кросс-культурные различия в любовных аттитюдах белорусов и китайцев 114
- Лахири С., Кармакар Р., Парамешваран С.* Использование модели «веры в здоровье», тройственной модели восприятия риска и веры в фатализм для прогнозирования рекомендованного поведения в ситуации пандемии COVID-19 (на английском языке) 127

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Витко Ю.С., Лебедева А.А.* Практики работы с бездомными: перспектива возвращения «невидимой» личности 146

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Дорохов Е.А.* Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей 170
- Бойкина Е.Э.* Методические приемы симуляции ситуации социального остракизма O`Cam, O`Train, Cyberball: опыт пилотажных исследований в Российской Федерации 189

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Крюкова Т.Л., Самохвалова А.Г.* К 100-летию со дня рождения Льва Ильича Уманского. Костромская социально-психологическая научная школа: традиции и тренды развития 207
- Светлой памяти Юрия Михайловича Забродина 215

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

- Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2021 г. 217

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Prusova I.S., Agadullina E.R.* Socio-Economic Predictors of Prejudice: Psychological Perspective 5
- Kiselnikova N.V.* Methodological Problems of Measuring Values and Value-Oriented Human Behavior 20
- Tatariko A.N.* Researches on Social Capital in Multicultural Society: Theoretical and Methodological Problems and Key Results 34

EMPIRICAL RESEARCH

- Sychev O.A., Protasova I.N.* Relationship of Ethic of Autonomy, Community and Nationalism to Russians' Foreign Policy Attitudes 53
- Galyapina V.N.* Out-Group Trust of the Russians in Multicultural Regions of Russia: the Role of Values and Intercultural Contacts 71
- Suvorova I.Yu., Glebov V.G., Wang H.* The Study of the Narrative Identity of Russian and Chinese Students 93
- Fourmanov I.A.* Cross-Cultural Differences in Love Attitudes of Belarusians and Chinese 114
- Lahiry S., Karmakar R., Parameswaran S.* Using Health Belief Model, TriRisk Model, and Fatalism to predict COVID-19 Social Distancing Compliance Behavior 127

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Vitko Y.S., Lebedeva A.A.* Practice with Homeless Persons: the Prospect of the "Invisible" Personality Return 146

METHODOLOGICAL TOOLS

- Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Dorokhov E.A.* Psychodiagnostics of Technophobia and Technophilia: Development and Testing a Questionnaire of Attitudes towards Technology for Adolescents and Parents 170
- Boykina E.E.* Social Ostracism Paradigms O`Cam, O`Train, Cyberball: the Experience of Pilot Research (Russian Federation) 189

SCIENTIFIC LIFE

- Kryukova T.L., Samokhvalova A.G.* To the 100th Anniversary of Lev Ilyich Umansky. Kostroma Social-Psychological Scientific School: Traditions and Development Trends 207
- In Memory of Yu.M. Zabrodin 215

INDEX OF ARTICLES

- Index of Articles Published in the Journal of "Social Psychology and Society" in 2021 217

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Социально-экономические предикторы предубеждений: психологическая перспектива

Прусова И.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Агадуллина Е.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Цель. Проанализировать и обобщить результаты, полученные в разных социальных науках, в отношении возникновения и распространения предубеждений.

Контекст и актуальность. Возникновение и распространение предубеждений представляет собой комплексную проблему, которая находит отражение в разных социальных науках. В психологии исследователи обращают внимание на изучение индивидуально-личностных или групповых предикторов предубеждений, в то время как в экономике и социологии в качестве таковых рассматриваются объективные показатели социального и экономического развития стран. В большинстве случаев полученные данные в представленных сферах научного знания не интегрируются.

Основные выводы. Результаты исследований показывают, что уровень благосостояния играет важную роль в снижении предубеждений, но только в странах с низким уровнем социального неравенства или стабильным экономическим ростом. При этом наиболее уязвимы к последствиям экономических и социально-политических изменений люди с низким социально-экономическим статусом. Психологические факторы в виде воспринимаемого неравенства или межгрупповой угрозы также играют важную роль в анализе отношений между объективными социальными и экономическими показателями и уровнем предубежденности. Дополнительные идеологические установки (например, оправдание социальной системы) также связаны с тем, как воспринимается неравенство или угроза и проявляются предубеждения. В последующих исследованиях необходимо обратить внимание на сочетание объективных социально-экономических показателей и психологических переменных для более эффективного анализа возникновения и распространения предубеждений.

Ключевые слова: социальное развитие, экономическое развитие, неравенство, предрассудки, угроза, социальные группы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00142.

Для цитаты: Прусова И.С., Агадуллина Е.Р. Социально-экономические предикторы предрешений: психологическая перспектива // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120401>

Socio-Economic Predictors of Prejudice: Psychological Perspective

Irina S. Prusova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Elena R. Agadullina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: egadullina@hse.ru

Objective. *To analyze and summarize the results obtained in various social sciences regarding the emergence and spread of prejudice.*

Background. *Prejudice is a complex issue, which is represented in different spheres of social science. In psychology, researchers analyze individual or group-based factors, while in economics and sociology they investigate objective indicators of the socioeconomic development at the country-level. Today the data in the mentioned fields are not integrated.*

Conclusions. *Previous studies showed that GDP might indicate a significant factor in reducing bias, but only in countries with low social inequality or stable economic growth. Moreover, people with lower socioeconomic status are more vulnerable to the consequences of economic and socio-political changes. Psychological factors, in particular, the perceived inequality or intergroup threat defined additional perspective in the explanation of the relationship between objective socio-economic indicators and the level of prejudice. In addition, the ideological attitudes (e.g., system justification) also influence the perceived inequality or threat, and bias. These findings are used to define future directions for research related to integration of objective socio-economic indicators and psychological variables to analyze the nature of prejudices.*

Keywords: *social progress, economic growth, inequality, prejudices, threat, social groups.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00142.

For citation: Prusova I.S., Agadullina E.R. Socio-Economic Predictors of Prejudice: Psychological Perspective. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120401> (In Russ.).

Введение

Благополучие людей и общества в целом — вопросы, которые давно привлекают внимание исследователей из разных социальных наук (психологии, социологии и экономики). Чаще всего на уровне индивидов благополучие оценивается по показателям удовлетворенности жизнью, счастья или распространения де-

прессии [18; 20; 42], а на уровне общества одним из основных показателей благополучия является уровень ксенофобии и предрешенности по отношению к различным социальным группам (см., например, Social Progress Index, 2019).

Исследования предрешений никогда не теряли своей актуальности и в последнее время все чаще привлекают внимание исследователей. Дело в том, что

несмотря на распространение в мире эгалитарных установок и проэгалитарных движений (таких, например, как феминизм), значительного снижения уровня социальной напряженности не происходит. Более того, в некоторых случаях наблюдается усиление межгрупповой дифференциации и эскалация конфликтов. Последние мировые события показывают, что даже, казалось бы, «ушедшие в прошлое» предрассудки (например, белых по отношению к афроамериканцам) все еще активно присутствуют в обществе [32].

В текущий момент ситуация с распространением ксенофобии и предубеждений усугубляется экономической, а в некоторых странах и политической нестабильностью, возникшей в результате пандемии коронавирусной инфекции [75]. В совокупности возникновение и распространение предубеждений — это, несомненно, комплексная социальная проблема, глубокое понимание которой возможно только посредством интеграции знаний, полученных в разных социальных науках.

К сожалению, в научных исследованиях такая интеграция наблюдается крайне редко. Экономисты и социологи часто не принимают во внимание психологические составляющие возникновения предубеждений, вместо этого подчеркивая роль объективных показателей социального и экономического развития стран [56]. В то время как психологи игнорируют роль объективных показателей развития стран и преимущественно изучают индивидуально-личностные [40; 73] или групповые предикторы предубеждений [44; 65; 86].

Цель представленного обзора — продемонстрировать точки соприкосновения исследований из разных социальных наук и показать, как сочетание различных

подходов и результатов может обогатить понимание проблемы возникновения и распространения предубеждений.

Социально-экономические и психологические предикторы предубеждений

Уровень экономического развития стран чаще всего описывается через такие показатели, как внутренний валовый продукт (ВВП) или ВВП на душу населения. Страны с высокими показателями ВВП считаются богатыми, а страны с низким — бедными.

Согласно результатам международных сравнительных исследований, люди в богатых странах менее предубеждены по отношению к различным социальным группам. В частности, в таких странах, как Швеция, Дания, Германия, Финляндия, Швейцария, Норвегия, Канада и Великобритания население в значительно меньшей степени демонстрирует предубеждения по отношению к людям, исповедующим другие религии, принадлежащим к другой этнической или расовой группе и иммигрантам, чем в бедных странах (например, Болгария, Румыния или Греция) [24].

По мнению В. Полтеровича, снижение предубежденности в богатых странах может объясняться тем, что экономический рост нивелирует межгрупповую напряженность и открывает более широкие возможности для мультикультурного взаимодействия и сотрудничества [1]. Вместе с тем подобная тенденция может рассматриваться через перспективу ценностей постматериализма. Согласно Р. Ингалхарту, в богатых странах условия всеобщего процветания, безопасности и экономической стабильности неразрывно

связаны с развитием демократических институтов, защитой окружающей среды и поддержкой гендерного равенства [43]. Такая атмосфера не требует людей «защищаться» от неблагоприятных условий в отличие от тех, кто проживает в бедных странах с низкими показателями безопасности и стабильности.

Однако результаты других исследований показали, что ВВП на душу населения как индикатор экономического развития незначительно или вовсе не связан с предрассудками к некоторым группам (например, мигрантам) [17; 80]. Наличие или отсутствие связи между объективными показателями экономического развития и предубеждениями во многом может быть связано с двумя дополнительными условиями — показателями социального неравенства [24] и межгрупповой угрозы [77].

Социальное неравенство

Социальное неравенство базируется на различиях в статусе и возможностях между людьми из разных социальных групп (этнических, гендерных, профессиональных и т.д.), а также в их доступе к различным общественным благам (например, к образованию или медицине). Одним из наиболее популярных индикаторов социального неравенства является экономическое неравенство, которое показывает степень объективного расслоения общества по уровню доходов и чаще всего фиксируется при помощи коэффициента Джини [85].

Исследования демонстрируют, что низкий уровень предубежденности наблюдается преимущественно в богатых странах с низким уровнем социального неравенства (например, в скандинавских) [24]. Взаимодействие между показателями экономического развития и уровнем неравенства в возникновении

предубеждений наглядно продемонстрировано при сравнении 46 стран в период с 1981 по 2012 годы. Микука с соавторами изучали условия проявления парадокса Истерлина, согласно которому люди в богатых странах более счастливы, чем люди в бедных, но при этом в долгосрочной перспективе экономический рост не приводит к увеличению счастья граждан. Результаты исследования показали, что динамика экономического роста приводит к повышению субъективного благополучия у жителей богатых стран только при условии снижения неравенства в доходах [57]. Если же уровень неравенства остается высоким, то субъективное благополучие не меняется, но вместе с тем ухудшаются межгрупповые отношения.

Роберт Андерсен и Тина Фетнер показали, что в условиях сохраняющегося неравенства люди с низким или неустойчивым социальным статусом не получают существенных бонусов от экономического роста, что приводит к росту неудовлетворенности и предубеждений с их стороны, а вот для тех, кто от экономического роста выигрывает (например, люди, имеющие стабильную работу и высокую заработную плату), он может быть связан с уменьшением предубеждений даже в условиях социального неравенства [2]. Таким образом, богатство страны в сочетании с низким социальным неравенством положительно связано с уменьшением предубеждений для всех граждан, а в условиях социального неравенства только для тех, кто находится в относительно «привилегированном» положении.

При этом само по себе экономическое неравенство (вне зависимости от уровня экономического развития страны) также может быть связано с проявлением предубеждений. Согласно модели содержания стереотипов С. Фиск и коллег [15; 27], представления о группах включают

в себя два измерения: тепло (отражает степень просоциальности) и компетентность (отражает способность достигать целей). Так как группы в обществе взаимозависимы, проявление по отношению к ним открытых предубеждений бывает крайне невыгодным, в связи с этим к некоторым группам формируются амбивалентные стереотипы, которые подчеркивают позитивные качества группы по одному измерению и принижают ее по другому измерению, тем самым оправдывая проявление по отношению к ней различных предубеждений. Результаты кросс-культурных исследований свидетельствуют о том, что в странах с высоким уровнем экономического неравенства амбивалентные стереотипы распространены значительно сильнее, чем в странах с низким уровнем [21; 22].

Важно, что помимо объективных показателей социального неравенства большую роль в возникновении предубеждений играет и воспринимаемое неравенство. Исследователи продемонстрировали, что люди часто не могут объективно оценить существующий уровень экономического и социального неравенства [31], в частности, либо переоценивая (как в Германии), либо недооценивая его (как в США) [60]. В последнем случае американцы переоценивают восходящую мобильность в обществе (возможность реализовать «американскую мечту» и добиться высокого благосостояния с нуля) и недооценивают нисходящую (возможность попасть в «ловушку бедности»), что, как следствие, приводит к недооценке уровня неравенства.

Источниками ошибок в восприятии неравенства могут выступать опыт столкновения с социальным неравенством на локальном уровне [14], представления об иерархическом устройстве общества [48; 64], толерантность к неравенству [33;

71], освещение проблемы неравенства в СМИ [38], а также неточная оценка собственного социально-экономического положения [34; 79].

Так, оценивая уровень неравенства в стране, люди часто думают о «локальном» неравенстве, связанном именно с положением группы, к которой они принадлежат [14]. Сравнение собственного социального и экономического благополучия чаще всего происходит с достаточно ограниченным кругом наиболее «знакомых» групп (например, широко представленных в информационной повестке). В результате оценка неравенства основывается на частных сравнениях, и в случае, если неравенство переоценивается, негативное отношение и предубеждения возникают, прежде всего, в отношении тех групп, с которыми это сравнение проводилось. Напротив, в ситуации, когда неравенство (вне зависимости от его объективного уровня) воспринимается как незначительное, уровень предубежденности может снижаться [72].

В условиях социального неравенства предубеждения возникают, прежде всего, из-за того, что неравенство закрепляет социальную дистанцию между группами (в частности, с высоким и низким статусом) [63; 69], а также может сопровождаться представлениями о непроницаемости границ [16] или нелегитимности различий между группами (например, созданными благодаря мошенничеству или коррупции). Все это со своей стороны усиливает тревогу относительно будущего и недоверие к другим [10; 28; 61], гнев [19], эгоистичные стратегии в принятии решений [59], а также способствует развитию стереотипов и предубеждений по отношению к различным группам [2; 25; 44; 62].

Таким образом, более глубокое понимание процессов возникновения пред-

убеждений кроется в сочетании объективного неравенства с его субъективной оценкой. Если объективный уровень неравенства может способствовать пониманию того, какие именно группы могут в большей степени проявлять предубеждения, то анализ субъективной оценки неравенства может помочь понять не только степень выраженности данных предубеждений, но и группы, на которые эти предубеждения будут направлены.

Межгрупповые угрозы

Вторым важным условием проявления связи между национальным богатством страны и уровнем предубежденности граждан является отсутствие экономических кризисов или иных социальных и политических потрясений. Экономические кризисы — достаточно распространенное явление в современном мире, которое сопровождается ростом безработицы, инфляции и уменьшением реальных доходов людей. Такие последствия кризисов значимо связаны с психологическим и социальным благополучием людей [45]. Кроме того, исследования показывают, что в условиях экономического кризиса повышаются ксенофобия и уровень предубежденности, причем это происходит как в бедных, так и в богатых странах [52].

Основной причиной, определяющей связь между экономическим кризисом и возникновением предубеждений и дискриминации, является межгрупповая угроза. В странах с высоким социальным неравенством экономические кризисы обостряют межгрупповую конкуренцию и делают людей более чувствительными к различным угрозам, возникающим в результате экономической или политической нестабильности [23; 30], что способствует росту предубеждений [30; 44; 84].

В рамках социологии и экономики исследователи чаще всего акцентируют внимание на экономической угрозе, которая исходит от групп, воспринимаемых в качестве прямых конкурентов за ограниченные ресурсы, и приводит к обострению межгрупповых конфликтов [45; 49]. Со своей стороны, психологические исследования, в частности, реализуемые в рамках теории межгрупповой угрозы [78], предполагают, что группы могут переживать два типа угроз: реальную, которую вызывают группы, угрожающие физическому или материальному благополучию группы (к этому типу относится и экономическая угроза), и символическую, которая исходит от групп, угрожающих привычному образу жизни и культуре группы. Результаты метаанализа демонстрируют, что оба типа угроз связаны с предубеждениями по отношению к аутгруппам [66].

Реальная угроза, возникающая как следствие экономических кризисов, вызывает страх потери работы или сбережений [53] и связана с ростом предубеждений, прежде всего, по отношению к мигрантам и безработным. Согласно результатам сравнительных исследований, данная тенденция проявляется как в богатых, так и в бедных странах, причем в последних она выражена значительно сильнее [9; 24; 82]. Биллиет и коллеги также выявили, что в ситуации экономического кризиса реальная угроза среди неработающего населения наиболее характерна для стран с невысоким ВВП. При этом в бедных странах воспринимаемый уровень конкуренции с мигрантами за рабочие места может быть на одинаковом уровне как у трудоустроенных, так и нетрудоустроенных граждан [8] в связи с тем, что в целом низкий доход у населения в условиях кризиса делает людей уязвимыми вне зависимости от их трудового статуса.

Направленность предубеждений именно на мигрантов и безработных не случайна. Эмили Бьянки продемонстрировала, что уровень безработицы (как одного из основных явлений, сопровождающих кризис) наиболее тесно связан с восприятием экономической угрозы [7]. В результате экономический кризис ухудшает отношение к тем группам, которые рассматриваются в качестве виновников неблагоприятного экономического положения или конкурентов за рабочие места для людей, чье материальное благополучие и социальный статус становятся неустойчивыми в результате кризиса [6; 29].

Например, в Великобритании экономический кризис привел к росту расовых предрассудков и дискриминации в связи с усилением конкуренции на рынке труда [45]. Похожая ситуация наблюдалась и в Германии, Фолк и коллеги обнаружили позитивную связь между уровнем безработицы на региональном уровне и экстремистскими преступлениями [26]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что актуализация экономической угрозы через сообщение об экономическом кризисе усиливает у белых американцев предубеждения по отношению к мигрантам из Азии, которые воспринимаются как более компетентные и опасные конкуренты на рынке труда, при этом предубеждения к афроамериканцам в этом контексте не претерпевают изменений [11].

При этом в условиях кризиса предубеждения по отношению к мигрантам и безработным усиливаются и у тех людей, чье социальное и материальное положение «относительно защищено» (в силу наличия гарантированных рабочих контрактов) [9]. Для них мигранты и безработные часто выступают в качестве «дополнительной нагрузки на экономику»

(из-за необходимости выплаты им пособий), которая замедляет возможности выхода из экономического кризиса [82]. Следовательно, предубеждения можно рассматривать как результат конкуренции за ограниченные ресурсы, которая усиливается в ситуации экономического кризиса [13].

Но не только реальная угроза в контексте экономических отношений может способствовать росту предубеждений. Например, отношение к мигрантам и безработным может ухудшаться и в том случае, если они рассматриваются как источник не только реальной, но и символической угрозы и воспринимаются как потенциальные нарушители установленных норм и стандартов и, следовательно, как угроза существующему культурному мировоззрению и образу жизни [76]. Ситуации, когда благополучие группы находится под угрозой, способствуют усилению потребности защищать и сохранять ее целостность, в том числе за счет формирования предубеждений по отношению к группам, которые этой целостности угрожают [68]. В целом в условиях экономической нестабильности или иной угрозы возрастает потребность защиты культуры своей страны, что приводит к росту предубеждений по отношению к группам, которые не являются прямыми конкурентами и не несут реальной угрозы, но воспринимаются как те, кто может разрушить культурную целостность [4]. Так, например, после теракта 9/11 американцы демонстрировали высокий уровень символической угрозы в отношении арабов (был разрушен один из культурных символов) и реальной угрозы (теракт вызвал экономический кризис) к мигрантам из Мексики [87].

Таким образом, данные из разных социальных наук подтверждают, что ситуация экономического кризиса и связанные с ней последствия актуализи-

зируют различные групповые угрозы и обостряют конфликты между группами. Следующий шаг в понимании условий проявления предубеждений может быть связан с индивидуальными различиями в восприятии различных угроз. В частности, предыдущие исследования показывают, что как восприятие межгрупповой угрозы, так и реакция на угрозу могут быть связаны не только с уровнем благосостояния страны и социального неравенства, но и со статусом группы [66] или социально-экономическим статусом индивида [50].

Социально-экономический статус

Для определения социально-экономического статуса индивида исследователи чаще всего обращаются к уровню дохода и образования. Многочисленные исследования показывают, что оба эти показателя негативно связаны с предвзятостями [12; 70], при этом эффект образования зачастую сильнее, чем эффект дохода [12]. Данная тенденция объясняется тем, что доход в целом позволяет защититься от конкуренции с представителями других групп [2], но в ситуации сильного экономического кризиса он не спасает от переживания экономической угрозы [9], а вот образование неразрывно связано с прививанием демократических и эгалитарных ценностей, а также расширением культурного мировоззрения [35], поддержание которых в меньшей степени зависит от ситуационных причин.

Тем не менее ряд исследований показал, что в ситуации экономического кризиса как высокий, так и низкий уровни образования могут предсказывать предвзятости в отношении других групп [55]. Основное отличие в проявлении предубеждений у людей с высоким и низким социально-экономическим статусом заключается в том, на кого кон-

кретно направлены данные предубеждения. Так, люди с высоким статусом чаще проявляют предвзятости к людям с низким статусом [53]. Исследования показывают, что они часто недооценивают возможности социальной мобильности, позволяющей изменить социальное положение в обществе [54], в результате они могут негативно относиться к тем группам, которые пытаются изменить устоявшийся порядок вещей. Кроме того, люди с высоким социально-экономическим статусом в условиях экономической угрозы становятся более предвзятыми по отношению к мигрантам и этническим меньшинствам, если последние обладают определенными преимуществами на рынке труда (например, из-за различных программ борьбы с неравенством при трудоустройстве) [55].

А вот люди с низким социально-экономическим статусом чаще демонстрируют предубеждения к другим людям, которые в реальных условиях занимают такое же положение и имеют такой же низкий статус [36; 39; 52]. Низкий уровень образования не позволяет конкурировать за хорошо оплачиваемые рабочие места, а низкий уровень дохода в условиях экономического кризиса не позволяет иметь чувство «относительной защищенности» в условиях увеличения инфляции и безработицы. В результате люди с низким социально-экономическим статусом более чувствительны к экономической угрозе и той конкуренции, которая возникает на рынке труда за доступ к ограниченному ресурсам, что приводит к увеличению предубеждений к потенциальным конкурентам, о чем уже упоминалось ранее.

Парадоксально в данном случае отношение людей с низким статусом к более привилегированным группам. Согласно результатам исследований, люди с низ-

ким статусом, которые чаще всего страдают от политики государства, а также последствий социальных и экономических потрясений, менее вероятно обвиняют в своем неблагоприятном положении группы с более высоким статусом и государство в целом, а скорее наоборот, они будут демонстрировать аутистической фаворитизм, связанный с выражением позитивного отношения к группам, имеющим более высокий статус. Такая тенденция наблюдается у сексуальных меньшинств [48], бедных [37; 41], мигрантов [3] и афроамериканцев [58].

Объяснение данным результатам представляет теория оправдания системы, согласно которой люди стремятся оправдывать существующую социальную, экономическую и политическую систему, рассматривая ее как разумную, рациональную и справедливую [47]. Мотивация оправдывать систему чаще возникает у людей, проживающих в странах с высоким уровнем социального неравенства [81] и имеющих низкий социально-экономический статус [46; 67]. Оправдывая систему, люди преуменьшают реальное неравенство, существующее в обществе, и это помогает им преодолеть когнитивный диссонанс, возникающий между осознанием своего низкого социального положения и необходимостью жить в той системе, которая существует [46].

Таким образом, люди с низким социально-экономическим статусом наиболее чувствительны к межгрупповым угрозам, что приводит к увеличению предубеждений с их стороны. При этом сочетание низкого статуса и идеологических установок, оправдывающих существующий социальный порядок, определяет направление этих предубеждений в сторону групп с идентичным социальным статусом.

Выводы

Данный обзор был направлен на обобщение результатов, полученных в разных социальных науках, в отношении возникновения и распространения предубеждений. Полученные к настоящему моменту данные наглядно свидетельствуют, что уровень благосостояния общества играет важную роль в снижении предубеждений, но только в том случае, если в рассматриваемом обществе отмечается низкий уровень социального неравенства и исследуемый период не связан с экономическим кризисом или иными социальными потрясениями. Изменение экономических условий и, как следствие, качества жизни выступает серьезным фактором роста уровня предубежденности как в бедных, так и в богатых странах.

Наиболее уязвимы к последствиям экономических кризисов и переживанию межгрупповых угроз люди с низким социально-экономическим статусом, они же в большей степени демонстрируют предубеждения. При этом, когда речь идет об экономической угрозе, основным объектом предубеждений выступают мигранты и безработные, так как по отношению к ним предубеждения демонстрируют как люди с таким же низким, так и люди с более высоким социальным статусом.

Психологические факторы играют важную роль в анализе отношений между объективными социальными и экономическими показателями и уровнем предубежденности. В частности, особенности восприятия неравенства могут либо смягчать (если неравенство недооценивается), либо отягощать (если неравенство переоценивается) роль объективного неравенства в проявлении предубеждений. Более того, особенно

сти социального сравнения определяют не только то, каким будет видаться неравенство в обществе, но и во многом те группы, по отношению к которым формируются предубеждения. Дополнительные идеологические верования и установки (например, оправдание социальной системы) также могут вносить коррективы в то, как воспринимается неравенство и проявляются предубеждения по отношению к различным социальным группам.

Продуктивным для будущих исследований представляется сочетание объективных социальных и экономических показателей, а также психологических переменных для анализа возникновения и распространения предубеждений. Также важно включить в анализ специфику культурного контекста, так как объективные критерии развития и субъективные факторы восприятия могут отражать ее в разной степени [51]. Например, наиболее важные критерии благополучия для жителей Южной

Америки — это образование, работа и гражданские права, в то время как для таковых из Северной Америки — это удовлетворенность жизнью [5]. Следовательно, в сравнительной перспективе люди, находящиеся в разных культурных контекстах, могут по-разному реагировать на групповые угрозы и относиться к неравенству.

Принимая во внимание текущий уровень экономического и социального развития общества, а также особенности восприятия и субъективные установки людей, исследователи смогут с большей точностью прогнозировать рост предубеждений по отношению к определенным группам и понимать динамику их развития. В конечном счете такой комплексный анализ проблемы возникновения и распространения предубеждений должен способствовать разработке более эффективных превентивных программ уменьшения предубеждений, а также методов снижения социальной напряженности населения.

Литература/References

1. *Полтерович В.* Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы Экономики. 2017. Т. 11. С. 33–49. DOI:10.32609/0042-8736-2017-11-33-49
2. *Polterovich V.* Tolerantnost', sotrudnichestvo i ekonomicheskii rost [Tolerance, collaboration, and economic growth]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017. Vol. 11, pp. 33–49. DOI:10.32609/0042-8736-2017-11-33-49 (In Russ.).
3. *Andersen R., Fetner T.* Economic inequality and intolerance: Attitudes toward homosexuality in 35 democracies // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. № 4. P. 942–958. DOI:10.1111/j.1540-5907.2008.00352.x
4. *Ashburn-Nardo L., Knowles M.L., Monteith M.J.* Black Americans' implicit racial associations and their implications for intergroup judgment // *Social Cognition*. 2003. Vol. 21. № 1. P. 61–87. DOI:10.1521/soco.21.1.61.21192
5. *Bahns A.J.* Threat as justification of prejudice // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 52–74. DOI:10.1177/1368430215591042
6. *Balestra C., Boarini R., Tosetto E.* What matters most to people? Evidence from the OECD better life index users' responses // *Social Indicators Research*. 2018. Vol. 136. № 3. P. 907–930. DOI:10.1007/s11205-016-1538-4
7. *Becker J.C., Wagner U., Christ O.* Consequences of the 2008 financial crisis for intergroup relations: The role of perceived threat and causal attributions // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2011. Vol. 14. № 6. P. 871–885. DOI:10.1177/1368430211407643

7. *Bianchi E.C.* American individualism rises and falls with the economy: Cross-temporal evidence that individualism declines when the economy falters // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 111. № 4. P. 567–584. DOI:10.1037/pspp000011
8. *Billiet J., Meuleman B., De Witte H.* The relationship between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: Analysis of European Social Survey data // *Migration Studies*. 2014. Vol. 2. № 2. P. 135–161. DOI:10.1093/migration/mnu023
9. *Buffel V., van de Velde S.* Comparing negative attitudes toward the unemployed across European countries in 2008 and 2016: The role of the unemployment rate and job insecurity // *International Journal of Public Opinion Research*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 419–440. DOI:10.1093/ijpor/edy015
10. *Buttrick N.R., Oishi S.* The psychological consequences of income inequality // *Social and Personality Psychology Compass*. 2017. Vol. 1. № 3. DOI:10.1111/spc3.12304
11. *Butz D.A., Yogeewaran K.* A new threat in the air: Macroeconomic threat increases prejudice against Asian Americans // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2011. Vol. 47. № 1. P. 22–27. DOI:10.1016/j.jesp.2010.07.014
12. *Carvacho H., Zick A., Hays A., Gonzalez R., Manzi J., Kocik C., Bertl M.* On the relation between social class and prejudice: The roles of education, income, and ideological attitudes // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. № 4. P. 272–285. DOI:10.1002/ejsp.1961
13. *Caselli F., Coleman W.J.* On the theory of ethnic conflict // *Journal of the European Economic Association*. 2013. Vol. 11. № 1. P. 161–192. DOI:10.1111/j.1542-4774.2012.01103.x
14. *Cruces G., Perez-Truglia R., Tetaz M.* Biased perceptions of income distribution and preferences for redistribution: Evidence from a survey experiment // *Journal of Public Economics*. 2013. Vol. 98. P. 100–112. DOI:10.1016/j.jpubeco.2012.10.009
15. *Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P.* Warmth and Competence as Universal Dimensions of Social Perception: The Stereotype Content Model and the BIAS Map // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 40. № 7. P. 61–149. DOI:10.1016/S0065-2601(07)00002-0
16. *Davidai S., Gilovich T.* What Goes Up Apparently Needn't Come Down: Asymmetric Predictions of Ascent and Descent in Rankings // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2015. Vol. 28. № 5. P. 491–503. DOI:10.1002/bdm.1865
17. *Davidov E., Meuleman B.* Explaining attitudes towards immigration policies in European countries: The role of human values // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. № 5. P. 757–775. DOI:10.1080/1369183X.2012.667985
18. *Deaton A.* Income, health, and well-being around the world: Evidence from the Gallup World Poll // *Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22. № 2. P. 53–72.
19. *Decelles K.A., Norton M.I.* Physical and situational inequality on airplanes predicts air rage // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2016. Vol. 113. № 20. P. 1–4. DOI:10.1073/pnas.1521727113
20. *Diener E., Diener M., Diener C.* Factors predicting the subjective well-being of nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. № 5. P. 851–864. DOI:10.1037/0022-3514.69.5.851
21. *Durante F., Fiske S.T., Kervyn N., Cuddy A.J.C., Akande A.D., Adetoun B.E., Adewuyi M.F., Tserere M.M., Ramiah A.A., Mastor K.A., Barlow F.K., Bonn G., Tafarodi R.W., Bosak J., Cairns E., Doherty C., Capozza D., Chandran A., Chrysochoou X., ... Storari C.C.* Nations' income inequality predicts ambivalence in stereotype content: How societies mind the gap // *British Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 52. № 4. P. 726–746. DOI:10.1111/bjso.12005
22. *Durante F., Tablante C.B., Fiske S.T.* Poor but Warm, Rich but Cold (and Competent): Social Classes in the Stereotype Content Model // *Journal of Social Issues*. 2017. Vol. 73. № 1. P. 138–157. DOI:10.1111/josi.12208
23. *Engler S., Weisstanner D.* The threat of social decline: income inequality and radical right support. *Journal of European Public Policy*. 2020. DOI:10.1080/13501763.2020.1733636

24. *Evans M.D.R., Kelley J.* Prejudice Against Immigrants Symptomizes a Larger Syndrome, Is Strongly Diminished by Socioeconomic Development, and the UK Is Not an Outlier: Insights From the WVS, EVS, and EQLS Surveys // *Frontiers in Sociology*. 2019. Vol. 4. P. 1–21. DOI:10.3389/fsoc.2019.00012
25. *Ezcurra R., Palacios D.* Terrorism and spatial disparities: Does interregional inequality matter? // *European Journal of Political Economy*. 2016. Vol. 42. P. 60–74. DOI:10.1016/j.ejpoleco.2016.01.004
26. *Falk A., Kuhn A., Zweimüller J.* Unemployment and Right-wing Extremist Crime // *Scandinavian Journal of Economics*. 2011. Vol. 113. P. 260–285. DOI:10.1111/j.1467-9442.2011.01648.x
27. *Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J.* A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. № 6. P. 878–902. DOI:10.4324/9781315187280
28. *Fiske S.T., Moya M., Russell A.M., Bearns C.* The secret handshake: Trust in cross-class encounters // *Facing social class: How societal rank influences interaction*. 2012. P. 234–251.
29. *Fridberg T., Ploug N.* Public attitudes to Unemployment in different European Welfare regimes // *Welfare Regimes and the Experience of Unemployment in Europe*. 2000. P. 334–351.
30. *Fritsche I., Jugert P.* The consequences of economic threat for motivated social cognition and action // *Current Opinion in Psychology*. 2017. Vol. 18. P. 31–36. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.027
31. *Gimpelson V., Treisman D.* Misperceiving Inequality // *Economics and Politics*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
32. *Gordils J., Sommet N., Elliot A.J., Jamieson J.P.* Racial Income Inequality, Perceptions of Competition, and Negative Interracial Outcomes // *Social Psychological and Personality Science*. 2020. Vol. 11. № 1. P. 74–87. DOI:10.1177/1948550619837003
33. *Gonthier F.* Parallel publics? Support for income redistribution in times of economic crisis // *European Journal of Political Research*. 2017. Vol. 56. № 1. P. 92–114. DOI:10.1111/1475-6765.12168
34. *Gründler K., Köllner S.* Determinants of governmental redistribution: Income distribution, development levels, and the role of perceptions // *Journal of Comparative Economics*. 2017. Vol. 45. № 4. DOI:10.1016/j.jce.2016.10.007
35. *Hainmueller J., Hiscox M.J.* Educated preferences: Explaining attitudes toward immigration in Europe // *International Organization*. 2007. Vol. 61. № 2. P. 399–442. DOI:10.1017/S0020818307070142
36. *Harris A.S., Findley M.G., Nielson D.L., Noyes K.L.* The Economic Roots of Anti-immigrant Prejudice in the Global South: Evidence from South Africa // *Political Research Quarterly*. 2018. Vol. 71. № 1. P. 228–241. DOI:10.1177/1065912917734062
37. *Harvey S.P., Bourhis R.Y.* Discrimination between the rich and the poor under contrasting conditions of wealth stratification // *Journal of Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 43. P. 351–366. DOI:10.1111/jasp.12041
38. *Hauser O.P., Norton M.I.* (Mis)perceptions of inequality // *Current Opinion in Psychology*. 2017. Vol. 18. P. 21–25. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.024
39. *Hello E., Scheepers P., Gijsberts M.* Education and ethnic prejudice in Europe: Explanations for cross-national variances in the educational effect on ethnic prejudice // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2002. Vol. 46. № 1. P. 5–24. DOI:10.1080/00313830120115589
40. *Hodson G., MacInnis C.C., Busseri M.A.* Bowing and kicking: Rediscovering the fundamental link between generalized authoritarianism and generalized prejudice // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 104. P. 243–251. DOI:10.1016/j.paid.2016.08.018
41. *Horwitz S.R., Dovidio J.F.* The rich-love them or hate them? Divergent implicit and explicit attitudes toward the wealthy // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 3–31. DOI:10.1177/1368430215596075

42. *Howell R.T., Howell C.J.* The relation of economic status to subjective well-being in developing countries: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. № 4. P. 536–560. DOI:10.1037/0033-2909.134.4.536
43. *Inglehart R.* Culture shift in advanced industrial society. Princeton: Princeton University Press, 1990.
44. *Jetten J., Mols F., Postmes T.* Relative deprivation and relative wealth enhances anti-immigrant sentiments: The vcurve re-examined // *PLoS ONE*. 2015. DOI:10.1371/journal.pone.0139156
45. *Johnston D.W., Lordan G.* Racial prejudice and labour market penalties during economic downturns // *European Economic Review*. 2016. Vol. 84. P. 57–75. DOI:10.1016/j.euroecorev.2015.07.011
46. *Jost J.T.* A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. № 2. P. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297
47. *Jost J.T., Banaji M.R.* The role of stereotyping in system justification and the production of false consciousness // *British journal of social psychology*. 1994. Vol. 33. № 1. P. 1–27. DOI:10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008.x
48. *Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B.A.* A decade of system justification theory: Accumulated evidence of conscious and unconscious bolstering of the status quo // *Political psychology*. 2004. Vol. 25. № 6. P. 881–919. DOI:10.1111/j.1467-9221.2004.00402.x
49. *Kessler A.E., Freeman G.P.* Public Opinion in the EU on Immigration from Outside the Community // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2005. Vol. 43. № 4. P. 825–850. DOI:10.1111/j.1468-5965.2005.00598.x
50. *Kraus M.W., Piff P.K., Mendoza-Denton R., Rheinschmidt M.L., Keltner D.* Social class, solipsism, and contextualism: How the rich are different from the poor // *Psychological Review*. 2012. Vol. 119. № 3. P. 546. DOI:10.1037/a0028756
51. *Krys K., Capaldi C.A., Zelenski J.M., Park J., Nader M., Kocimska-Zych A., Kwiatkowska A., Michalski P., Uchida Y.* Family well-being is valued more than personal well-being: A four-country study // *Current Psychology*. 2019. P. 1–12. DOI:10.1007/s12144-019-00249-2
52. *Kunovich R.M.* Social structural position and prejudice: An exploration of cross-national differences in regression slopes // *Social Science Research*. 2004. Vol. 33. № 1. P. 20–44. DOI:10.1016/S0049-089X(03)00037-1
53. *Kuppens T., Spears R., Manstead A.S.R., Spruyt B., Easterbrook M.J.* Educationism and the irony of meritocracy: Negative attitudes of higher educated people towards the less educated // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. Vol. 76. P. 1–19. DOI:10.1016/j.jesp.2017.11.001
54. *Li W., Yang Y., Wu J., Kou Y.* Testing the Status-Legitimacy Hypothesis in China: Objective and Subjective Socioeconomic Status Divergently Predict System Justification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. Vol. 19. DOI:10.1177/0146167219893997
55. *Manstead A.S.R.* The psychology of social class: How socioeconomic status impacts thought, feelings, and behavior // *British Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 57. № 2. P. 267–291. DOI:10.1111/bjso.12251
56. *Meeusen C., Kern A.* The relation between societal factors and different forms of prejudice: A cross-national approach on target-specific and generalized prejudice // *Social Science Research*. 2016. Vol. 55. P. 1–15. DOI:10.1016/j.ssresearch.2015.09.009
57. *Mikucka M., Sarracino F., Dubrow J.K.* When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981–2012 // *World Development*. 2017. Vol. 93. P. 447–459. DOI:10.1016/j.worlddev.2017.01.002
58. *Newheiser A.K., Dunham Y., Merrill A., Hoosain L., Olson K.R.* Preference for high status predicts implicit outgroup bias among children from low-status groups // *Developmental Psychology*. 2014. Vol. 50. № 526. P. 1081. DOI:10.1037/a0035054

59. Nishi A., Shirado H., Rand D.G., Christakis N.A. Inequality and visibility of wealth in experimental social networks // *Nature*. 2015. Vol. 526. № 7573. P. 426–429. DOI:10.1038/nature15392
60. Norton M.I., Ariely D. American's desire for less wealth inequality does not depend on how you ask them // *Judgment and Decision Making*. 2013. Vol. 8. № 3. P. 393–394.
61. Oishi S., Kesebir S., Diener E. Income inequality and happiness // *Psychological science*. 2011. Vol. 22. № 9. P. 1095–1100. DOI:10.1177/0956797611417262
62. Parrillo V.N., Donoghue C. The national social distance study: Ten years later // *Sociological Forum*. 2013. Vol. 28. № 3. P. 597–614. DOI:10.1111/socf.12039
63. Pickett K.E., Wilkinson R.G. Recalibrating Rambotti: Disentangling concepts of poverty and inequality // *Social Science and Medicine*. 2015. Vol. 139. P. 132–134. DOI:10.1016/j.socscimed.2015.07.005
64. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of personality and social psychology*. 1994. Vol. 67. № 4. P. 741. DOI:10.1037/0022-3514.67.4.741
65. Reynolds K.J., Turner J.C. Individuality and the prejudiced personality // *European Review of Social Psychology*. 2006. Vol. 17. P. 233–270. DOI:10.1080/10463280601050880
66. Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. № 4. P. 336–353. DOI:10.1207/s15327957pspr1004_4
67. Rudman L.A., Feinberg J., Fairchild K. Minority members' implicit attitudes: Automatic ingroup bias as a function of group status // *Social Cognition*. 2002. Vol. 20. № 4. P. 294–320. DOI:10.1521/soco.20.4.294.19908
68. Sacchi S., Castano E., Brauer M. Perceiving one's nation: Entitativity, agency and security in the international arena // *International Journal of Psychology*. 2009. Vol. 44. № 5. P. 321–332. DOI:10.1080/00207590802236233
69. Sánchez-Rodríguez A., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. Economic and social distance: Perceived income inequality negatively predicts an interdependent self-construal // *International Journal of Psychology*. 2019. Vol. 54. № 1. P. 117–125. DOI:10.1002/ijop.12437
70. Schiefer D. Cultural Values and Group-Related Attitudes: A Comparison of Individuals With and Without Migration Background Across 24 Countries // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. № 2. P. 245–262. DOI:10.1177/0022022112444898
71. Schröder M. Is Income Inequality Related to Tolerance for Inequality? // *Social Justice Research*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 23–47. DOI:10.1007/s11211-016-0276-8
72. Schwarzenhal M., Schachner M.K., van de Vijver F.J.R., Juang L.P. Equal but different: Effects of equality/inclusion and cultural pluralism on intergroup outcomes in multiethnic classrooms // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2018. Vol. 24. № 2. P. 260–271. DOI:10.1037/cdp0000173
73. Sibley C.G., Duckitt J. Personality and prejudice: a meta-analysis and theoretical review // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. № 1954. P. 248–279. DOI:10.1177/1088868308319226
74. Social Progress Index. 2019 [Electronic resource]. URL: // (Accessed 18.06.2020).
75. Sorokowski P., Groyecka A., Kowal M., Sorokowska A., Bialek M., Lebeda I., ... Karwowski M. Can Information about Pandemics Increase Negative Attitudes toward Foreign Groups? A Case of COVID-19 Outbreak // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 12. P. 4912. DOI:10.3390/su1212491
76. Stephan W.G., Renfro C.L., Esses V.M., Stephan C.W., Martin T. The effects of feeling threatened on attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 1–19. DOI:10.1016/j.ijintrel.2005.04.011
77. Stephan C.W., Stephan W.G. The measurement of racial and ethnic identity // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24. № 5. P. 541–552. DOI:10.1016/S0147-1767(00)00016-x

78. *Stephan W.G., Ybarra O., Rios Morrison K.* Intergroup threat theory // Handbook of prejudice. 2015. P. 255–278.
79. *Stephany F.* Who are Your Joneses? Socio-Specific Income Inequality and Trust // Social Indicators Research. 2017. Vol. 134. № 3. P. 877–898. DOI:10.1007/s11205-016-1460-9
80. *Strabac Z., Listhaug O.* Anti-Muslim prejudice in Europe: A multilevel analysis of survey data from 30 countries // Social Science Research. 2008. Vol. 37. № 1. P. 268-286. DOI:10.1016/j.ssresearch.2007.02.004
81. *Toorn J., Jost J.T., Kay A.C., Tyler T.R., Willer R., Wilmuth C.* A Sense of Powerlessness Fosters System Justification: Implications for the Legitimation of Authority, Hierarchy and Government // Political Psychology. 2015. Vol. 36. № 1. P. 93-110. DOI:10.1111/pops.12183
82. *van Oorschot W.* Making the difference in social Europe: Deservingness perceptions among citizens of European welfare states // Journal of European Social Policy. 2006. Vol. 16. № 1. P. 23–42. DOI:10.1177/0958928706059829
83. *Vogt Isaksen J.* The impact of the financial crisis on European attitudes toward immigration // Comparative Migration Studies. 2019. Vol. 24. № 7. DOI:10.1186/s40878-019-0127-5h
84. *Wilkinson R.G., Pickett K.E.* The enemy between us: The psychological and social costs of inequality // European Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 47. № 1. P. 11–24. DOI:10.1002/ejsp.2275
85. *Yamshchikova T.N., Skobliakova I.V., Zhuravleva T.A., Lukyanchikova T.L., Semenova E.M.* Theory and Reality of Social Inequality // Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives. 2020. P. 1177–1186.
86. *Zagefka H., Nigbur D., Gonzalez R., Tip L.* Why does ingroup essentialism increase prejudice against minority members? // International Journal of Psychology. 2013. Vol. 48. № 1. P. 60–68. DOI:10.1080/00207594.2012.729841
87. *Zarate M.A., Garcia B., Garza A.A., Hitlan R.T.* Cultural threat and perceived realistic group conflict as dual predictors of prejudice // Journal of Experimental Social Psychology. 2004. Vol. 40. № 1. P. 99–105. DOI:10.1016/S0022-1031(03)00067-2

Информация об авторах

Прусова Ирина Сергеевна, аспирантка, стажер-исследователь, факультет социальных наук, департамент психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, доцент, факультет социальных наук, департамент психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Information about the authors

Irina S. Prusova, PhD student, Research Intern, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Elena R. Agadullina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Получена 10.07.2020

Received 10.07.2020

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека

Кисельникова Н.В.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»

(ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Цель. Проанализировать преимущества и ограничения сложившихся на сегодняшний день научных практик для измерения ценностей и связанного с ними поведения.

Контекст и актуальность. В методологических проблемах измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека отражается ряд актуальных для современной психологии проблемных моментов: 1) возможности построения прогностических моделей поведения человека на основе данных самоотчетов (опросных методов); 2) проблемы воспроизводимости данных; 3) использование математического инструментария для анализа данных, адекватного специфике предмета исследования социальных наук. Ключевые противоречия в исследованиях ценностей сосредоточены вокруг условий, в которых проявляется их влияние на поведение, и соответствующих уровней и инструментов анализа, позволяющих увидеть ценности «в действии». Другой важный вопрос — об адекватности метода опроса и, в частности, ранжирования цели измерения ценностей с учетом вероятности, что они носят нетранзитивный, малоосознаваемый и контекстно зависимый характер.

Используемая методология. Статья представляет собой научный обзор зарубежных исследований, включающий сравнительный анализ преимуществ и ограничений сложившихся на сегодняшний день научных практик для измерения ценностей и связанного с ними поведения.

Основные выводы. Показано, что получившие в настоящий момент распространение опросники по изучению ценностей базируются на соответствующих теоретических моделях, не все из которых находят эмпирическое подтверждение пригодности к использованию. Данные модели различаются взглядами на природу ценностей и их свойства. Г. Олпорт, П. Вернон, Дж. Линдсей рассматривали ценности как универсальный компонент личности и ее центральную направленность. М. Рокич, в противоположность рассмотрению ценностей как установок и направленности личности, подчеркивал «идеальную» природу ценностей. Подход Ш. Шварца постулирует совокупность ценностей как «мотивационный континуум», носящий непрерывный характер и организованный в двумерный круговой комплекс. Функциональная теория ценностей В. Гувейи акцентирует внимание на отношении ценностей и потребностей. Из всех разработанных на основе данных теоретических моделей только опросник Ш. Шварца характеризуется хорошей валидностью и надежностью, в том числе кросс-культурной. В то же время использование исключительно самоотчетных методов не позволяет уверенно прогнозировать проявление измеренных опросником ценностей в поведении. Дополнение опросных данных самоотчетами о поведении, реконструкцией прошлого опыта или решением ситуационных задач дает чуть более полную картину, однако, как правило, такие исследования выполняются в корреляционном дизайне, а потому не позволяют делать причинно-следственных выводов и строить надежные прогностические модели. Перспективой изучения ценностей выступает построение комплексных моделей, включающих личностные и ситуационные переменные, и разработка процедур исследования, измеряющих ценности как в повседневных жизненных ситуаци-

ях, так и в сложном мультикультурном контексте. Также продвижение в этой области будет невозможно без методологической рефлексии свойств ценностей — транзитивности, степени осознаваемости, универсальности/специфичности, — представления о которых лежат в основе конструктивных особенностей исследовательских процедур и выбора метода анализа данных.

Ключевые слова: ценности, ценностно-ориентированное поведение, методология, измерение ценностей, методика Олпорта-Вернона-Линдсея, методика М. Рокича, методика Ш. Шварца.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-113-50429.

Благодарность. Автор выражает благодарность А.Ю. Зельдину за помощь в подготовке публикации.

Для цитаты: Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 20–33. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120402>

Methodological Problems of Measuring Values and Value-Oriented Human Behavior

Natalya V. Kiselnikova

Federal State Budgetary Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, **e-mail:** nv_psy@mail.ru

Objectives. *To review studies and consider the advantages and limitations of the current scientific practices for measuring values and value-associated behavior.*

Background. *The methodological problems of measuring values and a value-oriented value-associated behavior reflect a number of difficult questions relevant for modern psychology: 1) the possibility of constructing predictive models of human behavior based on self-report data (survey methods); 2) problems with replication; 3) the use of mathematical tools for data analysis that are adequate to the specifics of the subject of social research. Key contradictions in research on values are connected with the topic of the conditions in which values influence behavior. Another important question is about the suitability of the survey method and, in particular, the ranking for measuring values, taking into account the likelihood that they are nontransitive, poorly aware and context-dependent. Russian-speaking readers are familiar with a very limited set of studies and translated methodological tools nowadays. It makes difficult to study values, taking into account the latest data on the theoretical validity of value models and value-associated behavior and on the reliability and validity of the corresponding diagnostic instruments.*

Methodology. *The paper is a scientific review which includes a comparative analysis of the advantages and limitations of the current scientific practices for measuring values and value-associated behavior.*

Conclusions. *It is shown that the currently widespread questionnaires for the measurement of values are based on the theoretical models, not all of which find empirical confirmation of suitability for use. Sh. Schwartz’s Survey is characterized by fairly good validity and reliability, including cross-cultural validity, but it has drawbacks common to all self-reporting survey methods. In particular, it does not allow to confidently predict the manifestation of the values in behavior. Supplementing survey data with self-reports on behavior, or reconstruction of past experience gives a slightly more complete picture, however such studies are performed in a correlation design, and therefore they do not allow one to draw*

causal conclusions and build reliable predictive models. The prospect for the study of values is the construction of complex models which include personal and situational variables, and the development of research procedures that measure values both in everyday life situations and in a complex multicultural context. Progress in this area will be impossible without a methodological reflection of the properties of values – transitivity, degree of awareness, universality/specificity. These are ideas which underlie the design features of research procedures and the choice of a data analysis method.

Keywords: *values, value-associated, methodology, measurement of values, Allport-Vernon-Lindsey, M. Rokeach, Sh. Schwartz.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-113-50429.

Acknowledgments. The author is grateful for A. Zeldin for the assistance with the preparation of the paper.

For citation: Kiselnikova N.V. Methodological Problems of Measuring Values and Value-Oriented Human Behavior. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120402> (In Russ.).

Проблема и актуальность исследования

Необходимость обобщения теоретических и эмпирических работ, посвященных проблеме измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека, связана с рядом активно обсуждаемых в современной науке проблемных моментов: 1) возможностью построения прогностических моделей поведения человека на основе данных самоотчетов (опросных методов) [2; 28; 40; 61]; 2) проблемой воспроизводимости данных [60]; 3) использованием математического инструментария для анализа данных, адекватного специфике предмета исследования социальных наук [35; 62].

Ключевые противоречия в исследованиях ценностей сосредоточены вокруг условий, в которых проявляется их влияние на поведение, и соответствующих уровней и инструментов анализа, позволяющих увидеть ценности «в действии». Другим обсуждаемым вопросом является возможность использования методов опроса и, в частности, ранжирования для измерения ценностей с учетом вероят-

ности, что они носят нетранзитивный и малоосознаваемый характер. Поиск адекватной методологии исследования проходил ряд этапов, на каждом из которых предыдущая парадигма изучения ценностей подвергалась критике и разрабатывалась новая модель и исследовательская процедура. Этот процесс продолжается и в наши дни, однако русскоязычные читатели знакомы с очень ограниченным набором работ и методических инструментов, что затрудняет развитие исследований ценностей с учетом последних данных о теоретической обоснованности моделей ценностей и ценностно-ориентированного поведения и о надежности и валидности соответствующих им методик.

Цель. Данная работа направлена на обзор значимых зарубежных исследований по указанной теме и рассмотрение преимуществ и ограничений сложившихся на сегодняшний день научных практик для измерения ценностей и связанного с ними поведения.

Современные исследователи [42] выделяют несколько уровней изучения ценностей и источников данных о них:

1) Индивидуальные данные — люди описывают или выбирают ценности, которых они придерживаются;

2) Поведенческий выбор — в условиях натуралистического или лабораторного эксперимента исследуются различия в поведении, связанном с ценностями;

3) Культурные и социальные структуры — различные продукты культуры рассматриваются как отражение ценностного выбора групп людей и обществ;

4) Социальное взаимодействие — наблюдение за тем, что вознаграждается или осуждается в обществе, дает данные о социальных ценностях.

С каждым из этих типов данных связаны специфические ограничения и методологические трудности, о которых будет сказано ниже, однако центральным вопросом для дискуссий остается связь ценностей и поведения, поскольку в большом ряде случаев фиксируется ее непостоянный и фрагментарный характер. Частично эта проблема связана с мультидетерминированностью поведения и сильными контекстными эффектами. В связи с этим все более перспективными становятся межкультурные исследования и макрокультурный анализ ценностей, когда исследователи фокусируются на правилах, нормах и социальных практиках, через которые общество транслирует ценности [15; 48].

В данной работе подробнее будут рассмотрены теоретические модели и методики, относящиеся к первым двум уровням анализа.

Ранние исследования

Психологические исследования ценностей ведут отсчет с 30-х годов XX века, когда был разработан один из самых ранних теоретически обоснованных опрос-

ников Олпорта-Вернона (SOV) [41], переработанный затем в соавторстве с Дж. Линдсеем [1]. Как и все личностные опросники, он давал оценку по отдельным шкалам (ценностям), которые составляли профиль ценностных ориентаций.

Методологическими и теоретическими постулатами, на которые опирались авторы опросника, стали положения о том, что личность представляет собой уникальную систему различных черт и способностей, среди которых исследователи должны выделить общие для всех личностей компоненты, позволяющие сравнивать одного человека с другим [7]. Этими компонентами для построения измерительной шкалы стали ценности, описанные Э. Шпрангером [59]: 1) теоретические (открытие и систематизация знаний); 2) экономические (оценка полезности объектов или явлений); 3) эстетические (фокус на гармонии и красоте); 4) социальные (фокус внимания на отношениях с людьми); 5) политические (фокус на власти и борьбе); 6) религиозные (фокус на единстве с вселенной, создании «наивысшего ценностного опыта»). Э. Шпрангер выделял конфликтующие (религиозные и теоретические, экономические и эстетические, политические и религиозные) и согласующиеся (экономические/политические, социальные/религиозные, теоретические/эстетические) типы ценностей.

Шкала Олпорта-Вернона-Линдсея [1] оценивала выраженность каждой из этих шести ценностей у респондента, который должен был отвечать на 45 вопросов-описаний жизненных ситуаций с двумя (Часть I) и четырьмя (Часть II) альтернативными ответами-описаниями поведения, представляющими определенную ценность. Респондентам предлагалось поставить оценки в Части I в соответствии со своими предпочтениями и

ранжировать ответы в Части II в порядке их выбора. Более высокая оценка конкретной альтернативы означала предпочтение одного вида ценности другому. Затем баллы и ранги суммировались по каждой из 6 шкал и складывались в ценностный профиль респондента.

При конструировании теста авторы старались следовать нескольким принципам, повышающим, по их мнению, надежность теста:

1. Обеспечение одинаковой частоты выбора альтернатив. В ранних версиях теста формулировки вопросов и ответов подталкивали респондентов к выбору определенных ценностей. Например, социальные ценности стабильно оценивались более высоко, а религиозные — низко. Поэтому пункты опросника модифицировались до тех пор, пока популярность всех ответов не стала примерно одинаковой, хотя, как отмечали сами авторы, это привело в итоге к некоторой искусственности формулировок.

2. Диагностическая точность опросника и проверка внутренней согласованности. Процедура проверки была применена к трем группам по 160 и более человек в каждой, и показатели на момент проверки были сочтены удовлетворительными.

3. Обеспечение разнообразия пунктов опросника. Авторы подбирали разные контексты и ситуации для оценки альтернатив, охватывающие многообразие субъективного опыта.

4. Понятность и знакомость ситуаций, обеспечивающая их восприятие как естественных и близких опыту респондентов.

Несмотря на все попытки сбалансировать тест, авторы все же отмечали сохранившуюся проблему неравной популярности разных типов ценностей и систематичного набора социальными ценностями большего числа баллов.

Методологическая проблема этого способа оценки ценностей заключалась в том, что инструмент был построен на предположении, что если какая-то ценность преобладает, то одно или несколько из пяти других значений должны быть менее выраженными, как если бы у каждого человека была равная «емкость ценностей», которую он распределяет в разных пропорциях по шести различным «каналам». Однако, и сами авторы это признавали, одни люди могут продемонстрировать более высокие оценки одновременно по всем шести ценностям, чем другие. Так что данная шкала претендовала на измерение только относительной значимости каждой ценности.

Редакция теста Олпорта-Вернона-Линдсея не отличалась в плане заданий по сравнению с редакцией 1951 года, но включала улучшенный оценочный лист и описание норм для женского и мужского пола, для нескольких университетских групп и многочисленных профессиональных групп.

На протяжении сорока лет после появления SOV широко использовался в консультативных, педагогических и исследовательских целях. Однако, несмотря на широкую распространенность (после MMPI и EPPS SOV был третьим наиболее цитируемым непроективным психодиагностическим инструментом) и фактически безальтернативность, к началу 1980-х годов опросник вышел из употребления, главным образом из-за нерелевантного содержания и устаревшего языка. От респондентов поступало все больше жалоб на то, что опросник «причудливый», «устаревший», «сексистский», «предвзятый». Позже была разработана обновленная версия опросника SOV-U с модифицированными 15 из 45 пунктов шкалы [30]. Изменения в пунктах касались обновлений форму-

лировок с учетом гендерного фактора, увеличения религиозного и культурного разнообразия. Было показано, что обновленная версия Шкалы обладает эквивалентными исходной версии содержательными и психометрическими свойствами.

Несмотря на это, другой возможной причиной снижения популярности SOV стало появление опросника М. Рокича [46] Value Survey, состоящего из 18 инструментальных и 18 терминальных значений, и Шкалы ценностей Ш. Шварца [49; 50] из 52 пунктов. Эти инструменты широко используются и в настоящее время.

Опросники-самоотчеты как методы измерения индивидуальных ценностей

М. Рокич критиковал методику оценки ценностей Г. Олпорта, подчеркивая, что она измеряет установки (attitudes), а не идеалы, отражающие «должное», каковыми видел ценности сам М. Рокич. Вместо этого он предложил измерять ценности с помощью 36 пунктов (2 списка по 18 ценностей, терминальных и инструментальных, которые следует ранжировать в зависимости от их важности как руководящих принципов в жизни).

Модель и шкала М. Рокича широко используется и по сей день, однако она не дает возможности предсказывать связи между различными ценностями, установками и поведением. Ш. Шварц и У. Бильски [53; 54] обнаружили, что эти 36 ценностей можно упорядочить в зависимости от их мотивационной динамики и что эти типы ценностей, в свою очередь, могут быть организованы в двумерный круговой комплекс. Основываясь на этих выводах, Ш. Шварц [49] постулировал существование 11 типов ценностей и

операционализировал их в своем опроснике Schwartz Value Survey, состоящем из 52 пунктов. К 11 типам ценностей относятся Самоуправление, Стимуляция, Гедонизм, Достижения, Сила, Безопасность, Традиции, Конформизм, Духовность, Доброжелательность и Универсализм. За последние 25 лет эта структура ценностей была воспроизведена на данных, полученных более чем в 80 странах [4; 17; 50; 56; 57; 58]. Со временем Духовность была исключена из списка базовых ценностей, поскольку нестабильно воспроизводилась на разных выборках как самостоятельный вид ценностей.

В 2012 году Ш. Шварц и соавт. [56] опубликовали пересмотренную версию своей теории, выделив 19, а не 10 типов ценностей, большинство из которых были разделены на два. Например, Самостоятельность была разделена на Самостоятельные мысли и Самостоятельные действия. Также было введено разделение ценностей с личным фокусом (Открытость и Самосовершенствование) и с социальной направленностью (Сохранение и Самотрансцендентность). Данная модель была подтверждена рядом измерений [32; 45; 49; 56; 57] и методов [8; 55]. Кроме того, было показано, что данная структура воспроизводится даже среди детей в возрасте 5 лет [9; 12; 33] и демонстрирует стабильность во взрослом возрасте [64].

Самой «свежей» теорией ценностей и разработанным на ее основе опросником является функциональная теория человеческих ценностей В. Гувейи [19; 20; 21]. Она уходит корнями в теорию А. Маслоу [36] и базируется на идее о двух типах функций ценностей: выражают ли они потребности (например, потребности выживания) или управляют действиями (личными, ключевыми (центральными) или социальными). Опросник, опера-

ционализирующий функциональную теорию ценностей [16; 18; 23], предполагает оценку важности 18 ценностей (например, социальной поддержки, религиозности) по шкале от 1 до 7. Исследования показали, что данная структура ценностей воспроизводится и на детской выборке [25]. Функциональная теория, однако, критиковалась Ш. Шварцем как неотличимая от его собственной теории ценностей.

Критика опросных методов и попытки разрешить их проблемы

Несмотря на широкую популярность описанных инструментов, главная претензия ко всем шкалам, построенным по типу опросника М. Рокича, заключается в том, что их пункты сформулированы в виде абстрактных понятий типа «добро», «свобода», «саморазвитие», «гармония», «красота» и т.п. Есть свидетельства того, что данные измерений таких абстрактных ценностей отличаются от данных, полученных при изучении ценностей в привязке к реалистичным сценариям поведения. Так, проверка критериальной валидности шкалы М. Рокича дала низкие результаты, тогда как измерение с помощью поведенческих сценариев показало высокую внешнюю валидность [43]. Кроме того, было показано, что ранжирование ценностей меняется в зависимости от контекста (ситуации личной жизни или социального взаимодействия, на работе или дома) [5; 25]. П. Коннор, Б. Беккер [10] также отмечали, что существует острая потребность в инструментах, которые измеряют поведение респондентов, приближенное к реальности и ситуациям жизненного выбора, который обусловлен ценностями. Аналогично К. Пенг и соавторы утверждали, что

«...низокритериальную валидность широко используемых методов исследования ценностей можно избежать, используя метод поведенческого сценария» [43, с. 341]. В силу этого в более поздних версиях опросника Шварца PVQ-21, PVQ-RR используются не абстрактные понятия, а конкретные описания людей.

Помимо контекстуальной зависимости ценностно-ориентированного поведения дискуссионным остается вопрос транзитивности ценностей — то есть наличия между ними переходных отношений превосходства — идея, которая лежит в основе всех методик, использующих процедуру ранжирования. Транзитивность предполагает, что если респондент выбирает ценность А как более важную, чем ценность В, а ценность В как более важную, чем ценность С, то ценность А будет автоматически более важной, чем ценность С. Однако в целом ряде работ было показано, что принцип транзитивности плохо работает со сложными, плохо определенными и взаимодействующими друг с другом объектами, какими, безусловно, являются ценности.

Другой пункт методологической критики шкал М. Рокича и Ш. Шварца заключается в том, что они делают ставку на получение прямых оценок так, как будто бы ценности в полной мере и ясно осознавались людьми. Однако, по мнению ряда исследователей, это не так [38], и точные оценки ценностей могут быть недоступны напрямую. Скорее, их распознавание требует косвенных оценок, в том числе сделанных в ситуациях жизненного выбора [34; 65; 66].

Все это находит отражение в проблеме низкой способности большинства опросников прогнозировать ценностно-ориентированное поведение.

Так, недавно была проведена проверка прогностической валидности [8] семи

активно используемых в настоящее время опросников: Опросника ценностей Ш. Шварца (Portrait Value Questionnaire [56]), Опросника базовых ценностей (the Basic Value Survey [49]), Шкалы социальных ценностных ориентаций (Social Value Orientation scale [63]), Опросника ценностей (Values Survey Module [24]), Опросника материализма-постматериализма [26], Опросника ценностей, четвертой редакции (SOV-U [30]) и Опросника ценностей М. Рокича (Value Survey [46]). Исследователи отвечали на вопросы: позволяет ли какая-либо из моделей прогнозировать ценностно-ориентированное поведение? Есть ли ценности в каком-либо из опросников, не отраженные в модели ценностей Ш. Шварца, которая рассматривается в качестве наиболее полной на данный момент? Выборка из 236 студентов-психологов заполнила указанные выше опросники, а также прошла процедуры измерения просоциального поведения, психического здоровья и проэкологического поведения.

На первом этапе исследования опросники Г. Хофстеде, М. Рокича, SOV-U, шкала материализма-постматериализма Р. Ингелхарта из-за низкой надежности и проблемы мультиколлинеарности пунктов были исключены из дальнейшего анализа, и далее использовались только данные опросников PVQ-RR Ш. Шварца, BVS В. Гувейи и SVO П. ван Ланге. Было установлено, что из всех указанных опросников только PVQ-RR лучше всего предсказывает все переменные ценностно-релевантного поведения, а также объясняет наибольшую дисперсию данных. Аналогичные результаты были получены и относительно предсказания показателей психического здоровья.

Также У. Бильски и соавторы [3] разработали метод компьютеризированного парного сравнения ценностей (CPCV),

который подразумевает, что каждая из десяти базовых ценностей сравнивается со всеми остальными. Полученные результаты позволили сделать вывод, что неметрическое многомерное шкалирование хотя и более трудоемко, однако позволяет обойти ограничения обычного метода ранжирования, не позволяющего установить нетранзитивные отношения между ценностями, и подтверждает, что структура ценностей Ш. Шварца не является методологическим артефактом.

В целом то, что лишь один из ряда опросников является хорошим исследовательским инструментом, отражает общую проблему низкой предсказательной способности опросных методов, которая активно обсуждается в психологической науке [40]. Тем не менее в сфере исследований ценностей опросники и по сегодняшний день остаются почти безальтернативным инструментом. В представленном выше анализе поведенческие переменные также оценивались через данные самоотчетов. Так что проблема, обозначенная К. Пенгом, Р. Нисбетом, Н. Вонгом [43], все еще остается нерешенной или решенной лишь частично.

Измерение ценностей и ценностно-ориентированного поведения

Исследователи отмечают, что до сих пор неясно, соотносятся ли ценности с поведением в целом или только определенные ценности связаны с определенными аспектами поведения (например, доминирующее поведение в первую очередь выражает ценность власти) [14]. При этом все соглашаются, что поведение — единственный способ реализовать ценности, причем одно и то же

поведение может выражать более одной ценности («ценностно-выразительное поведение» по Ш. Шварцу, А. Барди). Безусловно, в реальной жизни поведение детерминировано не только ценностями. Есть ряд исследований, которые показывают роль личностных и ситуационных факторов, опосредующих связь ценностей и поведения. Также получены некоторые данные, демонстрирующие связь ценностей с осознанным выбором поведения в реальной жизни [13; 51; 52]. Однако в целом ответ на вопрос, зависит ли влияние ценностей на поведение от степени сознательного контроля, остается противоречивым: есть и данные, ставящие под сомнение идею о том, что ценности детерминируют спонтанное поведение [37], и свидетельства в пользу того, что ценности работают с использованием автоматических когнитивных процессов и могут непосредственно влиять на поведение, только когда осознанное размышление и выбор альтернатив «подавлены» [39].

Также существуют лишь отдельные эмпирические работы, в которых анализируются такие вопросы соотношения конкретных ценностей с поведением в повседневной жизни. Так, вопреки утверждениям о том, что ценности и поведение редко бывают связаны между собой [31; 37], Ш. Шварц, А. Барди [52] выявили существенные корреляции между рядом ценностей и соответствующим им поведением. Сопоставление десяти ценностей и самооценок частоты проявления десяти различных форм поведения показало, что ценности Стимуляции, Традиции и Гедонизма наиболее сильно коррелируют с поведением; а Доброжелательность, Безопасность, Достижения и Соответствие демонстрируют наименьшую корреляцию. Гедонизм, Самоуправление, Универсализм и ценности Власти

умеренно связаны с реальным поведением. Сопоставление самооценок с оценками поведения от интимных партнеров и коллег респондентов дало аналогичные результаты.

Методологической проблемой данного исследования, как указывают сами авторы, выступает опора на ретроспективные отчеты о поведении, которые не являются точными и подвержены искажениям. Более объективным и информативным видом данных здесь могли бы стать видеозаписи поведения людей в естественных условиях в течение длительного времени, дневники или трекинговые техники. Такие исследования на настоящий момент практически отсутствуют, за исключением единичных попыток использовать дневниковые методики (Метод реконструкции дня, DRM) [29] и методы, реконструирующие субъективный ситуационный опыт («8 алмазов») [44].

Эти исследования пока не предоставляют сложные модели, которые могли бы описать модулирующие и медиаторные отношения ценностей, характеристик личности и ситуаций, однако они дают дополнительные свидетельства в пользу необходимости «привязывать» инструменты по измерению ценностей к конкретному жизненному опыту человека, поскольку отношения между указанными параметрами часто опосредуются другими переменными, которые не могут быть выявлены исключительно с помощью самоотчетов.

Заключение

Если существующие исследовательские инструменты дают неполную и неточную информацию о связи ценностей и поведения, не дают возможности про-

гнозировать проявление ценностей в реальных жизненных ситуациях выбора и принятия решений, становится, с одной стороны, невозможным эмпирически верифицировать через более объективные данные точность измерений, а с другой — решать прикладные задачи, связанные с идентификацией или изменением ценностей в повседневной жизни, например, в образовательном процессе или в ситуациях самоопределения. Получившие в настоящий момент более или менее широкое распространение опросники по изучению ценностей базируются на соответствующих теоретических моделях: модели типов людей Э. Шпрангера, операционализированной Олпортом-Верноном-Линдсеем, модели инструментальных и терминальных ценностей М. Рокича, модели человеческих ценностей Ш. Шварца, функциональной теории ценностей В. Гувейи. Несмотря на то, что существует корпус данных, свидетельствующих в пользу высокой валидности и надежности опросника Ш. Шварца, учитывая общие претензии к методу самоотчетов и личностных опросников, активно обсуждаемые в настоящее время в научных дискуссиях, использование только этих инструментов измерения ценностей представляется явно недостаточным.

Дополнение опросных данных самоотчетами о поведении, реконструкцией прошлого опыта или решением ситуационных задач дает чуть более полную картину, однако, как правило, такие исследования выполняются в корреляционном дизайне, а потому не позволяют делать причинно-следственных выводов

и строить надежные прогностические модели.

Перспективными представляются попытки построения более комплексных моделей, включающих личностные и особенно ситуационные переменные (начиная от учета ситуационного контекста повседневной жизни и заканчивая мультикультурным анализом). С другой стороны, сбор данных о поведении в повседневной жизни, не в лабораторных условиях, повышает экологическую и прогностическую ценность результатов, но ставит под вопрос возможность воспроизведения данных — острую на текущий момент проблему в социальных науках. Учет ситуационного контекста на уровне социального взаимодействия в группах и влияния культуры требует разработки еще более специфических и сложных инструментов и проведения междисциплинарных исследований на стыке психологии личности, социальной психологии, социологии.

Метавопросами, значимыми для разработки адекватного инструментария по изучению ценностей и связанного с ними поведения, остаются вопросы о свойствах ценностей — транзитивности, степени осознаваемости, универсальности/специфичности. Анализ научных работ показывает, что в настоящее время гораздо больше исследований посвящено сбору эмпирических данных с помощью уже существующих методик и дальнейшей проверке их валидности и надежности, чем рефлексии концептуальных оснований и наполнению изучаемого конструкта. Последнее представляется важной перспективой исследований ценностей.

Литература/References

1. *Allport G.W., Vernon P.E., Lindzey G.* Study of values. Houghton Mifflin, 1960. 12 p.
2. *Baumeister R.F., Vohs K.D., Funder D.C.* Psychology as the Science of Self-Reports and Finger Movements: Whatever Happened to Actual Behavior? // *Perspectives on Psychological Science*. 2007. Vol. 2. № 4. P. 396—403. DOI:10.1111/j.1745-6916.2007.00051.x

3. *Bilsky W., Gollan T., Grad H., Mendes Teixeira M.L., Rodriguez Monter M., Schweiger-Gallo I.* Computerized Paired Comparison of Values (CPCV): Cross-Cultural Evidence for the Validity of an Alternative Form of Measuring Value Preferences // IACCP 21st International Congress. 2012 July 17-21. Stellenbosch, South Africa, 2012. P. 1–25.
4. *Bilsky W., Janik M., Schwartz S.H.* The structural organization of human values-evidence from three rounds of the European social survey (ESS) // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42. P. 759–776. DOI:10.1177/00220221110362757
5. *Brown D., Crace R.K.* Values in life role choices and outcomes // *The Career Development Quarterly*. 1996. Vol. 44. P. 211–223. DOI:10.1002/j.2161-0045.1996.tb00252.x
6. *Buss D.M., Craik K.H.* The act frequency approach to personality // *Psychological Review*. 1983. Vol. 90. P. 105–126.
7. *Cieciuch J., Schwartz S.H.* Values / *Virgil Zeigler-Hill & Todd Shackelford (Eds.) // Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. 2017. P. 1–5. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_1509-1
8. *Coelho G.L.D.H., Hanel P.H.P., Johansen M., Maio G.R.* Mapping the structure of human values through conceptual representations // *European Journal of Personality*. 2019. Vol. 33. P. 34–51. DOI:10.1002/per.2170
9. *Collins P.R., Lee J.A., Sneddon J.N., D ring A.K.* Examining the consistency and coherence of values in young children using a new Animated Values Instrument // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 104. P. 279–285. DOI:10.1016/j.paid.2016.08.024
10. *Connor P.E., Becker B.W.* Personal values and management: What do we know and why we dont we know more? // *Journal of Management Inquiry*. 1994. Vol. 3. P. 67–73. DOI:10.1177/105649269431011
11. *Crick N.R., Dodge K.A.* A review and reformulation of social information-processing mechanisms in children's social adjustment // *Psychological Bulletin*. 1994. Vol. 115. P. 74–101. DOI:10.1037/0033-2909.115.1.74
12. *Döring A.K., Blauensteiner A., Aryus K., Dr gekamp L., Bilsky W.* Assessing values at an early age: the picture-based value survey for children (PBVS–C) // *Journal of Personality Assessment*. 2010. Vol. 92. P. 439–448. DOI:10.1080/00223891.2010.497423
13. *Feather N.T.* Values, valences, and course enrolment: Testing the role of personal values within an expectancy value framework // *Journal of Educational Psychology*. 1988. Vol. 80. P. 381–391. DOI:10.1037/0022-0663.80.3.381
14. *Fischer, R.* From Values to Behavior and from Behavior to Values // *Values and Behavior*. 2017. P. 219–235. DOI:10.1007/978-3-319-56352-7_10
15. *Fischer R.* *Personality, values, culture: an evolutionary approach* // Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI:10.1017/9781316091944
16. *Fischer R., Milfont T.L., Gouveia V.V.* Does social context affect value structures? Testing the within-country stability of value structures with a functional theory of values // *Journal Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42. P. 253–270. DOI:10.1177/00220221110396888
17. *Fontaine J.R.J., Poortinga Y.H., Delbeke L., Schwartz S.H.* Structural Equivalence of the Values Domain Across Cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2008. Vol. 39(4). P. 345–365. DOI:10.1177/0022022108318112
18. *Gouveia V.V.* The motivational nature of human values: evidences of a new typology [in Portuguese] // *Estudos Psicologica*. 2008. Vol. 8. P. 431–443. DOI:10.1590/S1413-294X2003000300010
19. *Gouveia V.V.* *Teoria Funcionalista dos Valores Humanos [Functional theory of Human Values: Fundaments, Applications and Perspectives]*. S o Paulo: Casa do Psic logo, 2008. 47 p.
20. *Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M.* Functional theory of human values: testing its content and structure hypotheses // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 60. P. 41–47. DOI:10.1016/j.paid.2013.12.012

21. *Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M.* The functional theory of human values: from intentional overlook to first acknowledgement – A reply to Schwartz // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 68. P. 250–253. DOI:10.1016/j.paid.2014.03.025
22. *Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S.* Teoria funcionalista dos valores humanos // *Valores Humanos e Gestão: Novas Perspectivas* / M.L.M. Teixeira (Ed.). Sao Paulo: Editora Senac, 2008. P. 47–80.
23. *Gouveia V.V., Vione K.C., Milfont T.L., Fischer R.* Patterns of value change during the life span: some evidence from a functional approach to values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. Vol. 41. P. 1276–1290. DOI:10.1177/0146167215594189
24. *Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and organizations: software of the mind, 3rd Edn. New York, NY: McGraw-Hill, 2010. 561 p. DOI:10.5860/choice.42-5937
25. *Horstmann K.T., Rauthmann J.F., Sherman R.A.* The measurement of situational influences // *The SAGE Handbook of Personality and Individual Differences* / V. Ziegler-Hill, T.K. Shackelford (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2017. P. 465–485.
26. *Inglehart R.F.* *The Silent ReVution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977. 496 p.
27. *Inglehart R.F., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Social Review*. 2000. Vol. 65. P. 19–51. DOI:10.2307/2657288
28. *John L.K., Loewenstein G., Prelec D.* Measuring the prevalence of questionable research practices with incentives for truth telling // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23. № 5. P. 524–532. DOI:10.1177/0956797611430953
29. *Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D.A., Schwarz N., Stone A.A.* A survey method for characterizing daily life experience: the day reconstruction method // *Science*. 2004. Vol. 306. P. 1776–1780. DOI:10.1126/science.1103572
30. *Kopelman R.E., Rovenpor J.L., Guan M.* The Study of Values: Construction of the fourth edition // *Journal of Vocational Behavior*. 2003. Vol. 62. № 2. P. 203–220. DOI:10.1016/S0001-8791(02)00047-7
31. *Kristiansen C.M., Hotte A.M.* Morality and the self: Implications for when and how of value-attitude-behavior relations // *The psychology of values* / C. Seligman, J.M. Olson, M.P. Zanna (Eds.). The Ontario Symposium. Vol. 8. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996. P. 77–106.
32. *Lee J.A., Soutar G., Louviere J.* The best-worst scaling approach: an alternative to Schwartz's values survey // *Journal of Personality Assessment*. 2008. Vol. 90. P. 335–347. DOI:10.1080/00223890802107925
33. *Lee J.A., Ye S., Sneddon J.N., Collins P.R., Daniel E.* Does the intra-individual structure of values exist in young children? // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 110. P. 125–130. DOI:10.1016/j.paid.2017.01.038
34. *Locke E.A.* The motivation sequence, the motivation hub, and the motivation core // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 16. P. 405–414. DOI:10.1016/0749-5978(91)90023-M
35. *Marchi S. de.* Computational and mathematical modeling in the social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 197 p. DOI:10.1017/CBO9780511510588
36. *Maslow A.H.* A theory of human motivation // *Psychological Review*. 1943. Vol. 50. P. 370–396. DOI:10.1037/h0054346
37. *McClelland D.C.* Human motivation. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1985. 663 p.
38. *Meglino B.M., Ravlin E.C.* Individual values in organizations: concepts, controversies, and research // *Journal of Management*. 1998. Vol. 24. P. 351–389. DOI:10.1177/014920639802400304
39. *Miles A.* The (re)genesis of values // *American Sociological Review*. 2015. Vol. 80(4). P. 680–704. DOI:10.1177/0003122415591800
40. *Molenaar P.C.M., Campbell C.G.* The new person-specific paradigm in psychology // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. Vol. 18. № 2. P. 112–117. DOI:10.1111/j.1467-8721.2009.01619.x

41. Oles P.K., Hermans H.J.M. Allport Vernon study of values // Corsini Encyclopedia of Psychology. 2010. P. 67–68. DOI:10.1002/9780470479216.corpsy0038
42. Oyserman D. Values, Psychology of // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 36–40. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.24030-0
43. Peng K., Nisbett R.E., Wong N.Y.C. Validity problems comparing values across cultures and possible solutions // Psychological Methods. 2007. Vol. 2. P. 329–344. DOI:10.1037/1082-989X.2.4.329
44. Roccas S., Sagiv L. Personal values and behavior: taking the cultural context into account // Social and Personality Psychology Compass. 2010. Vol. 4. № 1. P. 30–41. DOI:10.1111/j.1751-9004.2009.00234.x
45. Roccas S., Lilach S., Navon M. Methodological issues in studying personal values // Values and Behaviour: Taking a Cross-Cultural Perspective / S. Roccas, S. Lilach (Eds.). Heidelberg: Springer, 2017. P. 15–50. DOI:10.1007/978-3-319-56352-7_2
46. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York, NY: The Free Press, 1973. 438 p.
47. Rushton J.P., Chrisjohn R.D., Fekken G.C. The altruistic personality and the self-report altruism scale // Personality and Individual Differences. 1981. Vol. 2. P. 293–302. DOI:10.1016/0191-8869(81)90084-2
48. Sagiv L., Roccas S., Cieciuch J., Schwartz S.H. Personal values in human life // Nature Human Behaviour. 2017. Vol. 1. P. 630–639. DOI:10.1038/s41562-017-0185-3
49. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology / M. Zanna (Eds.). New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65. DOI:10.1016/S0065-2601(08)60281-6
50. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. № 4. P. 19–45. DOI:10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x
51. Schwartz S.H. Value priorities and behavior: applying a theory of integrated value systems // The psychology of values. The Ontario Symposium / C. Seligman, J.M. Olson, M.P. Zanna (Eds.) Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996. Vol. 8. P. 1–24.
52. Schwartz S.H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: taking a similarities perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. № 3. P. 268–290. DOI:10.1177/0022022101032003002
53. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550–562. DOI:10.1037/0022-3514.53.3.550
54. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. № 5. P. 878–891. DOI:10.1037/0022-3514.58.5.878
55. Schwartz S.H., Boehnke K. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // Journal of Research in Personality. 2004. Vol. 38. № 3. P. 230–255. DOI:10.1016/S0092-6566(03)00069-2
56. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C. et al. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
57. Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. № 5. P. 519–542. DOI:10.1177/0022022101032005001
58. Spini D. Measurement equivalence of 10 value types from the Schwartz Value Survey across 21 countries // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2003. Vol. 34. № 1. P. 3–23. DOI:10.1177/0022022102239152
59. Spranger E. Types of men. New York: Stechert-Hafner, 1928. 402 p.

60. *Stanley T.D., Carter E.C., Doucouliagos H.* What meta-analyses reveal about the replicability of psychological research // *Psychological Bulletin*. 2018. Vol. 144. № 12. P. 1325–1346. DOI:10.1037/bul0000169
61. *Thompson B.* If statistical significance tests are broken/misused, what practices should supplement or replace them? // *Theory and Psychology*. 1999. Vol. 9. № 2. P. 165–181. DOI:10.1177/095935439992006
62. *Vacha-Haase T., Nilsson J.E., Reetz D.R., Lance T.S., Thompson B.* Reporting practices and APA editorial policies regarding statistical significance and effect size // *Theory and Psychology*. 2000. Vol. 10. № 3. P. 413–425. DOI:10.1177/0959354300103006
63. *Van Lange P.A.M., De Bruin E.M.N., Otten W., Joireman J.A.* Development of prosocial, individualistic, and competitive orientations: theory and preliminary evidence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73. № 4. P. 733–746. DOI:10.1037/0022-3514.73.4.733
64. *Vecchione M., Schwartz S., Alessandri G., D'ring A.K., Castellani V., Caprara M.G.* Stability and change of basic personal values in early adulthood: An 8-year longitudinal study // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 63. P. 111–122. DOI:10.1016/j.jrp.2016.06.002
65. *Williams R.M.Jr.* The concept of values // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / D. Sills (Eds.). New York: Macmillan, 1968. P. 283–287.
66. *Williams R.M.Jr.* Change and stability in values and value systems: a sociological perspective // *Understanding Human Values* / M. Rokeach (Eds.). New York: Free Press, 1979. P. 15–46.

Информация об авторах

Кисельникова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Information about the authors

Natalya V. Kiselnikova, PhD in Psychology, Assistant Professor, Head of Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, Federal State Budgetary Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Получена 03.03.2021

Принята в печать 08.10.2021

Received 03.03.2021

Accepted 08.10.2021

Исследования социального капитала в поликультурном обществе: теоретико-методологические проблемы и важнейшие результаты

Татарко А.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: tatarako@yandex.ru

Цель. Рассмотрение ключевых теоретических наработок концепции социального капитала, обзор социально-психологических взглядов на природу социального капитала и обсуждение с опорой на существующие исследования проблемы социального капитала поликультурного общества.

Контекст и актуальность. Несмотря на большое количество эмпирических исследований, в настоящее время не существует единых взглядов на структуру социального капитала, а также общепринятых методик его измерения. Феноменология социального капитала рассматривается на трех уровнях: макро-, мезо- и микроуровень. Объединяет эти явления на всех трех уровнях то, что они являются нематериальным ресурсом общества, группы или индивида. В статье рассматриваются не только различные теоретические подходы к феномену социального капитала, но также и преимущество обладания обществом данным социально-психологическим ресурсом. Особое внимание уделяется обзору исследований социального капитала в поликультурном обществе. Обсуждается влияние этнической гетерогенности общества на его социальный капитал, а также особенности влияния различных аспектов интеграционной иммиграционной политики на социальный капитал общества, что представляет особый интерес и актуальность для поликультурной России.

Используемая методология. Системный подход, метод сравнительного анализа.

Основные выводы. Понятие социального капитала остается скорее «зонтичным», объединяя набор ряда явлений, удовлетворяющих определенным характеристикам. Показатели социального капитала на групповом и индивидуальном уровнях различны. Социальный капитал в поликультурном обществе является одним из ресурсов взаимной адаптации этнических групп. Что касается связи этнического разнообразия с социальным капиталом, то, хотя большинство зарубежных исследований говорят о снижении социального капитала в условиях этнического разнообразия, на примере России мы этого не обнаружили. Связь этнического разнообразия с социальным капиталом сильно зависит от контекста.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, социально-психологический капитал личности, поликультурное общество.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-113-50191.

Для цитаты: Татарко А.Н. Исследования социального капитала в поликультурном обществе: теоретико-методологические проблемы и важнейшие результаты // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120403>

Researches on Social Capital in a Multicultural Society: Theoretical and Methodological Problems and Key Results

Alexander N. Tatarko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: tatarko@yandex.ru

Objective. Review a key theoretical developments of the concept of social capital, review of socio-psychological approaches to the nature of social capital, and discuss the problem of social capital in a multicultural society based on existing research.

Background. Despite of a large number of empirical studies, there are currently no common views on the structure of social capital, as well as generally accepted methods for measuring it. The phenomenology of social capital is considered at three levels: macro-, meso-, and micro-level. The article considers not only various theoretical approaches to the phenomenon of social capital, but also the advantages of having this socio-psychological resource by society. Special attention is paid to the review of research on social capital in a multicultural society. The article discusses the influence of ethnic diversity of society on its social capital, as well as the influence of various aspects of integration immigration policy on the social capital of society, which is of particular interest and relevance for multicultural Russia.

Methodology. Systemic approach, comparative analysis method.

Conclusions. The concept of social capital remains rather “umbrella”, combining a set of a number of phenomena that satisfy certain characteristics. Indicators of social capital at the group level and at the individual level are different. Social capital in a multicultural society is one of the resources for mutual adaptation of ethnic groups. Concerning the relation between ethnic diversity and social capital, although most foreign studies indicate a decrease in social capital in the context of ethnic diversity, we did not find this in Russia. The relationship of ethnic diversity to social capital depends strongly on the context.

Keywords: social capital, trust, social and psychological capital of the person, multicultural society.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-113-50191.

For citation: Tatarko A.N. Researches on Social Capital in Multicultural Society: Theoretical and Methodological Problems and Key Results. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 34–52. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120403> (In Russ.).

Введение. Истоки теории социального капитала

В XX веке понятие «капитал» стало междисциплинарным, поскольку оно позволяет всесторонне анализировать различные факторы (в том числе социокультурные и социально-психологические) развития экономики. Капиталом является запас благ или ограниченный ресурс, который может накапливаться, приносить материальный доход (или

повышать субъективное благополучие индивида), передаваться, а также обладает такими свойствами, как конвертируемость и способность к увеличению. Такая расширительная трактовка понятия «капитал» привела к тому, что в литературе упоминается весьма широкий спектр различных его форм, в том числе социальный [6; 10; 13; 42] и социально-психологический [3; 11]. В данной статье мы сосредоточимся на социальном капитале и увидим, что данное понятие при-

вносит в социальную и политическую психологию, какие социокультурные, социально-психологические и политико-психологические процессы в обществе оно позволяет понять глубже.

Идея социального капитала как самостоятельного социального, социально-психологического явления, описывающего интеграционные процессы в обществе или различных группах и сообществах внутри общества, встречалась в социальных и политических науках уже в конце XIX века. В частности, в работах А. де Токвиля («Демократия в Америке») [49]. Однако, как отмечает Р. Патнем в работе «Боулинг в одиночку» [42], как научное понятие социальный капитал был введен и впервые использован в работе Л. Ханифана в статье о сельских общинных школах-центрах штата Западная Вирджиния [24]. В этой работе Л. Ханифан обращает внимание на особую важность воспитания умения налаживать социальные взаимоотношения и поддержку коммуникации и взаимного расположения между людьми. Автор приходит к выводу, что вследствие наращивания плотности социальных связей внутри общины происходит накопление социального капитала, который существенно может улучшить жизнь в таких сообществах. Популярность понятия социального капитала пришла в связи с появлением работ Дж. Коулмана [4] и Р. Патнема [7], последний более четко определил данное понятие для общественного уровня анализа, предложил способ измерения социального капитала, а также эмпирически показал его позитивные эффекты. В своем подходе Р. Патнем следует идее Коулмана о том, что социальные сети и связи имеют ценность для индивида. Согласно Р. Патнему, социальный капитал относится к связям между индивидами — социаль-

ным сетям и вытекающим из них нормам равноправия и доверия. Основываясь на своем подходе, Р. Патнем предложил набор индикаторов оценки социального капитала общества [42; см. также: 23]:

— показатели участия граждан в деятельности какого-либо сообщества, общественной организации (например, среднее число посещенных собраний клуба или общественной организации за последний год);

— вовлеченность граждан в общественно-политические процессы (явка на выборы, участие за последний год в собраниях, касающихся дел в городе или районе города);

— вовлеченность в волонтерскую деятельность (количество участия в волонтерской деятельности за последний год);

— показатели неформального общения (согласие с такими утверждениями, как например, «Я трачу много времени на встречи с друзьями» или вопросы о количестве друзей);

— индикаторы доверия (согласие с такими утверждениями, как «Большинству людей можно доверять», «Большинство людей ведут себя честно»).

Роберту Патнему принадлежит идея разделения социального капитала на «связывающий» (bonding), который иногда называют «социальными узлами», и «соединяющий», который иногда называют «социальными мостами» [42]. Под связывающим социальным капиталом понимаются отношения и плотность социальных контактов внутри каких-либо сообществ и групп, а под соединяющим — социальное взаимодействие и связи между сообществами и группами. Несмотря на то, что такая градация социального капитала предложена для социального уровня его рассмотрения, на индивидуальном уровне она также используется. Под связывающим социаль-

ным капиталом индивида понимаются его контакты с членами интруппы, а под соединяющим — с представителями аутгрупп [27; 29].

Предлагая идею соединяющего и связывающего социального капитала, Р. Патнем касается работ социолога Марка Грановеттра, который, изучая поведение людей, ищущих работу, пришел к выводу, что существуют «сильные связи» (лежащие в основе связывающего социального капитала), то есть близкие дружеские связи, и «слабые» (формирующие соединяющий социальный капитал) или, другими словами, просто знакомства [22]. В работе «Сила слабых связей», анализируя успешность в поиске работы, Грановеттр обнаружил, что более успешными оказались те соискатели, которые обладали большим количеством «слабых» связей в противовес «сильным». Таким образом, «слабые» связи и соединяющий социальный капитал открывают более широкий доступ к информации. Однако это правило не работает, если человеку требуется, например, эмоциональная или финансовая поддержка, тогда ресурсом такой поддержки будут являться «сильные» связи и связывающий социальный капитал.

Социальный капитал как междисциплинарное явление

Несмотря на популярность подхода Р. Патнема, в настоящее время существует много трактовок понятия «социальный капитал», много взглядов на его структуру и набор дескрипторов, и, как мы видели выше, социальный капитал может существовать на различных уровнях анализа: макроуровень, мезоуровень и микроуровень. Такой взгляд на виды социального капитала встречается как в за-

рубежных работах, так и отечественных, в частности в работе А.Л. Свенцицкого с коллегами [10]. Проведя анализ всех измерений социального капитала, авторы приходят к заключению, что социальный капитал может выступать и как атрибут отдельного индивида, любой группы (организации), и как продукт взаимодействия людей в том или ином обществе на макроуровне [10, с. 146].

Социальный капитал на макроуровне — это макропсихологические явления, отвечающие за социальную сплоченность в обществе. В большинстве исследований к социальному капиталу общества относят следующие явления: генерализованное доверие, социальное доверие, институциональное доверие, включенность людей в работу различных общественных организаций, политическую активность и равноправие. Близкую точку зрения на содержание социального капитала можно найти в работах Р. Патнема с коллегами [44]. Некоторые подходы также включают в структуру социального капитала толерантность к многообразию общества (этническому, культурному) [40].

На мезоуровне (уровень групп, прежде всего организаций) к социальному капиталу относятся групповые социально-психологические явления, отвечающие за групповую сплоченность. На данном уровне выделяется когнитивный, структурный и отношенческий компоненты социального капитала [37]. Несколько схожая точка зрения на структуру организационного социального капитала есть и в отечественных исследованиях. В частности, выделяются: эмоциональный, коммуникативный и когнитивный социальный капитал организации [1]. Л.Г. Почебут предлагает рассматривать в качестве компонентов социального капитала организации: доверие, привержен-

ность, репутацию организации, нормы взаимоотношений в организации [9; 12].

Как правило, на мезоуровне социальный капитал снижает транзакционные издержки и облегчает обмен знаниями [14], что делает такое объединение или организацию более конкурентоспособной и развивающейся. Очень весомый вклад в социальный капитал группы привносит альтруистическое и просоциальное поведение ее представителей [5]. Также на организационном уровне социальный капитал позитивно влияет на принятие корпоративных рисков, что способствует повышению эффективности бизнес-процессов в организации [41].

На микроуровне (индивидуальный уровень) к социальному капиталу индивида относят социально-психологические явления, которые могут рассматриваться в качестве его социально-психологических ресурсов [34]. Чаще всего в качестве измерений социального капитала на индивидуальном уровне выступают: количество знакомых, занимаемые ими в обществе позиции, отношения индивида с ними [51].

Тем не менее вышеперечисленный взгляд на структуру социального капитала является наиболее часто встречающимся в публикациях, но не отражает всего многообразия точек зрения на это явление. Логичное объединение многообразия точек зрения на социальный капитал выражено в классификации подходов к этому явлению, предложенной Михаелем Вулкоком и Дитой Нараян [53]. Они выделили 4 подхода к рассмотрению социального капитала.

1. *Коммунитарный подход* приравнивает социальный капитал к таким местным организациям, как клубы, ассоциации и гражданские группы. Коммунитаряны, которые анализируют число и плотность этих групп в рассма-

триваемом сообществе, считают, что социальный капитал всегда позитивно влияет на благосостояние сообщества.

2. *Сетевой подход*. С позиций сетевого подхода социальный капитал представляет собой разнообразие социальных связей как горизонтальных, так и вертикальных. Структура и плотность социальных связей позволяет судить о «соединяющем» и «связывающем» социальном капитале субъекта социальных отношений.

3. *Институциональный подход*. Приверженцы данной точки зрения на природу социального капитала полагают, что существование социальных сетей, сообществ гражданского общества зависит от качества политической, законодательной и институциональной среды. То есть именно институты являются источником социального капитала, который формируется не «снизу», а «сверху». Сплоченность и доверие в обществе являются продуктом качества институциональной среды общества, которая является его подлинным социальным капиталом. Данный подход рассматривает социальный капитал в качестве зависимой переменной, в то время как коммунитарный и сетевой подходы в основном рассматривают социальный капитал как независимую переменную, ведущую к различным результатам.

4. *Синергетический подход*. Специалисты, работающие в рамках данного подхода, рассматривают социальный капитал как системное явление и пытаются объединить наработки коммунитарного, сетевого и институционального подходов [53].

Стоит заметить, что иногда в литературе выделяется «белый» и «черный» (или «серый») социальный капитал. Под «серым» («черным») рассматриваются преступные сообщества или противоза-

конные объединения. Социальный капитал, как и всякий ресурс (например, деньги), нейтрален. Те же деньги становятся «грязными», «кровавыми» или имеют «серое» или «теневое» происхождение только в зависимости от того, как они, будучи просто ресурсом, используются людьми. Социальный капитал как изначально нейтральный ресурс аналогичным образом приобретает свою коннотацию только в зависимости от того, с какой целью люди его создают или используют.

Психологические исследования социального капитала. Концепция социально-психологического капитала личности

Из политической науки и социологии понятие социального капитала пришло в социальную психологию и в настоящее время активно используется в социально-психологических исследованиях, в том числе и в отечественных. П.Н. Шихирев с позиции социально-психологического подхода определяет социальный капитал как «качество социальных связей», отношений между людьми [13]. Шихирев характеризует соотношение понятия «социальный капитал» с предметом социальной психологии следующим образом: социальная психология является наукой о «роли психологических факторов в социальном процессе, который рассматривается как движение системы социальных связей, осуществляющееся посредством обмена формами (образами, мнениями и т.п.), в которых зафиксированы позиции и ценности участников процесса, их отношение (оценка) к отношению (связи). Поскольку социальный капитал — качество социальных отношений, то в первом

приближении можно выказать гипотезу о том, что он рождается из соединения неких особых качеств отношений между людьми с их жизнедеятельностью» [13, с. 18–19]. Таким образом, такое явление, как психологические отношения, рассматривается в качестве связующего звена между социальным капиталом и предметом социальной психологии.

С точки зрения А.Л. Свенцицкого с соавторами, рассмотрения только качества социальных связей недостаточно [10]. Определение П.Н. Шихирева необходимо дополнить еще и количественными показателями, такими как включенность, экспансия социального субъекта (личности или группы) в социальные отношения. «Таким образом, социальный капитал личности (группы) может определяться объемом и качеством ее связей с другими людьми и группами. Кроме того, разные социальные связи имеют разную для индивида или группы ценность, так как предоставляют доступ к ресурсам разного рода» [10, с. 145].

Т.А. Нестик замечает, что с социально-психологической точки зрения социальный капитал представляет собой единство объективных отношений и субъективного отношения к этим отношениям [6, с. 37]. Ценность социальных связей для личности и превращает их в социальный капитал в психологическом значении. Также Т.А. Нестик в одной из своих работ систематизировал и проанализировал психологические явления, которые могут служить показателями социального капитала организации [6]: просоциальное поведение сотрудников, групповые представления, организационную идентичность, организационное доверие, организационную культуру и социальные сети, складывающиеся внутри организации. Основной функцией социального капитала организации, с

точки зрения Т.А. Нестика, является социальной интеграция.

Социальный капитал на макроуровне в социальной психологии практически не рассматривается. Соотнести макроуровневый социальный капитал с предметом психологии довольно сложно. Тем не менее есть попытки социально-психологического рассмотрения проблематики макроуровневого социального капитала. В качестве примера можно привести работу Л.Г. Почебут, справедливо полагающей, что социальный капитал является «сугубо социально-психологическим феноменом, поскольку рождается, накапливается и реализуется в процессе взаимодействия людей» [8]. Л.Г. Почебут отмечает, что общество — это долговременная социальная общность, созданная в процессе взаимодействия людей. Это психологическое взаимодействие реализуется в ходе трех процессов: структуризации общества, создания системы социальных представлений и установления равновесия, гармонии, доверия во взаимоотношениях между людьми. Реализация этих процессов приводит к особому общественному состоянию и способствует накоплению социального капитала [8]. Социальное взаимодействие и возникающее в итоге взаимное доверие народа и власти, с точки зрения Л.Г. Почебут, определяют направленность развития общества. Коллективные представления, выраженные в форме религии, идеологии, ценностей, определяют интенсивность вышеуказанного социального взаимодействия, силу общественных проявлений, гражданскую активность людей, их включенность в социальную жизнь сообщества. Социальный капитал, который является «интегральным состоянием общественных отношений» и характеризуется особенностями социальной организации обще-

ства (структура, активность, нормы взаимодействия), усиливает эффективность совместных действий людей и возможности общества эффективно развиваться экономически и культурно [9, с. 19]. То есть социальный капитал рассматривается как катализатор или фасилитатор продуктивных общественных отношений.

Для обозначения индивидуальных социально-психологических явлений, которые при агрегации в больших социальных группах приводят к накоплению социального капитала, в социальной психологии используется понятие «социально-психологический капитал личности» [3; 11]. Социально-психологический капитал личности (СПКЛ) является системным ресурсом социально-психологических отношений, повышающим субъективное благополучие и эффективность социально-экономического поведения. Данный концепт представляет собой группу связанных между собой социально-психологических отношений индивида, которые на групповом уровне приобретают характеристики группового ресурса: это доверие, выраженность групповой идентичности, готовность к поддержке членов группы (все то, что является «психологическим вкладом» индивида в социальный капитал группы), а также те явления, которые составляют индивидуальный социальный капитал члена группы (который тоже является индивидуальным вкладом в групповые социальные ресурсы): количество друзей, готовых оказать поддержку, включенность индивида в деятельность различных организаций, количество знакомств, составляющих так называемые «слабые связи» индивида. При агрегации на групповом или социетальном уровне анализа данные составляющие СПКЛ образуют социальный капитал группы или общества.

Эффекты социального капитала

Позитивные эффекты социального капитала для тех, кто им обладает — будь то индивид, группа или общество, — довольно хорошо изучены. В достаточно большом количестве исследований убедительно показано, что высокий социальный капитал общества является важным ресурсом его социально-экономического развития [52; 53]. В частности, социальный капитал позитивно связан с экономическим ростом и увеличением доли инвестиций в ВВП, чему способствует высокое доверие в обществе. Также социальный капитал создает условия для экономического роста [50; 52], способствует снижению неравенства в доходах [46, с. 329] и сопряжен с тем, насколько активно организации продуцируют и внедряют инновации [26].

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что в обществах с высоким социальным капиталом люди имеют меньше проблем как с физическим здоровьем [33; 38], так и с психическим [14; 39].

Социальный капитал общества позитивно связан с политическими свободами в обществе и демократией [45], а также влияет на политические процессы в обществе в целом [28]. Хотя в последнем случае остается открытым вопрос о причинно-следственной связи: высокий социальный капитал способствует демократии или свободное, демократическое общество более успешно генерирует социальный капитал.

Социальный капитал влияет на экономические аттитюды людей [25]. В собственных исследованиях автора статьи рассматривалась связь различных показателей социального капитала с различными экономическими представлениями и монетарными аттитюдами, а также с

намерением и поведением (по самоотчету) по открытию собственного бизнеса. Мы обнаружили, что на индивидуальном уровне более высокий социальный капитал позитивно связан с различными продуктивными аспектами экономического поведения индивида. Например, была выявлена позитивная связь с более высокой экономической самостоятельностью поведения, а также было показано, что социальный капитал связан отрицательно с негативными по своей коннотации монетарными аттитюдами: «Накопление» (Retention); «Неадекватность» (Inadequacy); «Безопасность» (Security); «Власть/использование» (Power/spending).

Существующие эмпирические исследования показывают, что индивидуальный социальный капитал служит предиктором предпринимательских аттитюдов [35]. Эмпирические исследования автора статьи были посвящены изучению связи намерения по открытию собственного бизнеса и индивидуального социального капитала (различные виды поддержки, которые могут быть получены от друзей, или «неформальные связи» и включенность в деятельность различных объединений и общественных организаций или «формальные связи»). Исследование на выборке 269 респондентов, намеревающихся в течение ближайших двух лет открыть собственный бизнес, показало, что оба измерения индивидуального социального капитала способствуют реализации намерения по открытию собственного бизнеса. Показателями реализации намерения служили конкретные поведенческие проявления (по самоотчету) — открытие необходимого счета в банке, составление бизнес-плана, покупка необходимого оборудования или аренда помещения. Проведенный через год повторный опрос на выборке респон-

дентов, которые намеревались открыть бизнес (из первоначальных 269 удалось вновь опросить 163 респондента), показал, что 23% респондентов действительно удалось это сделать. Сравнительный анализ (при помощи критерия Колмогорова-Смирнова) показал, что оба измерения индивидуального социального капитала респондентов, открывших и запустивших бизнес, были статистически значимо выше показателей социального капитала тех, кто намеревался открыть бизнес, но не сделал этого в течение года.

Таким образом, социальный капитал может иметь не только позитивные эффекты для групп или обществ, но и для индивидов, им обладающих. Социально-психологический капитал личности тоже имеет позитивные эффекты не только для группы, в которую входит человек с высоким социально-психологическим капиталом, но для самого человека. В целом наши исследования показывают, что люди, обладающие более высоким социально-психологическим капиталом, лучше адаптированы и характеризуются более высоким уровнем субъективного благополучия [11].

Социальный капитал в поликультурном обществе. Предикторы социального капитала на макроуровне

Таким образом, позитивные эффекты социального капитала хорошо изучены, и с уверенностью можно сказать, что данный ресурс облегчает достижение целей как на групповом уровне, так и на индивидуальном, обладая массой позитивных эффектов. Вопрос, который, с авторской точки зрения, изучен еще недостаточно — это вопрос о предикторах социального капитала, особенно на макроуровне.

В литературе, посвященной проблематике социального капитала в целом и доверия (на социетальном уровне) в частности, значительное внимание уделено проблеме влияния этнического разнообразия обществ на социальный капитал. Данный вопрос очень актуален в свете возрастающего этнического разнообразия стран и роста активности миграции населения. Особенно он актуален для России, которая изначально имеет высокий уровень этнического разнообразия и к тому же находится на 3-м месте в мире по ежегодному притоку инокультурных мигрантов. Соответственно, в рамках масштабного эмпирического исследования мы изучили влияние этнического разнообразия на социальный капитал России [47]. В проведенных ранее исследованиях, посвященных данной тематике, нами было обнаружено противоречие. Часть исследований показывала, что этническое разнообразие разрушает социальный капитал общества, то есть имеет негативное влияние на него [32; 43]. Но также были и исследования, показавшие, что нет связи между этническим разнообразием и социальным капиталом, то есть социальный капитал поликультурного общества не страдает от этнического многообразия [21; 33]. Мы провели исследование связи этнического разнообразия с социальным капиталом в 25 регионах России. В результате было показано, что в случае России этническое разнообразие также не оказывает негативного воздействия на социальный капитал. Моделирование при помощи многоуровневых структурных уравнений показало, что этническое разнообразие регионов России не связано с доверием жителей этих регионов, плотностью их формальных связей (участие в деятельности различных организаций), но при этом позитивно связано с неформальными

ми социальными связями — количеством друзей респондента. Таким образом, мы обнаружили, что в российском контексте этническое разнообразие не разрушает социальный капитал общества [47].

Следующий важный вопрос, который был рассмотрен в рамках проблематики изучения социального капитала поликультурного общества, — это вопрос о связи интеграционной иммиграционной политики общества и его социального капитала, в частности, уровня доверия в обществе. Хорошо известно, что интеграционная политика общества в отношении иммигрантов помогает им лучше адаптироваться и иметь более высокое качество жизни. Но как при этом себя чувствует общество в целом? В частности, может ли интеграционная политика в отношении иммигрантов как-то сказываться на социальном капитале общества, уровне доверия? Чтобы ответить на этот вопрос, нами изучалась связь интеграционной иммиграционной политики в 22-х европейских странах и генерализованного доверия населения в этих странах [48]. Для оценки политики обществ нами использовался МІРЕХ — «Индекс интеграционной политики в отношении мигрантов» (Migrant Integration Policy Index) из соответствующей базы данных, для оценки уровня доверия людей в рассматриваемых 22 странах и других переменных использовались данные Европейского Социального Исследования (ESS). Предиктором доверия был МІРЕХ, также мы рассматривали воспринимаемую угрозу в отношении мигрантов в качестве медиатора связи между индексом интеграционной политики и доверием. Индекс МІРЕХ многокомпонентный и включает в себя 8 отдельных компонентов, затрагивающих различные аспекты интеграционной иммиграционной политики. Исследование показало,

что прямой эффект интеграционной иммиграционной политики на генерализованное доверие в обществе хотя и есть, но он слабый и статистически незначимый. Более сильным и значимым эффектом является непрямой, который осуществляется через снижение воспринимаемой групповой угрозы со стороны мигрантов. Вероятно, повышение культурного разнообразия вследствие интеграционной иммиграционной политики не будет иметь негативного эффекта на социальный капитал общества, если такая миграционная политика *не вызывает повышения воспринимаемой групповой угрозы со стороны мигрантов*. Обобщая эффекты отдельных компонентов миграционной политики, мы объединили их в три категории.

1) Компоненты иммиграционной политики, которые потенциально могут приводить к увеличению численности мигрантов («Воссоединение семей иностранных граждан», «Институт вида на жительство»). Эти аспекты иммиграционной политики могут быть негативно связаны с генерализованным доверием, однако их прямой эффект нивелируется позитивным непрямым эффектом (через отрицательную связь с воспринимаемой угрозой), в результате чего их связь с генерализованным доверием является незначимой.

2) Компоненты, признающие равный статус мигрантов с принимающим населением («Доступ к гражданству», «Антидискриминация»). Эти аспекты иммиграционной политики не связаны с генерализованным доверием.

3) Компоненты, способствующие включению мигрантов в экономическую, политическую и социальную жизнь общества («Мобильность рынка труда», «Доступ к образованию», «Политическая вовлеченность», «Здравоохране-

ние»). Эти компоненты имеют прямые позитивные эффекты на генерализованное доверие населения страны. Вероятное объяснение состоит в том, что совершенствование политики общества в данных областях сказывается позитивно не только на мигрантах, но и на коренном населении, повышая его благополучие и, соответственно, социальный капитал.

Таким образом, этническое разнообразие общества и политика общества, поддерживающая такое разнообразие, не снижают социальный капитал. Сам по себе социальный капитал в поликультурном обществе очень важен для взаимной адаптации представителей различных этнических групп [2; 20]. В рамках данного вопроса нами изучалась связь социального капитала и аккультурационных установок [см. 16] у мигрантов из постсоветских республик Центральной Азии и Южной Кореи, которые, с одной стороны, имеют в своих культурах схожие характеристики (коллективизм, иерархия, долгосрочная временная ориентация), но, с другой стороны, представители этих культур в разной степени знакомы с российской культурой и имеют различную культурную дистанцию с россиянами. В исследовании мы пытались связать в одну модель аккультурационные стратегии, соединяющий и связывающий социальный капитал представителей двух данных групп мигрантов и их социокультурную адаптацию. Первый вопрос, которым мы задались, — что все же первично — социальный капитал мигрантов или их аккультурационные стратегии по отношению к социокультурной адаптации? То есть в зависимости от своего социального капитала мигрант выбирает ту или иную стратегию или в зависимости от выбранной заранее стратегии ему удается аккумулировать определенное количество связывающего и соединяющего социального капитала? Что проис-

ходит сначала — человек на новом месте заводит знакомства и на их основе определяется с аккультурационной стратегией или, наоборот, строит свой круг общения, исходя из своей аккультурационной стратегии? Также нас интересовало, какой вид социального капитала — соединяющий или связывающий — наиболее важен для социокультурной адаптации двух данных групп мигрантов? Исследование показало, что, во-первых, социальный капитал этих групп мигрантов первичен. Сначала они завязывают знакомства, формируют отношения с представителями своей группы и принимающего населения, а затем уже в зависимости от социального капитала выбирают одну из следующих аккультурационных стратегий: интеграция, ассимиляция или сепарация. Во-вторых, оказалось, что у представителей двух данных этнических групп, в различной степени знакомых с культурой России и в разной степени знающих русский язык, в России способствуют различные виды социального капитала их адаптации. Если у мигрантов из Центральной Азии это преимущественно *соединяющий* социальный капитал (то есть контакты с представителями принимающего населения), то у мигрантов из Южной Кореи это преимущественно *связывающий* социальный капитал (то есть контакты с представителями собственной этнической группы). Оказалось, что мигранты из Южной Кореи, которым в силу недостаточного знания русского языка и культуры России сложнее выстраивать отношения с принимающим населением, обмениваются опытом и помогают друг другу адаптироваться, поэтому именно ресурс отношений внутри своей этнической группы способствует более эффективной социокультурной адаптации.

Социальный капитал способствует не только адаптации мигрантов в России,

но и взаимной адаптации этнических групп поликультурных регионов России, в частности, нами рассматривался данный вопрос на примере представителей трех этнических групп самого этнически гетерогенного региона России — Республики Дагестан. В данном исследовании мы изучали социальный механизм, посредством которого индивидуальный социальный капитал связан с взаимной адаптацией этнических групп поликультурного региона, используя так называемую «гипотезу интеграции» [36]. Согласно предложенной нами гипотетической медиативной модели, ориентация индивида на стратегию интеграции позволяет ему более эффективно формировать и связывающий (отношения с представителями собственной этнической группы), и соединяющий (отношения с представителями иноэтнических групп) социальный капитал и посредством этого более эффективно адаптироваться в поликультурном регионе. Эмпирическое исследование, проведенное в Дагестане, включало респондентов из 3-х этнических групп, различающихся по статусу, особенностям культуры и численности: русских, аварцев и даргинцев. В результате исследования мы выделили 2 сценария взаимной адаптации этнических групп в поликультурном регионе. Первый сценарий подтверждает нашу модель, основанную на гипотезе интеграции: представители этнических групп могут ориентироваться на стратегию интеграции, что способствует формированию соединяющего и связывающего социального капитала и, в конечном итоге, эффективной психологической адаптации в поликультурном регионе. Однако есть и второй, «сепарационный» сценарий, когда представители этнической группы в межэтнических отношениях ориентируются на сепарацию и

преимущественное формирование связывающего социального капитала, что для них также может быть эффективно в плане субъективного благополучия психологической адаптации к поликультурности региона. И если для представителей этнических групп оба сценария могут быть эффективны в плане психологической адаптации, то для поликультурного региона в целом, его сплоченности, развития эти сценарии могут иметь последствия. Сепарационный сценарий хотя и может быть эффективным для повышения благополучия представителей отдельной этнической группы, но для социального капитала региона в целом он не будет иметь позитивных эффектов.

Заключение

Понятие социального капитала остается скорее «зонтичным», объединяя набор ряда явлений, удовлетворяющих определенным характеристикам. С одной стороны, это хорошо, поскольку социально-психологические явления многогранны, и чем больше их граней мы включаем в наши исследования, тем более полную картину реальности мы получаем. С другой стороны, такое разнообразие затрудняет сопоставление исследований или анализ изменений, что также очень важно для социальных наук.

Показатели социального капитала на групповом и индивидуальном уровнях различны. Те индивидуальные социально-психологические явления (доверие, групповая идентичность, готовность к взаимной поддержке, связи с окружающими, принятие разнообразия), которые на групповом уровне складываются в социальный капитал группы, мы обозначаем термином «социально-психо-

логический капитал личности». Данное явление отличается от индивидуально-социального капитала (количества друзей, родственников, готовых оказать индивиду различные виды помощи) тем, что индивидуальный социальный капитал — это ресурс, который индивид может использовать для достижения своих целей, а социально-психологический капитал личности — это социально-психологический ресурс, который индивид «вкладывает», привносит в группу, позволяя ей более эффективно достигать групповые цели.

Социальный капитал в поликультурном обществе является одним из ресурсов взаимной адаптации этнических групп. Что касается связи этнического разнообразия с социальным капиталом, то, хотя большинство зарубежных исследований говорят о снижении социально-

го капитала в условиях этнического разнообразия [19], на примере России мы этого не обнаружили. Связь этнического разнообразия с социальным капиталом сильно зависит от контекста. Также на примере 22 европейских стран мы обнаружили в целом позитивную роль интеграционной иммиграционной политики для «ядра» социального капитала — генерализованного доверия.

Современные события ставят интересные задачи, которые могут быть решены в рамках теории социального капитала, в частности, представляется чрезвычайно интересным изучение влияния пандемии COVID-19 как на индивидуальный социальный капитал, так и на социальный капитал обществ [17]. А также успешность преодоления пандемии в обществах с различным уровнем социального капитала.

Литература

1. Бардиер Г.Л. Социальные потребности и социальный капитал: аспекты личности и организации // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. № 2(32). С. 22–30.
2. Дубров Д.И. Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью принимающего населения: роль генерализованного доверия // Социальная психология и общество. 2017. № 3(8). С. 85–99. DOI:10.17759/sps.2017080307
3. Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. Психологический капитал организации в контексте ресурсного и социально-психологического подходов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 59–70. DOI:10.17759/sps.2020110405
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
5. Марарица Л.В., Казаницева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л. Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. 2018. № 1(9). С. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104
6. Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Ч. II // Психологический журнал. 2009. № 2(30). С. 29–42.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1996. 287 с.
8. Почебут Л.Г. Психология общества и социальный капитал // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 12. Вып. 1. С. 18–25.
9. Почебут Л.Г., Кузнецова И.В., Чикер В.А. Социальный капитал организации в условиях эпидемии COVID-19 // Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2. С. 221–224. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.007

10. *Свенцицкий А.Л., Почебут Л.Г., Килошенко М.И., Кузнецова И.В., Марарица Л.В., Казанцева Т.В.* Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2004. Сер. 12. Вып. 3. Ч. II. С. 140–149.
11. *Татарко А.Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014. 384 с.
12. *Чикер В.А., Почебут Л.Г., Волкова Н.В.* Психологические аспекты консолидации социального капитала вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 1–2. С. 33–46. DOI:10.15826/umpra.2019.01-2.002
13. *Шухирев П.Н.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32.
14. *Alghababsheh M., Gallear D.* Social capital in buyer-supplier relationships: A review of antecedents, benefits, risks, and boundary conditions // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 91. P. 338–361. DOI:10.1016/j.indmarman.2020.10.003
15. *Almedom A.M.* Social capital and mental health: An interdisciplinary review of primary evidence // Social science & medicine. 2005. Vol. 61. № 5. P. 943–964. DOI:10.1016/j.socscimed.2004.12.025
16. *Berry J.W.* Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46. P. 5–34. DOI:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
17. *Borgonovi F., Elodie A.* Bowling together by bowling alone: Social capital and COVID-19 // Social Science & Medicine. 2020. Vol. 265. PMID: 113501. DOI:10.1016/j.socscimed.2020.113501
18. *Coates D., Heckelman J.* Interest groups and investment: a further test of the Olson hypothesis // Public Choice. 2003. Vol. 117. P. 333–340. DOI:10.1023/B:PUCH.0000003737.58212.a7
19. *Dinesen P.T., Schaeffer M., Sønderskov K.M.* Ethnic diversity and social trust: A narrative and meta-analytical review // Annual Review of Political Science. 2020. Vol. 23. P. 441–465. DOI:10.1146/annurev-polisci-052918-020708
20. *Du Plooy D.R., Lyons A., Kashima E.S.* Social capital and the well-being of migrants to Australia: Exploring the role of generalised trust and social network resources // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 79. P. 1–12. DOI:10.1016/j.ijintrel.2020.07.001
21. *Gesthuizen M., Van der Meer T., Scheepers P.* Ethnic diversity and social capital in Europe: Tests of Putnam's thesis in European countries // Scandinavian Political Studies. 2009. Vol. 32. P. 121–142. DOI:10.1111/j.1467-9477.2008.00217.x
22. *Granovetter M.* The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380. DOI:10.1086/225469
23. *Griswold M.T., Nichols M.W.* Social capital and casino gambling in US communities // Social Indicators Research. 2006. Vol. 77. P. 369–394. DOI:10.1007/s11205-004-6337-7
24. *Hanifan L.J.* The rural school community center // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1916. Vol. 67. P. 130–38. DOI:10.1177/000271621606700118
25. *Hasan I., He Q., Lu H.* The impact of social capital on economic attitudes and outcomes // Journal of International Money and Finance. 2020. Vol. 108. PMID: 102162. DOI:10.1016/j.ijintrel.2020.07.001
26. *Hasan I., Hoi C.K.S., Wu Q., Zhan H.* Is social capital associated with corporate innovation? Evidence from publicly listed firms in the US // Journal of Corporate Finance. 2020. Vol. 62. PMID: 101623. DOI:10.1016/j.jcorpfin.2020.101623
27. *Heizmann B., Bohnke P.* Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contacts // Research in Social Stratification and Mobility. 2016. Vol. 46. P. 73–85. DOI:10.1016/j.rssm.2016.08.006
28. *Hou J.Z., Zhu Y.* Social capital, guanxi and political influence in Chinese government relations // Public Relations Review. 2020. Vol. 46. № 1. PMID: 101885. DOI:10.1016/j.pubrev.2020.101885

29. Jun H.J., Ha S.K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community // *Habitat International*. 2015. Vol. 47. P. 126–135. DOI:10.1016/j.habitatint.2015.01.013
30. Knack S. Groups, growth and trust: cross-country evidence on the Olson and Putnam hypothesis // *Public Choice*. 2003. Vol. 117. № 3–4. P. 341–355. DOI:10.1162/003355300555475
31. Kunitz S.J. Social capital and health // *British Medical Bulletin*. 2004. Vol. 69. № 1. P. 61–73. DOI:10.1093/bmb/ldh015
32. Leigh A. Trust, inequality and ethnic heterogeneity // *Economic Record*. 2006. Vol. 82. P. 268–280. DOI:10.1111/j.1475-4932.2006.00339.x
33. Letki N. Does diversity erode social cohesion? Social capital and race in British neighbourhoods // *Political Studies*. 2008. Vol. 56. P. 99–126. DOI:10.1111/j.1467-9248.2007.00692.x
34. Lin N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 294 p. DOI:10.1017/CBO9780511815447
35. Mahfud T., Triyono M.B., Sudira P., Mulyani Y. The influence of social capital and entrepreneurial attitude orientation on entrepreneurial intentions: the mediating role of psychological capital // *European Research on Management and Business Economics*. 2020. Vol. 26. № 1. P. 33–39. DOI:10.1016/j.iedeen.2019.12.005
36. Mutual intercultural relations / In Berry J. (eds). Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017. 406 p. DOI:10.1017/9781316875032
37. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // *Academy of management review*. 1998. Vol. 23. № 2. P. 242–266. DOI:10.5465/amr.1998.533225
38. Nieuwenhuis J. Neighborhood social capital and adolescents' individual health development // *Social Science & Medicine*. 2020. Vol. 265. PMID: 113417. DOI:10.1016/j.socscimed.2020.113417
39. Oluwaseyi S.D., Fotso A.S. The effect of family and neighbourhood social capital on youth mental health in South Africa // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 83. P. 22–26. DOI:10.1016/j.adolescence.2020.06.009
40. Onyx J., Bullen P. Measuring social capital in five communities // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2000. Vol. 36. № 1. P. 23–42. DOI:10.1177/0021886300361002
41. Panta H. Does social capital influence corporate risk-taking? // *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2020. Vol. 26. PMID: 100301. DOI:10.1016/j.jbef.2020.100301
42. Putnam R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p. DOI:10.1145/358916.361990
43. Putnam R.D. Diversity, social capital, and immigrant integration // *National Civic Review*. 2009. Vol. 98. P. 3–5. DOI:10.1002/ncr.236
44. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton university press, 1993. 299 p. DOI:10.1515/9781400820740
45. Social capital and the transition to democracy / In Badescu G., Uslander E. (eds). L.-N.Y.: Routledge, 2003. 256 p. DOI:10.4324/9780203428092
46. Svendsen G.T., Svendsen G.H. *Handbook of social capital. The troika of sociology, political science and economics*. Cheltenham, UK: Edward Elgarm, 2010. 459 p.
47. Tatarko A., Mironova A., van de Vijver F.J. Ethnic diversity and social capital in the Russian context // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. Vol. 48. № 4. P. 542–559. DOI:10.1177/0022022117692099
48. Tatarko A., Jurcik T. Migrant Integration Policies, Perceived Group Threat and Generalized trust: a Case of European Countries // *Journal of International Migration & Integration*. Vol. 22. P. 705–727. DOI:10.1007/s12134-020-00763-4
49. Tocqueville Alexis de. *Democracy in America*. The University of Chicago Press. Chicago, 2000. 722 p. DOI:10.7208/chicago/9780226924564.001.0001

50. Torsvik G. Social capital and economic development: A plea for the mechanisms // *Rationality and Society*. 2000. Vol. 12. № 4. P. 451–476. DOI:10.1177/104346300012004005
51. Van der Gaag M., Webber M. Measurement of individual social capital: Questions, instruments, & measures // *Social capital and health* / In I. Kawachi, S. Subramanian, D. Kim (eds.). New York, NY: Springer, 2008. P. 29–49. DOI:10.1007/978-0-387-71311-3_2
52. Woolcock M. Social capital and economic development: toward a theoretical synthesis and policy framework // *Theory and Society*. 1998. Vol. 27. № 2. P. 151–208. DOI:10.1023/A:1006884930135
53. Woolcock M., Narayan D. Social capital: Implications for development theory, research, and policy // *The world bank research observer*. 2000. Vol. 15. № 2. P. 225–249. DOI:10.1093/wbro/15.2.225

References

1. Bardier G.L. Sotsial'nye potrebnosti i sotsial'nyy kapital: aspekty lichnosti i organizatsii [Social needs and social capital: aspects of the individual and organization]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* = *Scientific Notes. Journal of St. Petersburg State Institute of psychology and social work*, 2019. Vol. 32, no. 2, pp. 22–30. (In Russ.).
2. Dubrov D.I. Vzaimosvyaz' akkul'turatsionnogo ozhidaniya «integratsiya» i udovletvorennosti zhizn'yu primimayushchego naseleniya: rol' generalizovannogo doveriya [Interrelation of acculturation expectation “integration” and life satisfaction of the host population: the role of generalized trust]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and society*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 85–99. DOI:10.17759/sps.2017080307 (In Russ.).
3. Ermolaeva M.V., Lubovskiy D.V. Psikhologicheskyy kapital organizatsii v kontekste resursnogo i sotsial'no-psikhologicheskogo podkhodov [Psychological capital of an organization in the context of resource and socio-psychological approaches]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 59–70. DOI:10.17759/sps.2020110405 (In Russ.).
4. Koulman Dzh. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* = *Social Sciences and modernity*, 2001, no. 3, pp.121–139. (In Russ.).
5. Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Svetsitskiy A.L. Vklad lichnosti v sotsial'nyy kapital gruppy: struktura al'truisticheskogo investirovaniya [Personal contribution to the social capital of the group: the structure of altruistic investment]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104 (In Russ.).
6. Nestik T.A. Sotsial'nyy kapital organizatsii: sotsial'no-psikhologicheskyy analiz. Ch. II [Social capital of the organization: socio-psychological analysis. Part II]. *Psikhologicheskyy zhurnal* = *Psychological journal*, 2009. Vol. 30, no. 2, pp. 29–42. (In Russ.).
7. Putnam R. Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: Publ. «Ad Marginem», 1996. 287 p. (In Russ.).
8. Pochebut L.G. Psikhologiya obshchestva i sotsial'nyy kapital [Psychology of society and social capital]. *Vestnik SPbGU* = *Bulletin Of St. Petersburg State University*, 2011. Ser. 12, no. 1, pp. 18–25. (In Russ.).
9. Pochebut L.G., Kuznetsova I.V., Chiker V.A. Sotsial'nyy kapital organizatsii v usloviyakh epidemii COVID-19 [The organizational social capital in the context of the COVID-19 epidemic]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* = *Social and economic psychology*, 2020. Vol. 5, no. 2, pp. 221–224. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.007 (In Russ.).
10. Svetsitskiy A.L., Pochebut L.G., Kiloshenko M.I., Kuznetsova I.V., Mararitsa L.V., Kazantseva T.V. Sotsial'nyy kapital i ego formirovanie: sotsial'no-psikhologicheskyy podkhod [Social capital and its formation: a socio-psychological approach]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta* = *Bulletin of Saint Petersburg University*, 2004. Ser. 12, no. 3, part II, pp. 140–149. (In Russ.).

11. Tatarko A.N. Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti v polikul'turnom obshchestve [Socio-psychological capital of the individual in a multicultural society]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2014. 384 p. (In Russ.).
12. Chiker V.A., Pochebut L.G., Volkova N.V. Psikhologicheskie aspekty konsolidatsii sotsial'nogo kapitala vuza [Psychological aspects of the consolidation of the social capital of the university]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: Practice and analysis*, 2019. Vol. 23, no. 1–2, pp. 33–46. DOI:10.15826/umpa.2019.01-2.002 (In Russ.).
13. Shikhirev P.N. Priroda sotsial'nogo kapitala: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [Nature of social capital: a socio-psychological approach]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*, 2003, no. 2, pp. 17–32. (In Russ.).
14. Alghababsheh M., Gallear D. Social capital in buyer-supplier relationships: A review of antecedents, benefits, risks, and boundary conditions. *Industrial Marketing Management*, 2020. Vol. 91, pp. 338–361. DOI:10.1016/j.indmarman.2020.10.003
15. Almedom A.M. Social capital and mental health: An interdisciplinary review of primary evidence. *Social science & medicine*, 2005. Vol. 61, no. 5, pp. 943–964. DOI:10.1016/j.socscimed.2004.12.025
16. Berry J. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology*, 1997. Vol. 46, pp. 5–34. DOI:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
17. Boronovi F., Elodie A. Bowling together by bowling alone: Social capital and COVID-19. *Social Science & Medicine*, 2020. Vol. 265. PMID: 113501. DOI:10.1016/j.socscimed.2020.113501
18. Coates D., Heckelman J. Interest groups and investment: a further test of the Olson hypothesis. *Public Choice*, 2003. Vol. 117, pp. 333–340. DOI:10.1023/B:PUCH.0000003737.58212.a7
19. Dinesen P.T., Schaeffer M., Sønderskov K.M. Ethnic diversity and social trust: A narrative and meta-analytical review. *Annual Review of Political Science*, 2020. Vol. 23, pp. 441–465. DOI:10.1146/annurev-polisci-052918-020708
20. Du Plooy D.R., Lyons A., Kashima E.S. Social capital and the well-being of migrants to Australia: Exploring the role of generalised trust and social network resources. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020. Vol. 79, pp. 1–12. DOI:10.1016/j.ijintrel.2020.07.001
21. Gesthuizen M., Van der Meer T., Scheepers P. Ethnic diversity and social capital in Europe: Tests of Putnam's thesis in European countries. *Scandinavian Political Studies*, 2009. Vol. 32, pp. 121–142. DOI:10.1111/j.1467-9477.2008.00217.x
22. Granovetter M. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 1973. Vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380. DOI:10.1086/225469
23. Griswold M.T., Nichols M.W. Social capital and casino gambling in US communities. *Social Indicators Research*, 2006. Vol. 77, pp. 369–394. DOI:10.1007/s11205-004-6337-7
24. Hanifan L.J. The rural school community center. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1916. Vol. 67, pp. 130–38. DOI:10.1177/000271621606700118
25. Hasan I., He Q., Lu H. The impact of social capital on economic attitudes and outcomes. *Journal of International Money and Finance*, 2020. Vol. 108. PMID: 102162. DOI:10.1016/j.ijintrel.2020.07.001
26. Hasan I., Hoi C.K.S., Wu Q., Zhan H. Is social capital associated with corporate innovation? Evidence from publicly listed firms in the US. *Journal of Corporate Finance*, 2020. Vol. 62. PMID: 101623. DOI:10.1016/j.jcorpfin.2020.101623
27. Heizmann B., Bohnke P. Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contacts. *Research in Social Stratification and Mobility*, 2016. Vol. 46, pp. 73–85. DOI:10.1016/j.rssm.2016.08.006
28. Hou J.Z., Zhu Y. Social capital, guanxi and political influence in Chinese government relations. *Public Relations Review*, 2020. Vol. 46, no. 1. PMID: 101885. DOI:10.1016/j.pubrev.2020.101885

29. Jun H.J., Ha S.K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community. *Habitat International*, 2015. Vol. 47, pp. 126–135. DOI:10.1016/j.habitatint.2015.01.013
30. Knack S. Groups, growth and trust: cross-country evidence on the Olson and Putnam hypothesis. *Public Choice*, 2003. Vol. 117, no. 3–4, pp. 341–355. DOI:10.1162/003355300555475
31. Kunitz S.J. Social capital and health. *British Medical Bulletin*, 2004. Vol. 69, no. 1, pp. 61–73. DOI:10.1093/bmb/ldh015
32. Leigh A. Trust, inequality and ethnic heterogeneity. *Economic Record*, 2006. Vol. 82, pp. 268–280. DOI:10.1111/j.1475-4932.2006.00339.x
33. Letki N. Does diversity erode social cohesion? Social capital and race in British neighbourhoods. *Political Studies*, 2008. Vol. 56, pp. 99–126. DOI:10.1111/j.1467-9248.2007.00692.x
34. Lin N. Social capital: A theory of social structure and action. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 294 p. DOI:10.1017/CBO9780511815447
35. Mahfud T., Triyono M.B., Sudira P., Mulyani Y. The influence of social capital and entrepreneurial attitude orientation on entrepreneurial intentions: the mediating role of psychological capital. *European Research on Management and Business Economics*, 2020. Vol. 26, no. 1, pp. 33–39. DOI:10.1016/j.iiedeen.2019.12.005
36. Mutual intercultural relations / In Berry J. (eds). Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017. 406 p. DOI:10.1017/9781316875032
37. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. *Academy of management review*, 1998. Vol. 23, no. 2, pp. 242–266. DOI:10.5465/amr.1998.533225
38. Nieuwenhuis J. Neighborhood social capital and adolescents' individual health development. *Social Science & Medicine*, 2020. Vol. 265. PMID: 113417. DOI:10.1016/j.socscimed.2020.113417
39. Oluwaseyi S.D., Fotso A.S. The effect of family and neighbourhood social capital on youth mental health in South Africa. *Journal of Adolescence*, 2020. Vol. 83, pp. 22–26. DOI:10.1016/j.adolescence.2020.06.009
40. Onyx J., Bullen P. Measuring social capital in five communities. *The Journal of Applied Behavioral Science*, 2000. Vol. 36, no. 1, pp. 23–42. DOI:10.1177/0021886300361002
41. Panta H. Does social capital influence corporate risk-taking? *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 2020. Vol. 26. PMID: 100301. DOI:10.1016/j.jbef.2020.100301
42. Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p. DOI:10.1145/358916.361990
43. Putnam R.D. Diversity, social capital, and immigrant integration. *National Civic Review*, 2009. Vol. 98, pp. 3–5. DOI:10.1002/ncr.236
44. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton university press, 1993. 299 p. DOI:10.1515/9781400820740
45. Social capital and the transition to democracy / In Badescu G., Uslander E. (eds). L.-N.Y.: Routledge, 2003. 256 p. DOI:10.4324/9780203428092
46. Svendsen G.T., Svenddsen G.H. Handbook of social capital. The troika of sociology, political science and economics. Cheltenham, UK: Edward Elgarm, 2010. 459 p.
47. Tatarko A., Mironova A., van de Vijver F.J. Ethnic diversity and social capital in the Russian context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017. Vol. 48, no. 4, pp. 542–559. DOI:10.1177/0022022117692099
48. Tatarko A., Jurcik T. Migrant Integration Policies, Perceived Group Threat and Generalized trust: a Case of European Countries. *Journal of International Migration & Integration*, 2021. Vol. 22, pp. 705–727. DOI:10.1007/s12134-020-00763-4
49. Tocqueville Alexis de. Democracy in America. The University of Chicago Press. Chicago, 2000. 722 p. DOI:10.7208/chicago/9780226924564.001.0001
50. Torsvik G. Social capital and economic development: A plea for the mechanisms. *Rationality and Society*, 2000. Vol. 12, no. 4, pp. 451–476. DOI:10.1177/104346300012004005

51. Van der Gaag M., Webber M. Measurement of individual social capital: Questions, instruments, & measures. In I. Kawachi, S. Subramanian, D. Kim (eds.). *Social capital and health*. New York, NY: Springer, 2008, pp. 29–49. DOI:10.1007/978-0-387-71311-3_2
52. Woolcock M. Social capital and economic development: toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory and Society*, 1998. Vol. 27, no. 2, pp. 151–208. DOI:10.1023/A:1006884930135
53. Woolcock M., Narayan D. Social capital: Implications for development theory, research, and policy. *The world bank research observer*, 2000. Vol. 15, no. 2, pp. 225–249. DOI:10.1093/wbro/15.2.225

Информация об авторах

Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); главный научный сотрудник, зам. директора Центра социокультурных исследований ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: tatarko@yandex.ru

Information about the authors

Alexander N. Tatarko, Doctor of Psychology, Chief Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: tatarko@yandex.ru

Получена 29.11.2020

Received 29.11.2020

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян

Сычев О.А.

**ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина),
г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru**

Протасова И.Н.

**ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина),
г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru**

Цель. Изучить связь моральных оснований с внешнеполитическими установками россиян.

Контекст и актуальность. В психологии растет интерес к факторам, определяющим отношение к другим народам и странам, однако слабо изучены остаются внешнеполитические установки граждан, определяющие поддержку соответствующего внешнеполитического курса страны. В данном исследовании внешнеполитические установки рассматриваются в контексте теории моральных оснований. Предполагается, что установка на вооруженное соперничество связана с моральными основаниями, составляющими этику сообщества («Лояльность», «Уважение», «Чистота»), и национализмом. В основе установки на международное сотрудничество могут лежать моральные основания, составляющие этику автономии («Забота» и «Справедливость»).

Дизайн исследования. Использовался корреляционный дизайн с последующим структурным линейным моделированием и анализом медиационных эффектов.

Участники. 214 студентов (средний возраст 25,18; 20% мужчин).

Методы (инструменты). Проводился бланковый опрос с помощью опросника моральных оснований Дж. Грэхема и др., разработанного на основе методики Т. Гравелла с соавт., опросника внешнеполитических установок и шкалы гражданской идентичности из Международного социального опроса.

Результаты. Структурное моделирование подтвердило опосредованную через национализм связь этики сообщества с установкой на вооруженное соперничество и непосредственную связь этики автономии с установкой на сотрудничество. Обнаружилось также, что этика автономии противостоит национализму и связанной с ним установке на вооруженное соперничество.

Основные выводы. Внешнеполитические установки россиян связаны с особенностями моральной сферы личности и национализмом: этика сообщества через национализм поддерживает установку на вооруженное соперничество, а этика автономии — установку на сотрудничество.

Ключевые слова: внешнеполитические установки, установка на вооруженное соперничество, установка на международное сотрудничество, моральные основания, национализм.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-00119.

Для цитаты: Сычев О.А., Протасова И.Н. Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 53–70. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120404>

Relationship of Ethic of Autonomy, Community and Nationalism to Russians' Foreign Policy Attitudes

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Objectives. *The aim was to study the association between moral foundations and Russians' foreign policy attitudes.*

Background. *There is a growing interest in the factors that determine attitudes towards other peoples and countries, but the foreign policy attitudes of citizens that determine their support of the respective state's foreign policy remain insufficiently researched. This study examines the foreign policy attitudes in the context of the Moral foundations theory. We assume that militant internationalism is related to binding moral foundations ("Loyalty", "Respect", "Purity") and nationalism, while cooperative internationalism probably is based on the individualizing moral foundations ("Care" and "Justice").*

Study design. *Correlation design was used, followed by structural linear modeling and analysis of mediation effects.*

Participants. *214 university students (average age 25.18, 20% men).*

Measurements. *A blank survey was conducted using Moral Foundations Questionnaire by J. Graham et al., the questionnaire developed on the basis of Foreign Policy Attitudes Scales by T. Gravelle et al., and Civil Identity Scale from the International Social Survey.*

Results. *The results of structural equation modeling have confirmed the indirect relation between binding moral foundations and militant internationalism mediated by the nationalism and the direct association between cooperative internationalism and individualizing moral foundations. We also revealed that individualizing moral foundations were inversely associated to nationalism and the related militant internationalism.*

Conclusions. *Russians' foreign policy attitudes are related with the characteristics of the moral sphere and nationalism: Binding moral foundations indirectly (through nationalism) support militant internationalism, while individualizing moral foundations support cooperative internationalism.*

Keywords: *foreign policy attitudes, militant internationalism, cooperative internationalism, moral foundations, nationalism.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-00119.*

For citation: Sychev O.A., Protasova I.N. Relationship of Ethic of Autonomy, Community and Nationalism to Russians' Foreign Policy Attitudes. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 53–70. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120404> (In Russ.).

Введение

В последние годы в отечественной психологии наблюдается рост интереса к социально-психологическим факторам, определяющим отношение к другим народам и странам, о чем свидетельствуют недавние исследования этнонациональных [10] и ксенофобских [2] установок, аттитюдов к войне [4], национализма [1], этнической толерантности [3] и других аналогичных явлений. Причины такого интереса, вероятно, связаны с изменениями в общественной жизни, проявляющимися в повышении мобильности населения и усилении контактов между разными странами и народами. Международные отношения определяются не только интересами отдельных граждан и организаций, но и в значительной мере зависят от внешнеполитического курса страны. В то же время у граждан существуют собственные убеждения и взгляды по поводу внешней политики, проявляющиеся в готовности к одобрению или неодобрению определенного внешнеполитического курса. Таковую систему убеждений и взглядов, предрасполагающую к поддержке определенного курса во внешней политике, можно назвать внешнеполитической установкой [16].

Наиболее известный подход к анализу внешнеполитических установок был предложен Ю. Уиткопфом, выделившим два основных фактора, обобщенно характеризующих мнение американских граждан о внешней политике [31]. Первый отражает стремление к мирному сотрудничеству между разными странами — это так называемый «Сотрудничающий интернационализм» (*cooperative internationalism*), который иногда также характеризуют как либеральный интернационализм или голубиную политику [16]. Другой фактор — воинственный интернационализм (*militant*

internationalism) или ястребиная политика — выражает убеждение в необходимости наращивания военной силы и ее применения за рубежом. Подобная структура внешнеполитических установок впоследствии неоднократно находила подтверждение как в США [29], так и в других западных странах [11; 27].

Эти два фактора представляют собой наиболее существенные измерения пространства внешнеполитических взглядов, хотя впоследствии предпринимались неоднократные попытки представить более дифференцированную структуру. В первую очередь необходимо упомянуть идею о том, что два рассмотренных выше измерения в разных сочетаниях порождают четыре типа внешнеполитических взглядов: сторонников жесткой линии, приспособляющихся, интернационалистов и изоляционистов [19]. Несмотря на обоснованность и подробность такой классификации, подобный типологический подход к внешнеполитическим установкам получил меньшее распространение, вероятно, в силу меньшей пригодности для количественного анализа. Тем не менее установку на изоляцию страны во внешнеполитических отношениях некоторые авторы стали выделять в качестве самостоятельного фактора [16; 26]. К другим внешнеполитическим установкам, описанным в отдельных исследованиях, относится, например, установка на глобальную справедливость с перераспределением богатства [16].

Среди индивидуально-психологических особенностей, составляющих личностную основу внешнеполитических установок, в первую очередь следует назвать ценности. В исследовании связи таких установок с базовыми ценностями по Ш. Шварцу [26] было показано, что ценности сохранения тесно связаны с ястребиной внешней политикой, в то время

как ценности универсализма поддерживают либеральный интернационализм.

В исследованиях психологических факторов идеологических предпочтений и политических взглядов в последние годы значительное внимание уделяется моральным нормам и ценностям. Наибольшую известность в этой области получила теория моральных оснований (ТМО), разработанная Дж. Хайдтом с коллегами [13–15; 24]. В результате теоретического анализа и обобщения эмпирических данных авторы ТМО описали структуру моральной сферы, используя пять *моральных оснований* (то есть норм и ценностей, выступающих в качестве оснований для моральной оценки) [14]:

1) *Забота* (включающая одобрение заботы о близких, о слабых и незащищенных, запрет на причинение эмоционального и физического вреда);

2) *Справедливость* (справедливое, непредвзятое отношение, равенство, честность);

3) *Лояльность группе* (преданность интересам группы, нетерпимость к изменникам);

4) *Уважение* (уважение власти, авторитетных лиц, традиций, общественной иерархии);

5) *Чистота* (осуждение отвратительных, постыдных поступков, развращенности и распущенности, одобрение целомудрия и почитания святынь, запрет на их неуважение, осквернение).

Проведенные на базе ТМО исследования ярко продемонстрировали тесную связь различий в идеологических и политических взглядах с профилем моральных оснований, характеризующим соотношение либеральных, прогрессистских и консервативных, традиционалистских моральных ценностей [5; 12; 22–24]. Начало этой линии исследований было положено в работе Дж. Грэхема с соавт. [13], показавшей,

что соотношение этики автономии (включающей моральные основания «Забота» и «Справедливость») и этики сообщества (включающей моральные основания «Лояльность», «Уважение» и «Чистота») тесно связано с либеральными или консервативными взглядами. Согласно результатам этого исследования, неоднократно подтвержденным впоследствии в разных культурах и странах [20; 22; 23], у лиц с либеральными взглядами оценка моральных оснований, составляющих «этику автономии», обычно существенно выше оценки моральных оснований, входящих в «этику сообщества». Консервативные взгляды, как правило, сочетаются с поддержкой всех моральных оснований. С учетом этих фактов для характеристики соотношения этики автономии и этики сообщества в индивидуальном профиле моральных ценностей в исследованиях моральных основ политических взглядов стал использоваться дополнительный показатель, представляющий собой разность между ними и получивший условное название «коэффициент прогрессивизма» [28].

Переходя к внешнеполитическим установкам, можно экстраполировать описанную выше тенденцию и предположить, что связанная с либеральной идеологией этика автономии должна поддерживать либеральный интернационализм (установку на мирное международное сотрудничество), в то время как связанная с консервативными убеждениями этика сообщества должна поддерживать ястребиную, жесткую внешнюю политику. Это предположение ранее было подтверждено на выборке жителей США: при контроле демографических факторов и предпочитаемой идеологии моральные основания, соответствующие этике автономии, статистически значимо предсказывали сотрудничающий интернационализм, в то время как моральные основания, составляющие этику со-

общества, были значимыми предикторами воинственного интернационализма [21]. Тем не менее в другом исследовании личностных факторов внешнеполитического консерватизма была показана его связь с правым авторитаризмом при отсутствии статистически значимого вклада моральных оснований [18].

В ходе анализа связи между внешнеполитическими установками и моральными основаниями необходимо также рассмотреть вопрос о том, каковы вероятные опосредствующие звенья (медиаторы) этой связи. В роли медиатора может выступать правый авторитаризм, о чем свидетельствуют данные упомянутого исследования [18], где он показал существенные корреляции как с моральными основаниями, так и с внешнеполитическим консерватизмом. В то же время более релевантным проблеме внешнеполитических установок представляется другой вероятный медиатор — национализм, выступающий как представление о превосходстве собственной нации и ее праве на доминирование [25]. В социальной психологии национализм обычно рассматривается в качестве одного из элементов гражданской или национальной идентичности наряду с патриотизмом, понимаемым как чувство принадлежности и преданности своей стране, наличие позитивных чувств к ней [1; 9; 25].

Важность национализма в этом контексте объясняется тем, что в отличие от авторитаризма он по определению характеризует представления о соотношении интересов собственной страны или нации с другими, убеждение в приоритетности ее национальных интересов. При этом национализм не совпадает, но довольно тесно коррелирует с патриотизмом, выступая, по существу, одним из компонентов морального основания «Лояльность». С точки зрения теории моральных основа-

ний лояльность своей стране и народу, ее руководству, патриотизм относится к числу важных составляющих этики сообщества. Как патриотизм, так и национализм могут быть связаны не только с лояльностью, но и с двумя другими моральными основаниями, входящими в этику сообщества, — «Уважением» и «Чистотой». Уважение, предметом которого становятся традиции своей страны, ее национальные и религиозные лидеры, в сочетании с почитанием священных для своей национальной или религиозной группы объектов, укрепляет патриотизм и может давать основу для национализма, если традиции, лидеры и культурные ценности других групп подвергаются сравнению, сопровождающемуся негативной оценкой. При этом следует учитывать, что этика сообщества отличается от патриотизма и национализма большей обобщенностью, широтой, она характеризует важность моральных норм в целом, так что патриотизм/национализм представляется лишь одним из проявлений этих моральных норм в их применении к определенному (национальному) аспекту социальной жизни.

Рассматривая в структуре зрелой личности этику сообщества как более широкое явление, лежащее в основе патриотизма и национализма в силу своего более общего характера, мы, таким образом, склонны интерпретировать этику сообщества в качестве одного из истоков (причин) патриотизма и национализма. Нельзя не отметить при этом, что под иным углом зрения (например, в контексте их возрастного развития) эти отношения могут оказаться сложнее: не исключено, что в онтогенезе формирование норм и ценностей этики сообщества происходит одновременно со становлением патриотических ценностей, взаимно укрепляя друг друга.

Опираясь на представление о том, что этика сообщества выступает в качестве

основы патриотизма и национализма, следует ожидать наличия опосредованной через национализм связи этики сообщества с внешнеполитическими установками. Предположение о существенном влиянии национализма на внешнеполитические установки подтверждается прошлыми исследованиями, указывающими, например, на сильную связь национализма с поддержкой гонки ядерных вооружений на выборке жителей США в конце 80-х годов прошлого века [25].

Вероятно, что национализму может противостоять этика автономии, включающая ценности равного и справедливого отношения к людям, заботы об интересах каждого человека: в недавнем исследовании связи моральных оснований с экстремистскими установками на российской выборке было показано наличие обратной связи национализма с моральным основанием «Забота» [6]. Кроме того, имеющиеся в литературе данные о связи моральных оснований, национализма и внешнеполитических установок с полом и возрастом заставляют также учитывать возможное вмешательство демографических факторов [1; 7; 21; 24].

Таким образом, можно предполагать, что внешнеполитические установки россиян на мирное сотрудничество и вооруженное соперничество в международных отношениях связаны с этикой сообщества и этикой автономии непосредственно или опосредованно через национализм. Также предполагалось, что демографические факторы (возраст и пол) могут иметь существенное влияние как на моральную сферу, так и на внешнеполитические установки, поэтому связь внешнеполитических установок с моральными основаниями необходимо анализировать при контроле демографических характеристик. Для достижения цели нашего исследования потребовалась разработка ме-

тодики для оценки внешнеполитических установок россиян.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 214 студентов заочного отделения АГ-ПУ им. В.М. Шукшина в возрасте от 18 до 52 лет, средний возраст 25,18, стандартное отклонение 7,03, доля мужчин в выборке — 20%. Исследование проводилось в октябре и ноябре 2018 года, методики предъявлялись группам студентов в лекционных аудиториях, участие было добровольным и анонимным.

Для оценки внешнеполитических установок на основе шкалы, которую недавно предложил Т. Гравелл с соавторами [16], был составлен опросник, включающий восемь утверждений. Эти утверждения были получены из пунктов, показавших в исследовании Т. Гравелла и др. наибольшие факторные нагрузки на факторы сотрудничающего и воинственного интернационализма. Ввиду того, что термины «Сотрудничающий интернационализм» и «Воинственный интернационализм», представляющие собой буквальный перевод соответствующих англоязычных понятий, в русском языке звучат «неукложе» и недостаточно ясно отражают суть соответствующих установок, в дальнейшем мы будем называть соответствующие шкалы установкой на международное сотрудничество и установкой на вооруженное соперничество. Испытуемые оценивали степень своего согласия с каждым из восьми утверждений по пятибалльной шкале: от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен. Коэффициенты надежности шкал (здесь и далее приводятся коэффициенты α Кронбаха), составившие 0,71 для установкой на международное сотрудничество

и 0,68 для установки на вооруженное соперничество, указывают на удовлетворительную надежность шкал, достаточную для исследовательских целей.

Для оценки патриотизма и национализма использовались шкалы гражданской идентичности из Международного социального опроса (ISSP), психометрические характеристики которых были проанализированы в исследовании Л.К. Григорян [1]. Национализм здесь понимается как основанное на сравнении с другими странами представление о превосходстве своей страны и праве на ее доминирование. При этом патриотизм рассматривается как позитивная оценка своей страны, не предполагающая сравнений с другими странами и выражающаяся в гордости за ее достижения.

С учетом данных о факторной структуре шкалы патриотизма [1; 17] нами использовалось два показателя: политический и культурный патриотизм. В соответствии с инструкцией («Насколько Вы гордитесь своей страной по следующим параметрам...») участники исследования оценивали каждый пункт по пятибалльной шкале: от 1 — совсем не горжусь до 5 — очень горжусь. Шкала культурного патриотизма образована из четырех пунктов, отражающих гордость за историю своей страны и ее достижения в науке, искусстве и спорте. Шкала политического патриотизма включает пять пунктов, отражающих гордость за разные аспекты политической системы страны: демократичность, равноправие, политическое влияние на международной арене, экономические успехи и социальное обеспечение.

Для измерения национализма применялись пять из шести пунктов первоначальной шкалы: в соответствии с данными Л.К. Григорян, утверждение «Сегодня в России есть вещи, которые заставляют меня ис-

пытывать чувство стыда за Россию» не использовалось ввиду недостаточной факторной нагрузки на фактор национализма. Испытуемые оценивали степень своего согласия с каждым из утверждений по шкале от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен. Пример утверждения: «Говоря в целом, Россия лучше большинства других стран». О достаточной надежности шкал гражданской идентичности в нашем исследовании свидетельствуют значения коэффициентов альфа Кронбаха, равные 0,70 для шкалы культурного патриотизма, 0,71 для политического патриотизма и 0,74 для национализма соответственно.

Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. [14] в адаптации О.А. Сычева, И.Н. Протасовой и К.И. Белоусова [7]. Опросник состоит из 30 заданий (две части по 15 пунктов), образующих пять шкал: «Забота», «Справедливость», «Лояльность», «Уважение», «Чистота». При обработке результатов подсчитывались средние баллы для каждого испытуемого по шкалам, а также средние показатели по шкалам второго уровня: индивидуализирующих моральных оснований, включающей шкалы «Заботы» и «Справедливости», и сплачивающих моральных оснований, образованной из оставшихся трех шкал. Кроме того, использовался дополнительный показатель — коэффициент прогрессивизма, который характеризует соотношение индивидуализирующих и сплачивающих моральных оснований и вычисляется как разность между ними. Коэффициенты надежности пяти шкал первого уровня в этом исследовании находились в пределах от 0,68 до 0,74, для индивидуализирующих и сплачивающих моральных оснований они составили 0,84 и 0,85 соответственно.

В процессе количественной обработки данных использовались методы кор-

реляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона) и эксплораторного факторного анализа с использованием статистического программного обеспечения Jamovi 1.0.7. Кроме того, проводились подтверждающий факторный анализ и структурное линейное моделирование в программе Mplus 8 с использованием робастного алгоритма максимального правдоподобия (MLR). Для оценки статистической значимости медиационных эффектов в структурной модели был выполнен бутстреп-анализ (5000 выборок) в программе Mplus 8 с помощью функции «Model indirect» [29].

Результаты

Исследование структуры опросника внешнеполитических установок было

начато с эксплораторного факторного анализа (ЭФА). О пригодности данных для ЭФА свидетельствуют значения критерия Бартлетта ($\chi^2(28)=322$, $p<0.001$) и Кайзера-Мейера-Олкина (КМО=0,683). В табл. 1 представлены результаты ЭФА методом «Минимальных остатков» с методическим вращением факторов «Облимин». На основе результатов параллельного анализа было выделено два коррелирующих между собой фактора (коэффициент корреляции составил $-0,22$), объясняющих 38% дисперсии. В первый фактор вошли четыре задания шкалы установок на международное сотрудничество, в то время как второй фактор образован из четырех заданий, входящих в шкалу установок на вооруженное соперничество.

Для дальнейшего анализа структуры опросника внешнеполитических устано-

Таблица 1

Результаты эксплораторного факторного анализа опросника внешнеполитических установок (N=214)

Утверждение	Фактор 1	Фактор 2
1. Наша страна должна больше сотрудничать с международными организациями, например, с ООН.	0,48	-0,15
2. Принимая внешнеполитические решения, руководство страны должно учитывать интересы основных стран-союзников.	0,72	-0,05
3. Лучший способ для нашей страны стать лидером на мировой арене — это искать согласие (консенсус) между странами.	0,71	0,13
4. Наша страна должна быть более привержена дипломатии, а не использовать исключительно военную силу для решения международных конфликтов.	0,55	-0,10
5. Наша страна не должна сдавать свои позиции в международных отношениях и позволять международным организациям указывать, что мы можем делать, а что нет.	0,05	0,62
6. Наша страна должна всегда делать то, что соответствует ее интересам, даже если возражают наши союзники.	-0,11	0,44
7. Нашей стране следует предпринимать все действия, включая использование силы, чтобы предотвратить агрессию извне.	-0,07	0,62
8. Наша страна нуждается в сильной армии, чтобы быть успешной в международных отношениях.	0,04	0,66

Примечание. Жирным шрифтом выделены факторные нагрузки, превышающие 0,40.

вок был проведен конфирматорный факторный анализ. Однофакторная модель показала неудовлетворительное соответствие данным: $\chi^2=142,53$; $df=20$; $p<0,001$; CFI=0,489; TLI=0,285; RMSEA=0,169; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,144-0,196; PCLOSE \leq 0,001; N=214. Двухфакторная модель с двумя коррелирующими факторами, соответствующими шкалам, показала существенно лучшие, но все еще не вполне приемлемые показатели соответствия: $\chi^2=45,30$; $df=19$; $p<0,001$; CFI=0,890; TLI=0,839; RMSEA=0,080; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,050-0,111; PCLOSE=0,048; N=214.

Анализ индексов модификации Лагранжа показал, что в модель может быть добавлена ковариация между пунктами 1 и 5, содержание которых пересекается (с противоположным смыслом) в части отношения к сотрудничеству с международными организациями (см. рис. 1). После добавления этой ковариации в модель показатели соответствия стали вполне приемлемыми: $\chi^2=36,27$; $df=18$; $p=0,007$; CFI=0,924; TLI=0,882;

RMSEA=0,069; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,035-0,101; PCLOSE=0,156; N=214.

Приведенные в табл. 2 описательные статистики по шкалам внешнеполитических установок свидетельствуют о слабой асимметрии распределения по шкалам (коэффициент асимметрии по модулю не превышает 0,57), подтверждающая допустимость использования параметрических методов при анализе данных шкал.

Коэффициенты корреляции Пирсона между измеренными показателями (см. табл. 2) свидетельствуют о том, что показатели гражданской идентичности и внешнеполитические установки показывают множество связей с моральными основаниями. Шкалы гражданской идентичности в основном связаны со шкалами этики сообщества (r от 0,16; $p<0,05$ до 0,55; $p<0,001$), однако шкала культурного патриотизма показала также связь с образующими этику автономии моральными основаниями «Забота» ($r=0,26$; $p<0,001$) и «Справедливость» ($r=0,22$; $p<0,01$). Корреляции всех по-

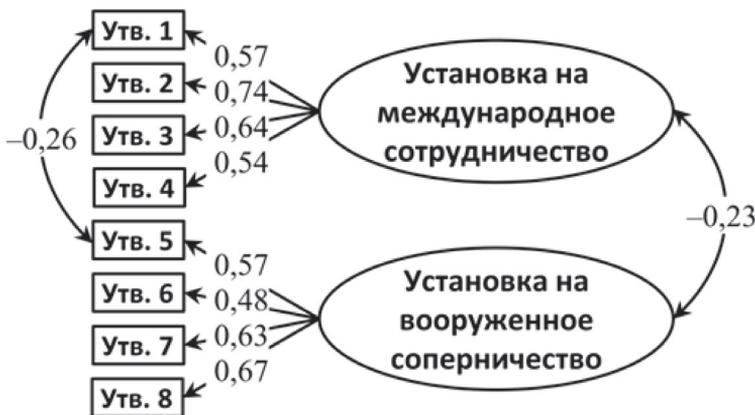

Рис. 1. Факторная модель опросника внешнеполитических установок (все приведенные коэффициенты статистически значимы при $p<0,05$; остатки опущены для упрощения рисунка, «Утв.» — утверждение, текст утверждений см. в табл. 1)

казателей гражданской идентичности с агрегированным показателем этики сообщества также оказались существенными (r от 0,27 до 0,54; все при $p < 0,001$), при этом шкала культурного патриотизма показала прямую связь и с этикой автономии (0,34; $p < 0,001$). Коэффициент прогрессивизма значимо коррелирует со шкалами политического патриотизма ($-0,30$; $p < 0,001$) и национализма ($-0,45$; $p < 0,001$). Связей гражданской идентичности с полом не обнаружилось, а возраст оказался связан с национализмом (0,31; $p < 0,001$), но не патриотизмом.

Внешнеполитические установки также демонстрируют ожидаемые связи с моральными основаниями. Установка на международное сотрудничество показала прямые связи с моральными основаниями «Забота» (0,20; $p < 0,01$) и «Справед-

ливость» (0,15; $p < 0,05$), а также агрегированным показателем этики автономии (0,19; $p < 0,01$). Слабая положительная корреляция с коэффициентом прогрессивизма не показала достаточной статистической значимости (0,13; $p = 0,06$). Кроме того, эта установка оказалась несколько более свойственной женщинам, о чем говорит значение коэффициента корреляции с полом ($-0,16$; $p < 0,05$).

Установка на вооруженное соперничество наиболее тесно коррелирует с моральными основаниями «Лояльность» (0,33; $p < 0,001$), «Уважение» (0,31; $p < 0,001$) и «Чистота» (0,25; $p < 0,001$). Тем не менее обнаружилась также слабая корреляция этой установки со шкалой «Справедливость» (0,15; $p < 0,05$). Аналогичными являются корреляции этой установки с агрегированными пока-

Таблица 2

Описательная статистика и коэффициенты корреляции внешнеполитических установок, патриотизма и национализма с моральными основаниями и демографическими характеристиками (N=214)

Шкалы и показатели	Политический патриотизм	Культурный патриотизм	Национализм	Установка на международное сотрудничество	Установка на вооруженное соперничество
Забота	0,04	0,26***	0,12	0,20**	0,10
Справедливость	-0,03	0,22**	0,06	0,15*	0,15*
Лояльность	0,29***	0,33***	0,48***	0,04	0,33***
Уважение	0,31***	0,27***	0,55***	0,04	0,31***
Чистота	0,16*	0,32***	0,32***	0,06	0,25***
Этика автономии	0,13	0,34***	0,10	0,19**	0,14*
Этика сообщества	0,27***	0,34***	0,54***	0,05	0,35***
Прогрессивизм	-0,30***	-0,12	-0,45***	0,13	-0,23***
Возраст	0,08	-0,02	0,31***	-0,03	0,22**
Пол (0 – Ж, 1 – М)	-0,05	0,03	0,05	-0,16*	0,15*
Среднее	2,60	3,85	3,21	3,49	3,58
Станд. отклонение	0,72	0,67	0,79	0,73	0,71
Асимметрия	0,16	-0,17	-0,42	-0,57	-0,19
Экссесс	-0,09	0,05	-0,27	0,98	-0,15

Примечания. Значимость коэффициентов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

зателями этики автономии (0,14; $p < 0,05$) и этики сообщества (0,35; $p < 0,001$), при этом связь с коэффициентом прогрессивизма является обратной (−0,23; $p < 0,001$). Этот факт свидетельствует о том, что преобладание этики сообщества над этикой автономии является тем фактором, который поддерживает установку на вооруженное соперничество. Корреляция с полом (0,15; $p < 0,05$) указывает также, что эта установка оказалась несколько более свойственна мужчинам, а корреляция с возрастом (0,22; $p < 0,01$) говорит о том, что в большей мере одобряют вооруженное соперничество во внешней политике лица старшего (в пределах возрастного диапазона нашей выборки) возраста.

Парные корреляции не позволяют учесть взаимных связей между моральными основаниями, которые являются довольно существенными. В частности, коэффициент корреляции между этикой автономии и этикой сообщества составил 0,66; $p < 0,001$, что не удивительно, поскольку эти показатели характеризуют разные стороны единой системы моральных оснований. Лица в большей мере озабоченные моральными вопросами склонны давать одновременно более высокие оценки как по шкалам этики автономии, так и по шкалам этики сообщества. Чтобы проанализировать индивидуальный вклад этики автономии и этики сообщества с учетом их взаимосвязи, а также выявить возможные опосредованные отношения, было проведено линейное структурное моделирование.

Анализ был начат с модели, в которой коррелирующие установки на международное сотрудничество и вооруженное соперничество предсказывались тремя взаимосвязанными показателями гражданской идентичности и двумя коррелирующими показателями моральных

оснований (этикой автономии и этикой сообщества). При этом на основе рассмотренных теоретических соображений также предполагалось наличие связи моральных оснований с показателями гражданской идентичности. Кроме того, для контроля демографических факторов в модель также были добавлены пол и возраст, предсказывающие моральные основания, национализм и внешнеполитические установки. После предварительной оценки модели незначимые пути из нее были последовательно, начиная с наименьших, удалены.

Полученная в результате структурная модель (см. рис. 2) показала отличное соответствие данным: $\chi^2=28,33$; $df=21$; $p=0,131$; CFI=0,977; TLI=0,962; RMSEA=0,040; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,000-0,075; PCLOSE=0,634; N=214.

Другие пути от показателей гражданской идентичности к внешнеполитическим установкам при добавлении в эту модель не показывают статистической значимости, в частности:

1) путевой коэффициент от национализма к установке на международное сотрудничество составил −0,12; $p=0,14$;

2) путевые коэффициенты от политического патриотизма к установкам на международное сотрудничество и вооруженное соперничество составили: 0,02; $p=0,83$ и −0,12; $p=0,10$ соответственно;

3) путевые коэффициенты от культурного патриотизма к установкам на международное сотрудничество и вооруженное соперничество составили: 0,07; $p=0,38$ и −0,01; $p=0,98$ соответственно.

Анализ медиационных эффектов в данной модели показал, что опосредованный через национализм эффект этики сообщества на установку на вооруженное соперничество является довольно существенным (0,29; $p < 0,001$). Добавление в

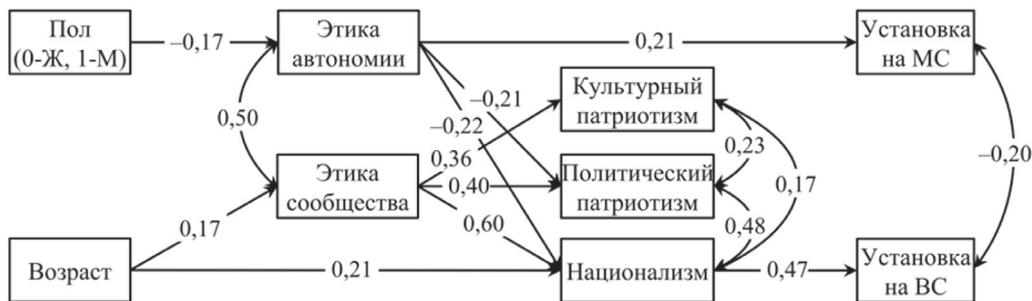

Рис. 2. Структурная модель связей моральных оснований с патриотизмом, национализмом и внешнеполитическими установками при контроле пола и возраста (все приведенные стандартизованные путьные коэффициенты статистически значимы при $p < 0,05$; остатки опущены для упрощения рисунка, «МС» — международное сотрудничество, «ВС» — вооруженное соперничество)

модель непосредственного пути от этики сообщества к установке на вооруженное соперничество не показывает статистической значимости ($0,14; p=0,053$). Это значит, что имеет место полностью опосредованный эффект этики сообщества на установку на вооруженное соперничество.

Аналогичный опосредованный через национализм обратный эффект этики автономии на установку на вооруженное соперничество также оказался статистически значим, хотя его величина существенно ниже ($-0,11; p < 0,01$). Опосредованный прямой эффект возраста на эту установку также является слабым, но статистически значимым ($0,10; p < 0,001$). Опосредованный через этику автономии эффект пола на установку на международное сотрудничество не показал статистической значимости.

Обсуждение результатов

Для решения задач исследования на основе шкалы Т. Гравелла с соавторами [16] был предложен русскоязычный опросник, обладающий удовлетворительной надежностью и соответствующий

теоретическим ожиданиям факторной структурой. Полученные в данном исследовании результаты свидетельствуют в пользу его конструктивной валидности. Факт успешного использования утверждений из англоязычной методики дает основания для предварительного вывода о кросс-культурной универсальности структуры внешнеполитических установок граждан, включающей установки на международное сотрудничество и вооруженное соперничество.

С помощью предложенного опросника было выявлено, что внешнеполитические установки россиян связаны с этикой сообщества и этикой автономии. В частности, установка на международное сотрудничество показала прямую связь с этикой автономии и составляющими ее моральными основаниями «Забота» и «Справедливость» при отсутствии связи с этикой сообщества. Это означает, что люди, в большей мере озабоченные вопросами заботы и защиты слабых, справедливости и равенства, отличаются склонностью рассматривать взаимодействие между странами и народами скорее как сотрудничество, а не соперничество, отдавая предпочтение во внешней поли-

тике работе в международных организациях и установлению договоренностей вместо гонки вооружений. О свойственном таким людям предпочтении равенства в международных отношениях и отвержении идей национального превосходства свидетельствует отрицательный путевой коэффициент между этикой автономии и национализмом.

Связь установки на вооруженное соперничество с этикой сообщества опосредована через национализм, оставаясь при этом довольно существенной по величине и показывая высокую статистическую значимость. Наиболее тесные непосредственные связи с данной установкой показали входящие в этику сообщества моральные основания «Лояльность» и «Уважение». Это значит, что люди, более озабоченные сплоченностью группы и поддержанием в ней иерархии, в большей мере склонны рассматривать национальные интересы своей группы приоритетными, пренебрегая интересами других групп. Неудивительно, что эти люди поддерживают отстаивание национальных интересов любыми (в том числе вооруженными) средствами и рассматривают международные отношения как соперничество.

Результаты нашего исследования полностью подтверждают выводы, полученные Дж. Керцером с соавторами на большой выборке жителей США, о том, что этика автономии (включающая моральные основания «Забота» и «Справедливость») поддерживает установку на международное сотрудничество, а этика сообщества (моральные основания «Лояльность», «Уважение» и «Чистота») лежит в основе установки на вооруженное соперничество [21]. При этом последний вывод был уточнен: этика сообщества поддерживает установку на вооруженное соперничество не напрямую,

а опосредованно через национализм. Обнаружилось также, что этика автономии хотя и слабо, но статистически значимо противостоит национализму и связанной с ним установке на вооруженное соперничество.

В данном исследовании был воспроизведен обнаруженный в прошлых исследованиях факт прямой связи национализма с возрастом, но не подтвердилась большая склонность к национализму у женщин, выявленная ранее в исследовании Л. Григорян [1]. В очередной раз также подтвердились известные из прошлых исследований факты связи этики автономии с полом и этики сообщества с возрастом [7; 8; 24].

Ограничения исследования связаны с тем, что использовавшийся корреляционный дизайн не позволяет говорить о причинно-следственной связи между моральными основаниями и внешнеполитическими убеждениями, не отвергая возможности существования более глубоких общих факторов, лежащих в основе морали и социальных установок.

Перспективы данного исследования включают дальнейший анализ возможных медиаторов связи моральных оснований с внешнеполитическими установками, к числу которых относится, к примеру, этническая толерантность, а также более полный учет различных социально-демографических факторов (уровень образования, опыт межнационального общения и пр.).

Заключение

Этика автономии поддерживает установку на международное сотрудничество, в то время как этика сообщества и национализм поддерживают установку на вооруженное соперничество между

странами. Следовательно, внешнеполитические установки граждан отражают не только различия в идеологии и политических пристрастиях, но и более глубокие особенности структуры моральной сферы личности. При этом для молодежи характерным является меньший уровень выраженности национализма и установки на вооруженное соперничество в международных отношениях.

Литература

1. Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 22–31.
2. Гурина О.Д. Разработка и апробация шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 149–160. DOI:10.17759/psylaw.2019090411
3. Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Психологическая безопасность как интегральный показатель этнической толерантности // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 22–32.
4. Неврюев А.Н., Гулевич О.А., Некрасова Е.А. Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 17–26. DOI:10.31857/S020595920000066-8
5. Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 60–77. DOI:10.17223/17267080/73/4
6. Сычев О.А., Жихарева Е.В. Взаимосвязь особенностей моральной сферы и экстремистских установок в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 185–193. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193
7. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI:10.21702/rpj.2018.3.5
8. Сычев О.А., Протасова И.Н., Власов М.С. Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 38–53. DOI:10.17759/sps.2020110203
9. Фабрикант М.С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 22–31. DOI:10.17759/jmfp.2018070403
10. Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Грищенко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Рыжова С.В., Шорохова В.А. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 71–82. DOI:10.17759/chp.2019150308
11. Bjereld U., Ekengren A.-M. Foreign policy dimensions: A comparison between the United States and Sweden // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43(3). P. 503–518. DOI:10.1111/0020-8833.00132
12. Frimer J.A. Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis // Journal of Research in Personality. 2020. Vol. 84. P. 103906. DOI:10.1016/j.jrp.2019.103906
13. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96(5). P. 1029–1046. DOI:10.1037/a0015141
14. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385. DOI:10.1037/a0021847

15. *Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M.* Moral Foundations Theory // Atlas of Moral Psychology / Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
16. *Gravelle T.B., Reifler J., Scotto T.J.* The structure of foreign policy attitudes in transatlantic perspective: Comparing the United States, United Kingdom, France and Germany // *European Journal of Political Research*. 2017. Vol. 56(4). P. 757–776. DOI:10.1111/1475-6765.12197
17. *Grigoryan L., Ponizovskiy V.* The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia // *International Journal of Comparative Sociology*. 2018. Vol. 59(5–6). P. 403–427. DOI:10.1177/0020715218806037
18. *Harnish R.J., Bridges K.R., Gump J.T.* Predicting Economic, Social, and Foreign Policy Conservatism: the Role of Right-Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation, Moral Foundations Orientation, and Religious Fundamentalism // *Current Psychology*. 2018. Vol. 37(3). P. 668–679. DOI:10.1007/s12144-016-9552-x
19. *Holsti O.R., Rosenau J.N.* The Structure of Foreign Policy Attitudes among American Leaders // *The Journal of Politics*. 1990. Vol. 52(1). P. 94–125. DOI:10.2307/2131421
20. *Iyer R., Koleva S., Graham J., Ditto P., Haidt J.* Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians // *PloS ONE*. 2012. Vol. 7(8). P. e42366. DOI:10.1371/journal.pone.0042366
21. *Kertzer J.D., Powers K.E., Rathbun B.C., Iyer R.* Moral support: How moral values shape foreign policy attitudes // *The Journal of Politics*. 2014. Vol. 76(3). P. 825–840. DOI:10.1017/s0022381614000073
22. *Kim K.R., Kang J.-S., Yun S.* Moral Intuitions and Political Orientation: Similarities and Differences between South Korea and the United States // *Psychological Reports*. 2012. Vol. 111(1). P. 173–185. DOI:10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
23. *Kivikangas J., Lönnqvist J.-E., Ravaja N.* Relationship of Moral Foundations to Political Liberalism-Conservatism and Left-Right Orientation in a Finnish Representative Sample // *Social Psychology*. 2017. Vol. 48(4). P. 246–251. DOI:10.1027/1864-9335/a000297
24. *Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J.* Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46(2). P. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
25. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political psychology*. 1989. Vol. 10. P. 257–274. DOI:10.2307/3791647
26. *Rathbun B.C., Kertzer J.D., Reifler J., Goren P., Scotto T.J.* Taking foreign policy personally: Personal values and foreign policy attitudes // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60(1). P. 124–137.
27. *Reifler J., Scotto T.J., Clarke H.D.* Foreign policy beliefs in contemporary Britain: Structure and relevance // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55(1). P. 245–266. DOI:10.1111/j.1468-2478.2010.00643.x
28. *Van Leeuwen F., Park J.H.* Perceptions of social dangers, moral foundations, and political orientation // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47(3). P. 169–173. DOI:10.1016/j.paid.2009.02.017
29. *Wang J., Wang X.* Structural equation modeling: Applications using Mplus. Chichester: John Wiley & Sons, 2020. 512 p.
30. *Wittkopf E.R.* Faces of Internationalism in a Transitional Environment // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38(3). P. 376–401. DOI:10.1177/0022002794038003002
31. *Wittkopf E.R.* On the Foreign Policy Beliefs of the American People: A Critique and Some Evidence // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30(4). P. 425–445. DOI:10.2307/2600643

References

1. Grigoryan L.K. Patriotizm i natsionalizm v Rossii: mekhanizmy vliyaniya na ekonomicheskuyu samostoyatel'nost' [Patriotism and Nationalism in Russia: Influence on Economic Independence].

- Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2013, no. 3, pp. 22–31. (In Russ.).
2. Gurina O.D. Razrabotka i aprobatsiya shkaly otsenki ksenofobskikh ustanovok (shkala OKU) [Elektronnyi resurs] [Development and Testing of Assessment Scale For Xenophobic Attitudes (AXA Scale)]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 149–160. DOI:10.17759/psylaw.2019090411 (In Russ.).
 3. Dontsov A.I., Perelygina E.B., Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Psikhologicheskaya bezopasnost' kak integral'nyi pokazatel' etnicheskoi tolerantnosti [Psychological security as integrated indicator of ethnic tolerance]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 2019, no. 5, pp. 22–32. (In Russ.).
 4. Nevryuev A.N., Gulevich O.A., Nekrasova E.A. Vera v spravedlivyi mir, grazhdanskaya identichnost' i sotsial'naya ustanovka po otnosheniyu k voine (na primere grazhdanskoi voiny v Sirii) [Belief in a just world, national identity, and military attitudes: the case of Syria war]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psikhologicheskii zhurnal*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 17–26. DOI:10.31857/S020595920000066-8 (In Russ.).
 5. Sychev O.A., Belousov K.I., Protasova I.N. Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi [Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2019, no. 73, pp. 60–77. DOI:10.17223/17267080/73/4 (In Russ.).
 6. Sychev O.A., Zhikhareva E.V. Vzaimosvyaz' osobennosti moral'noi sfery i ekstremistskikh ustanovok v studencheskoi srede [Moral Foundations vs. Extremist Attitudes in University Students]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2020. Vol. 22, no. 1, pp. 185–193. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-1-185-193 (In Russ.).
 7. Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika MFQ [Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 88–115. DOI:10.21702/rpj.2018.3.5 (In Russ.).
 8. Sychev O.A., Protasova I.N., Vlasov M.S. Moral'nye osnovaniya i namerenie uchastvovat' v golosovanii na vyborah prezidenta Rossii [Moral foundations and intention to vote on presidential elections in Russia]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020, no. 2, pp. 38–53. DOI:10.17759/sps.2020110203 (In Russ.).
 9. Fabrikant M.S. Sravnitel'nye kolichestvennye issledovaniya natsional'noi identichnosti v sovremennoi sotsial'noi psikhologii [Elektronnyi resurs] [Comparative quantitative study on national identity in contemporary social psychology]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 4, pp. 22–31. DOI:10.17759/jmfp.2018070403 (In Russ.).
 10. Khukhlaev O.E., Aleksandrova E.A., Gritsenko V.V., Konstantinov V.V., Kuznetsov I.M., Pavlova O.S., Ryzhova S.V., Shorokhova V.A. Identifikatsiya religioznoi gruppoy i etnonatsional'nye ustanovki buddistskoi, musul'mansko i pravoslavnoi molodezhi [Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 71–82. DOI:10.17759/chp.2019150308 (In Russ.).
 11. Bjereld U., Ekengren A.-M. Foreign policy dimensions: A comparison between the United States and Sweden. *International Studies Quarterly*, 1999. Vol. 43, no. 3, pp. 503–518. DOI:10.1111/0020-8833.00132
 12. Frimer J.A. Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis. *Journal of Research in Personality*, 2020. Vol. 84, pp. 103906. DOI:10.1016/j.jrp.2019.103906

13. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 5, pp. 1029–1046. DOI:10.1037/a0015141
14. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, pp. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
15. Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. Moral Foundations Theory. In K. Gray, J. Graham (eds.) *Atlas of Moral Psychology*. New York, London: The Guilford Press, 2018, pp. 211–222.
16. Gravelle T.B., Reifler J., Scotto T.J. The structure of foreign policy attitudes in transatlantic perspective: Comparing the United States, United Kingdom, France and Germany. *European Journal of Political Research*, 2017. Vol. 56, no. 4, pp. 757–776. DOI:10.1111/1475-6765.12197
17. Grigoryan L., Ponizovskiy V. The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*, 2018. Vol. 59, no. 5–6, pp. 403–427. DOI:10.1177/0020715218806037
18. Harnish R.J., Bridges K.R., Gump J.T. Predicting Economic, Social, and Foreign Policy Conservatism: the Role of Right-Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation, Moral Foundations Orientation, and Religious Fundamentalism. *Current Psychology*, 2018. Vol. 37, no. 3, pp. 668–679. DOI:10.1007/s12144-016-9552-x
19. Holsti O.R., Rosenau J.N. The Structure of Foreign Policy Attitudes among American Leaders. *The Journal of Politics*, 1990. Vol. 52, no. 1, pp. 94–125. DOI:10.2307/2131421
20. Iyer R., Koleva S., Graham J., Ditto P., Haidt J. Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians. *PLoS ONE*, 2012. Vol. 7, no. 8, pp. e42366. DOI:10.1371/journal.pone.0042366
21. Kertzer J.D., Powers K.E., Rathbun B.C., Iyer R. Moral support: How moral values shape foreign policy attitudes. *The Journal of Politics*, 2014. Vol. 76, no. 3, pp. 825–840. DOI:10.1017/s0022381614000073
22. Kim K.R., Kang J.-S., Yun S. Moral Intuitions and Political Orientation: Similarities and Differences between South Korea and the United States. *Psychological Reports*, 2012. Vol. 111, no. 1, pp. 173–185. DOI:10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
23. Kivikangas J., Lönnqvist J.-E., Ravaja N. Relationship of Moral Foundations to Political Liberalism-Conservatism and Left-Right Orientation in a Finnish Representative Sample. *Social Psychology*, 2017. Vol. 48, no. 4, pp. 246–251. DOI:10.1027/1864-9335/a000297
24. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012. Vol. 46, no. 2, pp. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
25. Kosterman R., Feshbach S. Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes. *Political psychology*, 1989. Vol. 10, pp. 257–274. DOI:10.2307/3791647
26. Rathbun B.C., Kertzer J.D., Reifler J., Goren P., Scotto T.J. Taking foreign policy personally: Personal values and foreign policy attitudes. *International Studies Quarterly*, 2016. Vol. 60, no. 1, pp. 124–137.
27. Reifler J., Scotto T.J., Clarke H.D. Foreign policy beliefs in contemporary Britain: Structure and relevance. *International Studies Quarterly*, 2011. Vol. 55, no. 1, pp. 245–266. DOI:10.1111/j.1468-2478.2010.00643.x
28. Van Leeuwen F., Park J.H. Perceptions of social dangers, moral foundations, and political orientation. *Personality and Individual Differences*, 2009. Vol. 47, no. 3, pp. 169–173. DOI:10.1016/j.paid.2009.02.017
29. Wang J., Wang X. *Structural equation modeling: Applications using Mplus*. Chichester: John Wiley & Sons, 2020. 512 p.
30. Wittkopf E.R. Faces of Internationalism in a Transitional Environment. *Journal of Conflict Resolution*, 1994. Vol. 38, no. 3, pp. 376–401. DOI:10.1177/0022002794038003002

31. Wittkopf E.R. On the Foreign Policy Beliefs of the American People: A Critique and Some Evidence. *International Studies Quarterly*, 1986. Vol. 30, no. 4, pp. 425–445. DOI:10.2307/2600643

Информация об авторах

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Протасова Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Information about the authors

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Research Associate, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Получена 02.06.2020

Received 02.06.2020

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов

Галыпина В.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Цель. Выявление взаимосвязи ценностей и межкультурных контактов с межгрупповым доверием у русской этнической меньшинства в двух поликультурных регионах России — Республике Северная Осетия — Алания (PCO-A) и Кабардино-Балкарской Республике (КБР).

Контекст и актуальность. Исследование межгруппового доверия в поликультурных обществах является важной проблемой, поскольку оно гармонизирует межкультурные отношения, способствует преодолению нестабильных социальных взаимодействий и приводит к важным общественным выгодам, в том числе личному и социальному благополучию. Однако в России изучалось в основном доверие этнического большинства и в контексте проблем аккультурации.

Дизайн исследования. Был использован социально-психологический опрос. Сбор данных проводился в городах и селах PCO-A и КБР, где компактно проживают русские. Использовалась техника снежного кома. Респонденты получали бланковые опросники, заполняли их и возвращали исследователю.

Участники. Выборку составили 593 респондента, принадлежащие к русской этнической группе. В PCO-A был опрошен 291 человек (29% мужчин, средний возраст 44,6 года); в КБР опрошено 302 человека (36% мужчин, средний возраст 42,7 года).

Методы (инструменты). Были использованы: опросник личностных ценностей Шварца PVQ-R, шкала доверия Ямагиши (Yatagishi), шкала межкультурных дружеских контактов из опросника международного проекта «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS).

Результаты. Данные, полученные на выборке русских PCO-A, показали, что ценности Открытости изменениям, Сохранения имеют положительное влияние, а ценности Самоутверждения — отрицательное влияние на межгрупповое доверие только через межкультурные контакты. Также интенсивные межкультурные контакты русских являются модератором, обуславливающим положительную взаимосвязь ценностей Открытости изменениям и межгруппового доверия. В КБР ценности Самоутверждения имеют как прямой, так и непрямой (через межкультурные контакты) отрицательные эффекты на межгрупповое доверие. Межкультурные контакты также являются модератором отрицательной взаимосвязи между ценностями Самоутверждения и межгрупповым доверием.

Основные выводы. В целом можно говорить о том, что особенности социокультурного контекста обуславливают значимость разных ценностей для межгруппового доверия. В ситуации благоприятного межкультурного взаимодействия и в близком религиозном контексте (PCO-A) если русские интенсивно общаются с представителями доминирующей этнической группы, то их ценности самостоятельности мысли и действий, открытость миру повышают доверие к другим группам. В инорелигиозном контексте при наличии межэтнической напряженности (КБР) если русские интенсивно общаются с представителями доминирующих этнических

групп, то их ценности достижения, власти, «сохранения собственного лица» будут снижать межгрупповое доверие.

Ключевые слова: ценности, межкультурные контакты, межгрупповое доверие, русское этническое меньшинство, РСО-А, КБР.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00169.

Для цитаты: Галяпина В.Н. Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 71–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120405>

Out-Group Trust of the Russians in Multicultural Regions of Russia: the Role of Values and Intercultural Contacts

Victoria N. Galyapina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Objectives. *The purpose of this study is to identify the relationship of values and intercultural contacts with intergroup trust among the Russian ethnic minority in two multicultural regions of Russia – the Republic of North Ossetia-Alania (RNO-A), the Kabardino-Balkarian Republic (KBR).*

Background. *The study of out-group trust is important for multicultural societies. Out-trust contributes to the harmonization of intercultural relations, overcoming unstable social interactions and leads to important public benefits, including personal and social well-being. However, in Russia, trust was studied among the ethnic majority and in the context of acculturation problems.*

Study design. *We conducted a socio-psychological survey. Data collection took place in towns and villages of North Ossetia-A and KBR, where the Russians live compactly. We used the “snow-ball” method. Respondents received blank questionnaires, completed them and returned them to the researcher.*

Participants. *The sample included 593 Russian respondents. In RSO-A, the sample included 291 respondents (29% of men, average age $M=44,6$); in KBR the sample included 302 respondents (36% of men, average age $M=42,7$).*

Measurements. *We used Personal Values Questionnaire – Revised (Schwartz), the Yamagishi scale of trust, the scale of intercultural friendship contacts from the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project (MIRIPS).*

Results. *The results showed that in RNO-A, Openness to change values, Conservation values were positively associated, and Self-Enhancement values were negatively related to out-group trust through intercultural contacts only. Intensive intercultural contacts of Russians also moderated the positive relationship between Openness to change values and out-group trust. In KBR, Self-Enhancement values had direct and indirect (through intercultural contacts) negative effects on out-group trust only. Intercultural contacts also moderated the negative relationship between Self-Enhancement values and out-group trust.*

Conclusions. *In general, the results showed that the characteristics of the sociocultural context determine the significance of different values for out-group trust. In the situation of favorable intercultural relations and in “the close” religious context (RNO-A), if the Russians interact intensively with the dominant ethnic group representatives, then their values focused on the self-direction thought and action, openness to the world increase out-group trust. In “the distant” religious context in the situation*

of interethnic tension (KBR), if the Russians interact intensively with dominant ethnic groups representatives, then their values of achievement, power, "preserving their own face" reduce out-group trust.

Keywords: values, intercultural contacts, intergroup trust, Russian ethnic minority, RNO-A, KBR.

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00169.

For citation: Galyapina V.N. Out-Group Trust of the Russians in Multicultural Regions of Russia: the Role of Values and Intercultural Contacts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 71–92. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120405> (In Russ.).

Введение

Как показывают исследования [11; 15; 21], межгрупповое доверие играет важную роль в межкультурных отношениях, оно гармонизирует их [5], действует как форма «социального клея» [52], выступает просоциальным посредником [39]. Как отмечают исследователи [29], это психологическое средство преодоления нестабильных социальных взаимодействий, приводящее к важным общественным и политическим выгодам, в том числе личному и социальному благополучию. В этой связи исследование межгруппового доверия в поликультурных обществах и факторов, его определяющих, является важной проблемой как для социально-психологической науки, так и для практики.

Обзоры исследований доверия [17; 26] показывают сложность определения этой категории. Доверие к другим часто понимается как «обобщенное ожидание отдельного человека или группы, что он/она может полагаться на слова, обещания, устное или письменное заявление другого лица или группы» [41, с. 444]. Межгрупповое доверие предполагает, что люди верят в то, что другая группа искренна и готова к сотрудничеству. Межгрупповое доверие облегчает совместное поведение, при этом учитываются потребности взаимодействующих групп [16].

Исследования доверия в европейских странах, а также в Канаде и США показали, что многочисленные критерии этнической принадлежности (включая расу, национальное происхождение, язык, этнический статус) предсказывают доверие, то есть веру в то, что большинству людей можно доверять [50].

Различные точки зрения на проблему межгруппового доверия [17; 18; 26] включают в себя идею о том, что доверие другой группе может принести выгоду или ее потерю в конкретном социокультурном контексте.

Фокус данного исследования — русские, проживающие в 2-х поликультурных республиках Северного Кавказа — Республике Северная Осетия-Алания и Кабардино-Балкарской Республике. Эти социокультурные контексты имеют ряд сходств и различий.

Обе республики являются поликультурными: доля титульных этносов составляет около 60%, а доля русского этнического меньшинства около 20%, русские являются второй по численности этнической группой [6]. Однако существует и ряд значимых различий: 1) в РСО-А одна титульная этническая группа — осетины (64,5%), в КБР — две — кабардинцы (57,2%) и балкарцы (12,7%), которые относятся к разным языковым семьям; 2) республики различаются по религиозному составу — в КБР мусуль-

мане составляют 72,0%, православные — 27,8%, титульные группы исповедуют ислам; в РСО-А мусульмане составляют 8,7%, православные — 91,2%, титульная группа исповедует православие [3]; 3) в РСО-А межэтнические отношения между русскими и представителями доминирующей этнической группы достаточно благоприятные [4; 9], тогда как в КБР в межэтнических отношениях наблюдается напряженность [4; 13]; 4) в РСО-А свыше 60% осетин используют русский язык в бытовом общении [2], а в КБР у титульных групп существует языковое двуязычие (русско-национальное) [1]; 5) в РСО-А у русских и осетин существуют взаимные установки на интеграцию [2], в КБР титульные группы ориентированы на сепарацию [1]. Выделенные признаки не только демонстрируют особенности регионов, но и позволяют заключить, что русские в РСО-А и КБР являются этническим меньшинством [8; 12; 28; 46]. В дальнейшем в исследовании мы будем использовать этот термин.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предположить, что в данных социокультурных контекстах межгрупповое доверие и его взаимосвязь с ценностями и межкультурными контактами могут различаться. Наш *первый исследовательский вопрос*: каковы сходства и различия во взаимосвязях ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия в двух социокультурных контекстах.

В качестве факторов, которые оказывают воздействие на доверие к представителям разных этнических групп и способствуют контактам с ними, рассматриваются ценности и ценностный климат [19; 32; 55].

Изучая мигрантов в Европе и Америке [22; 30; 38; 50], исследователи отмечали, что они имели более низкий уровень доверия в сравнении с представителями

принимающего общества. В качестве причин этого ученые выделяли ценностный климат страны исхода — менее развитые демократические ценности [20; 35; 54]. По результатам исследований, проведенных в Европе и США [55], было установлено, что контексты, характеризующиеся высокой степенью ориентации на демократические ценности, например, ценности **Открытости изменениям**, смягчают разрушающий эффект недоверия после миграции. Напротив, контексты с низкой **Открытостью изменениям** или высокой ориентацией на ценности **Сохранения** усиливают разрушающий эффект недоверия [55].

Однако, как показывают исследования, проведенные у квебекцев в Канаде и чернокожих американцев в США [44; 45; 51], представители групп меньшинств, родившиеся в культурах с ценностным климатом, ориентированным на демократию и открытость, также имеют более низкое доверие в сравнении с представителями этнического большинства. Это свидетельствует о неоднозначности влияния ценностного климата на доверие и требует проверки в других социокультурных контекстах.

В исследованиях представителей этнического большинства было установлено, что люди с выраженными ценностями **Открытости изменениям** заинтересованы в людях разного этнического происхождения, они более склонны взаимодействовать с внешними группами. Люди, имеющие выраженные ценности **Самопреодоления**, ориентированы на равные возможности для всех, менее предвзяты по отношению к внешним группам, соответственно также ориентированы на взаимодействие с представителями аутгрупп [19]. В отличие от этого, люди с более выраженными ценностями **Сохранения** имеют более нега-

тивное отношение к внешней группе и не ориентированы на контакты с ней [32]. Причина в том, что группы этнических меньшинств или мигрантов бросают вызов установленным нормам и групповым договоренностям, сложившимся у представителей принимающего общества, поскольку они могут принести новые культурные традиции и бороться за социальный статус. Роль ценностей **Самоутверждения** менее ясна, по мнению исследователей, члены внешней группы или мигранты могут усиливать конкуренцию и таким образом стимулировать негативное отношение [43]; напротив, присутствие представителей разных этнических групп может также обеспечить возможность для установления господства и власти [42].

Однако, как показывает анализ, исследований о связи ценностей, межгруппового доверия и межкультурных контактов среди представителей этнического меньшинства не проводилось.

Все вышеизложенное позволяет нам выдвинуть следующие гипотезы и исследовательский вопрос:

Гипотеза 1. Ценности **Открытости изменениям** будут позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа.

Гипотеза 2. Ценности **Сохранения** будут негативно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа.

Гипотеза 3. Ценности **Самопреодоления** будут позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа.

В отношении ценностей **Самоутверждения** мы сформулировали *второй исследовательский вопрос*: каковы взаимосвязи этих ценностей с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа?

Как показывают исследования, межкультурная дружба является важным показателем межгруппового доверия, поскольку она может предоставить конкретные диагностические данные, необходимые для построения доверия [34]. Исследования, проведенные в 21 европейской стране, демонстрируют, что генерализованное доверие представителей этнического большинства позитивно взаимосвязано с межгрупповыми дружескими контактами [49]. Исследование, проведенное в Северной Ирландии, показало, что межгрупповая дружба способствует межгрупповому доверию [33]. В исследованиях отмечается, что люди с высоким уровнем доверия имеют более позитивные социальные межкультурные контакты, способны налаживать эффективные отношения с окружающими [10; 23; 25].

С другой стороны, исследования показывают, что доверие позволяет человеку рассматривать большее количество других индивидов как представителей ингруппы, что, в свою очередь, облегчает процесс межкультурного взаимодействия (с представителями аутгрупп) [24]. Можно сказать, что данный процесс является двусторонним: межкультурные контакты помогают поддерживать доверие, а доверие помогает индивиду строить социальные отношения [40].

Также было установлено, что доверие опосредует позитивное влияние межгрупповых контактов на поведение внутри группы в конфликтных ситуациях в таких странах, как Северная Ирландия и Израиль [36; 47; 48]. Кроме этого, ис-

следователи отмечают, что в обществах, где затруднены межкультурные контакты в силу конфликтов (Кипр, Северная Ирландия), доверие может выступать медиатором взаимосвязи межгрупповых контактов с предрассудками [37].

Однако, как показывает обзор, исследований, в которых изучались бы доверие и межкультурные контакты у представителей этнического меньшинства, длительное время живущих вместе с этническим большинством на одной территории и не находящихся с ним в открытом конфликте, не проводилось. Можно предположить, что в таких обществах межкультурные контакты не только помогают поддерживать доверие, но и могут усиливать воздействие ценностей на межгрупповое доверие.

На основе вышеизложенного мы сформулировали гипотезу и исследовательский вопрос:

Гипотеза 4. Межкультурные дружеские контакты русского этнического меньшинства будут способствовать их межгрупповому доверию в республиках Северного Кавказа.

Третий исследовательский вопрос: какова модерационная роль межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия у русских в РСО-А и КБР.

Цель данного исследования — внести вклад в понимание взаимосвязи таких социально-психологических факторов, как ценности и межкультурные контакты, с межгрупповым доверием русского этнического меньшинства в РСО-А и КБР.

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие русские, про-

живающие в двух республиках Северного Кавказа (РСО-А, КБР). Общая выборка составила $N=593$ респондента. В выборку вошли: в РСО-А $N=291$ (29% муж; $\min_{\text{возраст}}=15$, $\max_{\text{возраст}}=91$; $M=44,6$; $SD=22,10$; неполное среднее образование=13%, среднее=18%, среднее специальное=23%, высшее=46%), в КБР $N=302$ (36% муж; $\min_{\text{возраст}}=15$, $\max_{\text{возраст}}=90$; $M=42,7$; $SD=21,60$; неполное среднее образование=11%, среднее=19%, среднее специальное=44%, высшее=26%).

Процедура исследования. Сбор данных проводился сотрудниками Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ в городах и селах РСО-А и КБР, где компактно проживают русские. Использовалась техника снежного кома. Исследование проводилось на базе школ и университетов. Студентов и старшеклассников просили заполнить опросник самостоятельно, а также распространить его среди своих друзей, знакомых и родителей. Заполненные опросники возвращались организаторам исследования. Вознаграждение не предполагалось.

Инструментарий исследования. Для проведения исследования были использованы следующие шкалы.

Ценности. Опросник Шварца PVQ-R [14] включает 57 утверждений. Респонденты должны были оценить каждое из утверждений по шестибальной шкале, в зависимости от того, в какой степени описанный человек похож на него самого (например, «Защищать слабых и уязвимых людей в обществе важно для него», для ценности Универсализм — забота о других). 19 ценностей объединялись в блоки ценностей более высокого уровня: **Открытость изменениям, Самоутверждение, Сохранение и Самопреодоление.** Мы провели проверку шкал ценностей

более высокого порядка для каждой выборки, используя коэффициент α -Кронбаха, а также конфирматорный факторный анализ (CFA). Для РСО-А: **Открытость изменениям** — $\alpha=0,76$; $\chi^2(df)=5$, CFI=1,00, RMSEA=0,001; **Самоутверждение** — $\alpha=0,78$; $\chi^2(df)=1,1$, CFI=0,999, RMSEA=0,019; **Сохранение** — $\alpha=0,84$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,954, RMSEA=0,090; **Самопреодоление** — $\alpha=0,87$; $\chi^2(df)=4,0$, CFI=.895, RMSEA=0,202. Для КБР: **Открытость изменениям** — $\alpha=0,78$; $\chi^2(df)=1,0$, CFI=1,00, RMSEA=.001; **Самоутверждение** — $\alpha=0,78$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,919, RMSEA=0,112; **Сохранение** — $\alpha=0,84$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,966, RMSEA=0,103; **Самопреодоление** — $\alpha=0,87$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,968, RMSEA=0,092. Полученные данные позволяют говорить о согласованности вопросов для каждого блока ценностей.

Межгрупповое доверие. Использовалась шкала доверия Ямагиши (Yamagishi), включающая 3 вопроса. Например, «Я доверяю людям других национальностей» [53]. Абсолютно согласен — 1 балл, абсолютно согласен — 5 баллов. Для РСО-А — $\alpha=0,83$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,996, RMSEA=0,094; Для КБР — $\alpha=0,87$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,998, RMSEA=0,097.

Межкультурные контакты. Мы использовали шкалу из опросника проекта MIRIPS, переведенную и адаптированную на русский язык [7]. Данная шкала включает 2 вопроса: «Сколько у Вас близких друзей другой национальности?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?». Для РСО-А — $\alpha=0,77$. Для КБР — $\alpha=0,89$.

Социально-демографические характеристики. Мы исследовали пол, возраст, образование и этническую принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применялись следующие методы: для измерения различий использовался многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), для оценки надежности и согласованности шкал использовался показатель надежности коэффициент α -Кронбаха, конфирматорный факторный анализ (CFA). Для проверки гипотез использовался метод моделирования структурными уравнениями (SEM), для анализа модерации пакет PROCESS v3.4 [27].

Результаты

Сравнение средних значений

На первом этапе исследования мы сравнили средние значения всех переменных в двух выборках (РСО-А и КБР). Сравнительный анализ выраженности переменных у русских в двух регионах с использованием MANOVA, где ценности высокого порядка, межгрупповое доверие и межкультурные контакты были зависимыми переменными, а регион — независимой переменной, показал значимость различий: Wilks's $\Lambda=0,961$, $F(6,577)=3,899$, $p \leq 0,001$, $\eta^2=0,039$. ANOVA по отдельным переменным показал, что значимые различия существуют в выраженности ценностей **Самоутверждения** (наиболее выражены у русских КБР в сравнении с русскими РСО-А) и **Самопреодоления** (наиболее выражены у русских РСО-А в сравнении с русскими КБР), в выраженности межгруппового доверия и интенсивности межкультурных контактов (наибольшие показатели у русских РСО-А в сравнении с русскими КБР) (табл. 1).

Результаты моделирования структурными уравнениями

Первоначально мы провели мультигрупповой анализ для двух выборок — русских в РСО-А и КБР. Результаты показали, что для всех моделей $\Delta CFI > .01$, что свидетельствует об отсутствии инвариантности [32]. Исходя из этого, дальнейший анализ проводился отдельно для русских двух регионов. Для проверки выдвинутых гипотез и ответа на исследовательские вопросы мы проанализировали взаимосвязи ценностей более высокого порядка, межкультурных контактов и межгруппового доверия с помощью путевой модели сначала на выборке русских в РСО-А (рис. 1). В табл. 2 представлены показатели моделей для РСО-А и КБР. Все индексы соответствуют предъявляемым требованиям [32] (влияние пола и возраста контролировалось, эффекты статистически не значимы, поэтому в моделях мы их не указывали).

Результаты, представленные на рис. 1, показывают, что у русских в РСО-А ценности **Открытости изменениям** и **Сохранения** позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами, а ценности **Самоутверждения** — отрицательно. Связь между ценностями **Самопреодоления** и межкультурными контактами была незначимой. Межкультурные контакты имели позитивную значимую взаимосвязь с межгрупповым доверием. Все исследуемые у русских в РСО-А ценности не имели прямых значимых взаимосвязей с межгрупповым доверием. Однако мы выявили медиативную роль межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия. Результаты анализа показали, что непрямой медиативный эффект (полная медиация) межкультурных контактов был значим для взаимосвязи ценностей **Открытости изменениям** ($\beta=0,68$; $p \leq 0,05$), **Самоутверждения** ($\beta=-0,14$; $p \leq 0,05$),

Таблица 1
Результаты сравнения средних значений всех переменных у русских в РСО-А и КБР

№ п/п	Переменные	РСО-А		КБР		F(6,590)	Partial η^2
		M	SD	M	SD		
1	Ценности Открытости изменениям	3,89	0,49	3,90	0,34	0,099	0,000
2	Ценности Самоутверждения	3,55	0,62	3,69	0,58	7,595**	0,013
3	Ценности Сохранения	4,20	0,42	4,14	0,32	2,975	0,005
4	Ценности Самопреодоления	4,22	0,36	4,16	0,33	3,632*	0,006
5	Межгрупповое доверие	3,53	1,05	3,33	1,06	5,171*	0,009
6	Межкультурные контакты	3,62	1,03	3,31	1,01	12,279***	0,021

Примечания: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение; * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

Таблица 2
Показатели индексов пригодности путевых моделей

Модели	χ^2/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
Русские РСО-А	2,7	0,971	0,080	0,231
Русские КБР	3,0	0,949	0,081	0,316

Сохранения ($\beta=0,56$; $p=0,35$) с межгрупповым доверием.

Также, отвечая на наш третий исследовательский вопрос, мы провели анализ модерационной роли межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия у русских в РСО-А. Данные обрабатывались при помощи регрессионного анализа с дополнительным анализом модерации. На рис. 2 представлена модель, характеризующая связь ценностей с межгрупповым доверием при учете модерационного эффекта межкультурных контактов. Представленная модель (на рисунке представлены не стандартизированные коэффициенты) является статистически значимой ($F=9,55$; $p \leq 0,001$) и показывает, что при учете и предиктора, и модератора объясняется 31% дисперсии межгруппового доверия. Модерационный эффект межкультурных контактов является статистически значимым и положительным. На рис. 2 представлены модерационные эффекты.

При помощи модуля Process респонденты были разделены на 3 категории: с низким в выборке уровнем межгрупповых контактов (2,5), со средним уровнем (4,0) и с высоким (4,5). На рис. 3 можно видеть, как у русских с разным уровнем межкультурных контактов связаны ценности **Открытости изменениям** с межгрупповым доверием. С понижением интенсивности межкультурных контактов связь ценностей **Открытости изменениям** с межгрупповым доверием становится отрицательной (но статистически незначимой), и напротив, с повышением интенсивности межкультурных контактов связь становится значимой и положительной.

Результаты, представленные в табл. 3, подтверждают данный вывод.

Эти результаты позволяют говорить о том, что ценности **Открытости изменениям** у русских как этнического меньшинства в РСО-А напрямую не приводят к межгрупповому доверию, это

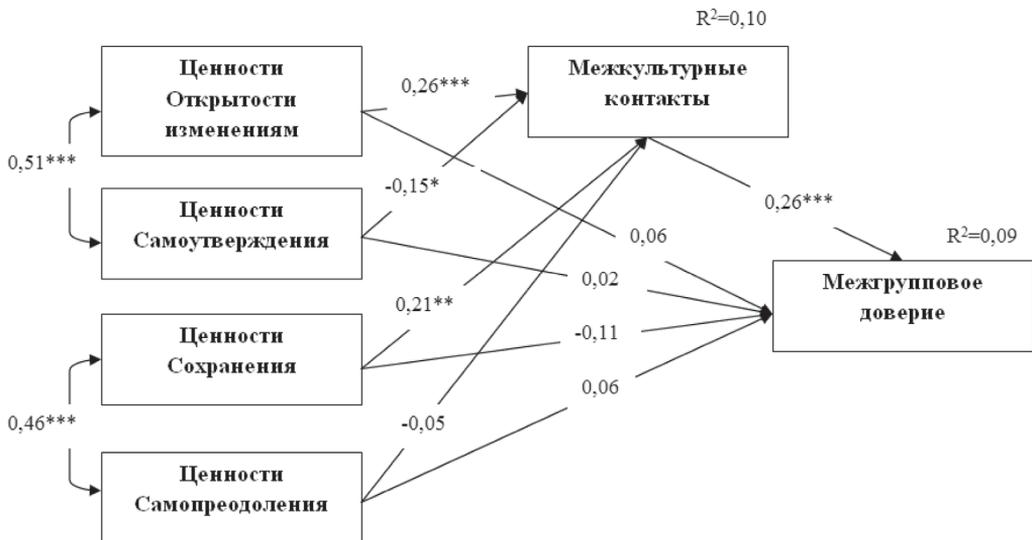

Рис. 1. Путьевая модель взаимосвязи ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия русских в РСО-А

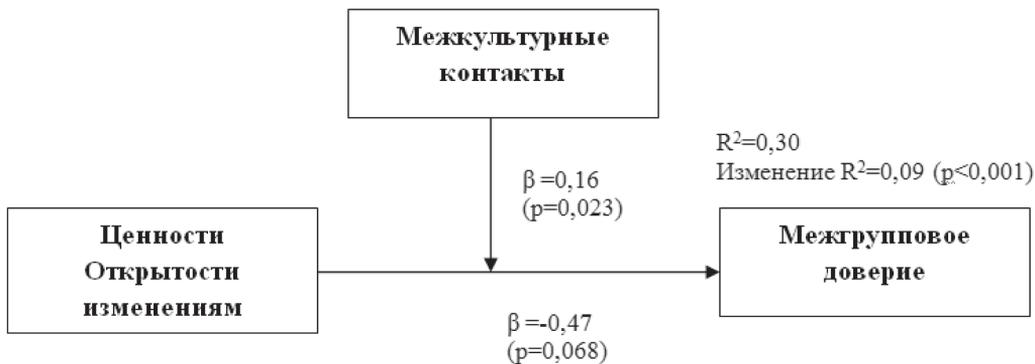

Рис. 2. Межкультурные контакты как модератор связи ценностей Открытости изменениям и межгруппового доверия у русских в РСО-А

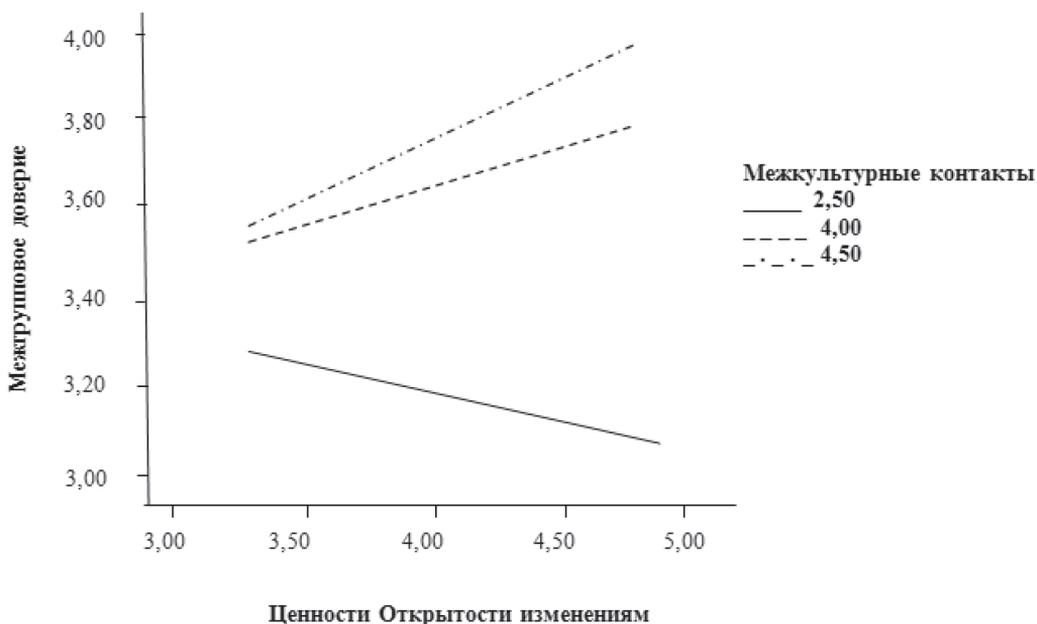

Рис. 3. Интеракция между ценностями Открытости изменениям и межкультурными контактами при предсказании межгруппового доверия у русских в РСО-А

происходит лишь при условии интенсивных межкультурных контактов русских. Возможно, интенсивно общаясь, взаимодействуя с осетинами и представителями других этнических групп, русские «диагностируют ситуацию», приобретают

опыт, который позволяет им реализовывать ценности **Открытости изменениям** (например, Самостоятельность мысли, Самостоятельность действий), что в целом приводит к повышению доверия к другим группам. То есть межкультурные

контакты являются очень важным ресурсом для межгруппового доверия в поликультурной Осетии.

Проведенный анализ модерационной роли межкультурных контактов в отношении взаимосвязи ценностей **Самоутверждения**, **Сохранения** и **Самопреодоления** показал, что модели не значимы.

Далее мы провели анализ на выборке русских КБР. Результаты структурного моделирования представлены на рис. 4.

Результаты показывают, что только ценности **Самоутверждения** позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами русских в КБР. Межкультур-

ные контакты также положительно взаимосвязаны с межгрупповым доверием. Мы также выявили прямой и непрямой эффекты ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием: существует отрицательная прямая взаимосвязь ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием и позитивная связь ($\beta=0,062$; $p\leq 0,05$) через межкультурные контакты (частичная медиация).

Анализ модерационной роли межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия у русских в КБР показал, что только модель, где ценности **Самоутверждения**

Таблица 3

Связь между ценностями Открытости изменениям и межгрупповым доверием в зависимости от уровня межкультурных контактов русских в РСО-А

Межкультурные контакты	β	SE	t	p
2,5	-0,074	0,11	-0,69	0,48
4,0	0,16	0,09	1,86	0,06
4,5	0,24	0,11	2,29	0,02

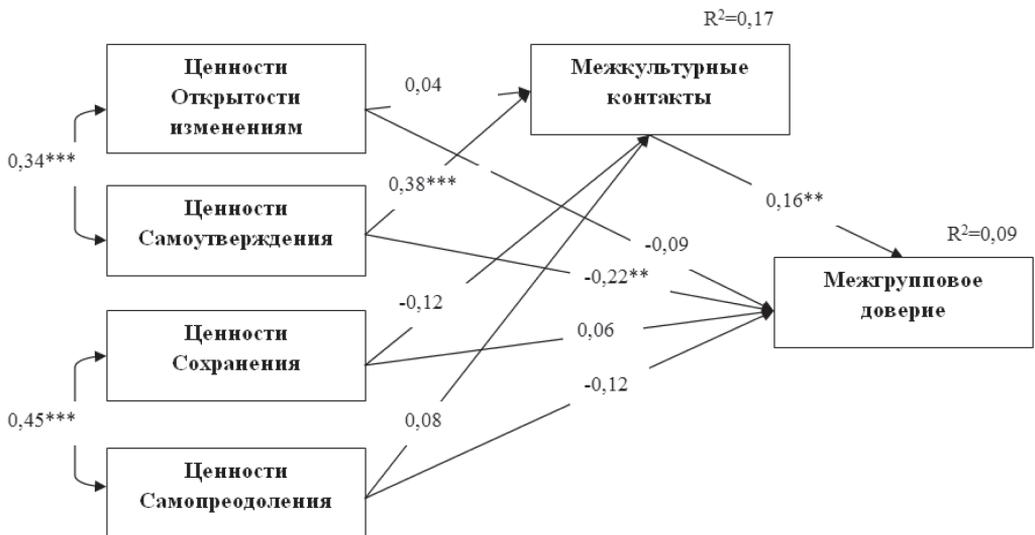

Рис. 4. Путевая модель взаимосвязи ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия русских в КБР

являются предиктором, межгрупповое доверие — ауткамом, а межкультурные контакты — модератором, являлась статистически значимой ($F=6,72$; $p \leq 0,001$), объясняет 26% дисперсии межгруппового доверия (анализ модерационной роли межкультурных контактов в отношении взаимосвязи ценностей **Открытости изменениям**, **Сохранения** и **Самопреодоления** с межгрупповым доверием показал, что модели не значимы). Модерационный эффект межкультурных контактов являлся статистически значимым и отрицательным (рис. 5).

При помощи модуля Process респонденты были разделены на 3 категории: с низким в выборке уровнем межгрупповых контактов (2,25), со средним уровнем (3,5) и с высоким (4,5).

На рис. 6 можно видеть, как у русских с разным уровнем межкультурных контактов связаны ценности **Самоутверждения** с межгрупповым доверием. С повышением интенсивности межкультурных контактов связь ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием становится значимо отрицательной, и напротив, с понижением интенсивности межкультурных контактов связь становится незначимой. Результа-

ты, представленные в табл. 4, подтверждают данный вывод.

Эти результаты позволяют говорить о том, что ценности **Самоутверждения** у русских как этнического меньшинства в КБР не приводят к межгрупповому доверию. Более того, при условии интенсивных межкультурных контактов русских с представителями этнического большинства (кабардинцами и балкарцами) отрицательный эффект этих ценностей на межгрупповое доверие усиливается. То есть можно сказать, что при интенсивном общении с представителями других культур ценности, ориентированные на личные достижения, власть, препятствуют формированию у русских в КБР доверия к другим группам. При снижении интенсивности контактов эффект остается прежним, но становится статистически не значим.

Таким образом, мы можем сказать, что для русских в РСО-А и КБР существуют разные механизмы взаимосвязи ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия: в РСО-А ценности **Открытости изменениям** при условии интенсивных межкультурных дружеских контактов приводят к повышению межгруппового доверия, в КБР

Рис. 5. Межкультурные контакты как модератор связи ценностей Самоутверждения и межгруппового доверия у русских в КБР

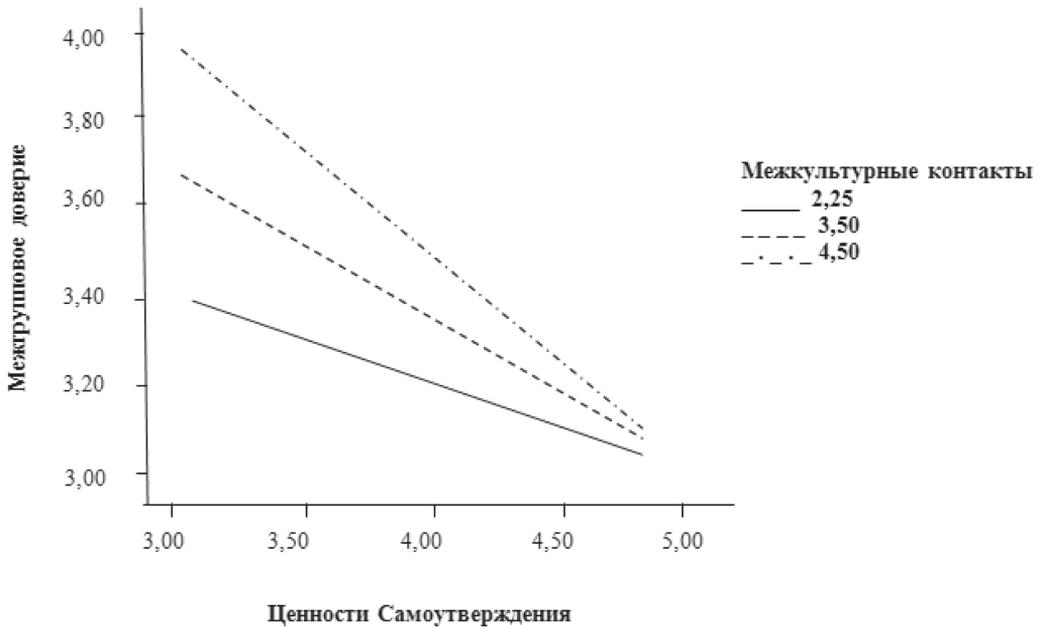

Рис. 6. Интеракция между ценностями Самоутверждения и межкультурными контактами при предсказании межгруппового доверия у русских в КБР

Таблица 4

Связь между ценностями Самоутверждения и межгрупповым доверием в зависимости от уровня межкультурных контактов русских в КБР

Межкультурные контакты	β	SE	t	p
2,25	-0,15	0,10	-1,58	0,11
3,5	-0,32	0,08	-4,12	0,000
4,5	-0,45	0,11	-4,14	0,000

ценности **Самоутверждения** при условии интенсивных межкультурных дружеских контактов приводят к снижению межгруппового доверия.

Обсуждение результатов

В целом результаты показали, что у русских в РСО-А в сравнении с русскими в КБР ценности **Самоутверждения** наименее выражены, а ценности **Само-**

преодоления — наиболее выражены. Также у русских РСО-А межгрупповое доверие и межкультурные контакты имеют наибольшие средние значения в сравнении с русскими КБР.

Результаты моделирования структурными уравнениями позволили проверить наши гипотезы и ответить на исследовательские вопросы. В РСО-А мы установили, что ни один из блоков ценностей не имеет значимого прямого эффекта на межгрупповое доверие. При

этом ценности **Открытости изменениям** и **Сохранения** позитивно, а ценности **Самоутверждения** негативно взаимосвязаны с межкультурными контактами. Также мы нашли, что ценности **Открытости изменениям**, **Сохранения** имеют положительное влияние, а ценности **Самоутверждения** — отрицательное влияние на межгрупповое доверие через межкультурные контакты. Здесь мы выявили полную медиацию. Мы можем сказать, что наша первая гипотеза о том, что ценности **Открытости изменениям** позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием, подтвердилась частично на выборке русских в РСО-А. Можно сказать, что ценности, связанные с открытостью новому, в РСО-А способствуют межгрупповому доверию русских только через их межкультурные контакты. Это отчасти подтверждается результатами ранее проведенных исследований [19; 55].

Мы установили, что ценности **Сохранения**, связанные с традицией, безопасностью, позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и способствуют межгрупповому доверию, но только через межгрупповые контакты. Эти результаты несколько отличаются от ранее проведенных исследований [32; 55]. Наши данные опровергают вторую гипотезу и демонстрируют, что ценности **Сохранения** могут способствовать, а не препятствовать межгрупповому доверию в обществе, но только через интенсивные межкультурные контакты русских. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что русские и осетины воспринимают друг друга как достаточно близкие культуры [2], также русские отмечают позитивный характер межкультурных отношений в республике [3], что может приводить к тому, что ценности **Сохранения** как способствуют межкультурным

контактам, так и опосредованно (через эти контакты) приводят к межгрупповому доверию.

Наша третья гипотеза не была подтверждена в РСО-А. Ценности **Самопреодоления** не были взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием. Наши данные отличаются от ранее представленных [19]. Возможно, это связано с тем, что ранее проведенные исследования касались представителей этнического большинства, а для этнического меньшинства роль этих ценностей не так значима.

Отвечая на наш второй исследовательский вопрос о взаимосвязи ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием и межкультурными контактами, мы установили, что ценности **Самоутверждения** напрямую не связаны с межгрупповым доверием и имеют отрицательную взаимосвязь с межкультурными дружескими контактами. Также мы выявили, что ценности **Самоутверждения** отрицательно взаимосвязаны с межгрупповым доверием русских в РСО-А, но только через межкультурные контакты.

В КБР наша первая, вторая и третья гипотезы не подтвердились, то есть ценности **Открытости изменениям**, **Сохранения** и **Самопреодоления** не имеют значимых взаимосвязей с межгрупповым доверием и межкультурными контактами русских. Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы установили, что в КБР у русских ценности **Самоутверждения** положительно взаимосвязаны с межкультурными контактами и имеют как прямой, так и непрямой (через межкультурные контакты) отрицательный эффект на межгрупповое доверие. То есть значимость ценностей, связанных с личными достижениями, властью, не способствует межгрупповому доверию,

при этом межкультурные контакты усиливают отрицательный эффект. Эти результаты отличаются от данных, полученных в РСО-А, что позволяет говорить о том, что социокультурный контекст (этнический и религиозный состав, характер межэтнических отношений и др.) может оказывать влияние как на значимость определенных ценностей, так и на их влияние на межгрупповое доверие. При этом важную роль играют межкультурные контакты, которые могут как усиливать, так и снижать это влияние.

Результаты нашего исследования показали, что у русских в КБР и РСО-А существует положительная взаимосвязь межкультурных контактов и межгруппового доверия. Эта взаимосвязь является универсальной. Таким образом, наша четвертая гипотеза полностью подтвердилась на двух выборках.

Кроме этого, мы проанализировали модерационную роль межгрупповых контактов во взаимосвязи ценностей высокого порядка и межгруппового доверия (третий исследовательский вопрос). Результаты продемонстрировали, что в РСО-А интенсивные межкультурные контакты являются условием, при котором ценности **Открытости изменениям** способствуют формированию у русских межгруппового доверия. То есть можно сказать, что у русских, интенсивно общающихся с осетинами, ценности, связанные с ориентацией на самостоятельность, независимость, открытость новому, будут способствовать межгрупповому доверию. Если русские не имеют интенсивных контактов с представителями этнического большинства, то, напротив, их ценности **Открытости изменениям** будут снижать межгрупповое доверие.

В КБР мы установили, что межкультурные контакты усиливают отрица-

тельную взаимосвязь между ценностями **Самоутверждения** и межгрупповым доверием (похожий эффект мы нашли при изучении медиации). То есть можно сказать, что у русских, интенсивно взаимодействующих с кабардинцами и балкарцами, ценности, связанные с личными достижениями, властью, не способствуют межгрупповому доверию. Снижение таких контактов делает эту связь незначимой.

Заключение и выводы

Данное исследование позволило выявить роль ценностей и межкультурных контактов в межгрупповом доверии русских, проживающих в двух поликультурных регионах России — РСО-А и КБР. Также мы проанализировали модерационную роль межкультурных контактов, которые являются условием, усиливающим или ослабляющим влияние ценностей на межгрупповое доверие. В целом мы выявили, что у русских в РСО-А и КБР разные ценности обуславливают повышение/снижение межгруппового доверия, что может объясняться особенностями социокультурного контекста данных республик. Например, в РСО-А, характеризующейся благоприятным отношением осетин к русским [9], общей религиозной принадлежностью русских и большинства осетин, у русских при интенсивных межкультурных контактах повышению межгруппового доверия способствуют ценности **Открытости изменениям**. То есть в комфортной ситуации межкультурного взаимодействия и в близком религиозном контексте если русские интенсивно общаются с представителями доминирующей этнической группы, то ценности, ориентированные на самостоятельность мысли и действий, открытость русских

всему новому, повышают их доверие к другим группам. В КБР, где существует латентная межэтническая напряженность [13], кроме этого, для русских — это ино-религиозный контекст, при интенсивных межкультурных контактах ценности **Самоутверждения** будут снижать межгрупповое доверие. Можно сказать, что в ситуации культурно далекого контекста при наличии межэтнической напряженности если русские интенсивно общаются с представителями доминирующих этнических групп, то их ценности достижения, власти, репутации будут снижать межгрупповое доверие. Полученные результаты позволили сформулировать ряд общих выводов.

1. В РСО-А ценности **Открытости изменениям**, **Сохранения** имеют положительное влияние, а ценности **Самоутверждения** — отрицательное влияние на межгрупповое доверие только через межкультурные контакты. В КБР ценности **Самоутверждения** имеют как прямой, так и непрямой (через межкультурные контакты) отрицательный эффект на межгрупповое доверие.

2. У русских в РСО-А ценности **Открытости изменениям** и **Сохранения** положительно взаимосвязаны с межкультурными контактами, а ценности **Самоутверждения** — отрицательно. В КБР, напротив, ценности **Самоутверждения** имеют позитивную взаимосвязь с межкультурными контактами.

3. У русских в КБР и РСО-А существует положительная взаимосвязь меж-

культурных контактов и межгруппового доверия.

4. В РСО-А интенсивные межкультурные контакты русских являются модератором, обуславливающим положительную взаимосвязь ценностей **Открытости изменениям** и межгруппового доверия. В КБР межкультурные контакты являются модератором отрицательной взаимосвязи между ценностями **Самоутверждения** и межгрупповым доверием.

Результаты данного исследования помогают понять механизмы взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия при учете межкультурных контактов и демонстрируют значимую роль социокультурного контекста в этом процессе. Полученные данные могут помочь специалистам, занимающимся проблемами межгруппового доверия в обществе, управлять им, поддерживая политику повышения/понижения межкультурных контактов.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет ограничения, обусловленные тем, что мы изучали только русское этническое меньшинство, а его статус имеет двойственную природу, поскольку на уровне страны русские являются этническим большинством, а на уровне республик — этническим меньшинством. Полученные результаты нуждаются в проверке на других выборках и в других регионах.

Литература

1. Галушак Д.В. К анализу этнических особенностей кабардинцев, балкарцев и русских [Электронный ресурс] // Известия Южного федерального университета. Психологические науки. 2005. С. 76–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-analizu-etnicheskih-osobennostey-kabardintsev-balkartsev-i-russkih-2> (дата обращения: 12.04.2017).
2. Гуцунаева С.В. Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия — Алания: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 21 с.

3. Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения. М.: Фонд перспективных исследований «Бастион», 2012. 129 с.
4. Денисова Г.С., Уланов И.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2003. 234 с.
5. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. 2003. № 4. С. 79–85.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 Т. Т. 11. Сводные итоги всероссийской переписи населения. М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (дата обращения: 12.04.2017).
7. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 508–546. 420 с.
8. Павленко О. «Национальное государство» и «этническое меньшинство»: проблемы соотношения обзор современной зарубежной историографии. 1998. С. 175–192. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1235142/ (дата обращения: 20.04.2020).
9. Синанов Б.А. Оценка современного состояния межэтнических отношений в республике Северная Осетия – Алания (по материалам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23634> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Татарко А.Н. Взаимосвязь доверия с аккультурационными установками (на примере украинцев в России и русских в Латвии) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 76–84. DOI:10.17759/chp.2016120108
11. Татарко А.Н., Лепшикова З.Х., Дубров Д.И. Доверие как модератор связи отношения к этническому многообразию и аккультурационных ожиданий принимающего населения // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 92–114. DOI:10.17759/sps.2019100106
12. Тишков В.А. Меньшинство этническое [Электронный ресурс] // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 617. URL: <https://terme.ru/termin/menshinstvo-etnicheskoe.html> (дата обращения: 17.04.2020).
13. Тхагазитов Ю.М., Шаожева Н.А. К проблеме прогнозирования межэтнических конфликтов на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-prognozirovaniya-mezhetnicheskih-konfliktov-na-severnom-kavkaze> (дата обращения: 17.04.2020).
14. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
15. Bilodeau A., Whitec S. Trust among recent immigrants in Canada: levels, roots and implications for immigrant integration // Journal of ethnic and migration studies. 2016. Vol. 42(8). P. 1317–1333. DOI:10.1080/1369183X.2015.1093411
16. Čehajić S., Brown R., Castano E. Forgive and forget? Antecedents and consequences of intergroup forgiveness in Bosnia and Herzegovina // Political Psychology. 2008. Vol. 3. P. 351–362. DOI:10.2307/20447126
17. Cook K.S. Trust in Society. New York: Russell Sage Foundation Publications, 2001.
18. Cook K.S., Yamagishi T., Cheshire C., Cooper R., Matsuda M., Mashima R. Trust Building via Risk Taking: A Cross-societal Experiment // Social Psychology Quarterly. 2005. Vol. 68. P. 121–42.
19. Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and support for immigration: a cross-country comparison // Eur. Sociol. Rev. 2008. Vol. 24(5). P. 583–599.
20. Dinesen P.T. Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment // European Sociological Review. 2013. Vol. 29. P. 114–28.

21. *Dinesen P.T., Sønderskov K.M.* Ethnic diversity and social trust. A critical review of the literature and suggestions for a research agenda / In Uslander (Hg.) (Ed.) // *The Oxford Handbook on Social and Political Trust*. Oxford University Press, 2018.
22. *Doerschler P., Jackson P.I.* Do Muslims in Germany Really Fail to Integrate? Muslim Integration and Trust in Public Institutions // *Journal of International Migration and Integration*. 2012. Vol. 13. P. 503–23.
23. *Ferrin D.L., Bligh M.C., Kohles J.C.* Can I Trust You to Trust Me? A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships // *Group & Organization Management*. 2007. Vol. 32(4). P. 465–499.
24. *Flanagan C.* Trust, Identity, and Civic Hope // *Applied Developmental Science*. 2003. Vol. 7(3). P. 165–171.
25. *Guenzi P., Georges L.* Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson // *European Journal of Marketing*. 2010. Vol. 44(1/2). P. 114–138.
26. *Hardin R.* *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation, 2002.
27. *Hayes A.F.* *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. N.Y.: Guilford Publications, 2013. 507 p.
28. *Heckmann F.* *Ethnischen Minderheiten, Voile und Nation*. Frankfurt am Main., 1992. P. 8–56.
29. *Hellivell J.F., Wang S.* Trust and Well-Being // Working Paper. National Bureau of Economic Research. 2010. Vol. 15911.
30. *Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A.* Ethnic diversity and generalized trust in Europe: a cross-national multilevel study // *Comp. Pol Stud*. 2009. Vol. 42(2). P. 198–223.
31. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55.
32. *Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J.* Political conservatism as motivated social cognition // *Psychol. Bull*. 2003. Vol. 129(3). P. 339–352.
33. *Kenworthy J.B., Voci A., Ramiah A.A., Tausch N., Hughes J., Hewstone M.* Building Trust in a Postconflict Society: An Integrative Model of Cross-group Friendship and Intergroup Emotions // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 60(6). P. 1041–1070. DOI:10.1177/0022002714564427
34. *Kramer R.M., Carnevale P.J.* Trust and Intergroup Negotiation / In Brown R., Gaertner S. (Eds.) // *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes*. Oxford, UK: Blackwell, 2001. P. 431–450.
35. *Ljunge M.* Trust Issues: Evidence on the Intergenerational Trust Transmission among Children of Immigrants // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2014. Vol. 106. P. 175–96.
36. *Maoz I., Ellis D.* Intergroup Communication as a Predictor of Jewish-Israeli Agreement with Integrative Solutions to the Israeli-Palestinian Conflict: The Mediating Effects of Outgroup Trust and Guilt // *Journal of Communication*. 2008. Vol. 58. P. 490–507.
37. *McKeown S., Psaltis C.* Intergroup Contact and the Mediating Role of Intergroup Trust on Outgroup Evaluation and Future Contact Intentions in Cyprus and Northern Ireland Peace and Conflict // *Journal of Peace Psychology*. 2017. Vol. 23(4). P. 392–404. DOI:10.1037/pac0000275
38. *Mewes J.* Inequality and Trust Re-Visited // Working Paper. 2012. June 16. URL: http://www.soc.umu.se/digitalAssets/103/103912_11_2012_mewes.pdf. (Accessed 20.11.2019).
39. *Molm L., Takahashi N., Peterson G.* Risk and Trust in Social Exchange: An Experimental Test of a Classical Proposition // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. P. 1396–427.
40. *Putnam R.* *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon and Schuster, 2000. 544 p.
41. *Rotter J.B.* Generalized Expectancies for Interpersonal Trust // *American Psychologist*. 1971. Vol. 26. P. 443–52.

42. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact // J. Pers. Soc. Psychol. 1995. Vol. 69(3). P. 437–448.
43. Sidanius J., Pratto F. Social Dominance: an Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression. Cambridge university press, 1999.
44. Smith S.S. Race and Trust // Annual Review of Sociology. 2010. Vol. 36. P. 453–75.
45. Stolle D., Harell A. Social capital and ethno-racial diversity: learning to trust in an immigrant society // Polit. Stud. 2013. Vol. 61(1). P. 42–66.
46. Suppan A. Die osterreichischen Volksgruppen. Wien, 1983. P. 10–43.
47. Tam T., Hewstone M., Kenworthy J.B., Cairns E. Intergroup Trust in Northern Ireland // Personality and Social Psychology Bulletin. 2009. Vol. 35. P. 45–59.
48. Turner R.N., West K., Christie Z. Out-group trust, intergroup anxiety, and out-group attitude as mediators of the effect of imagined intergroup contact on intergroup behavioral tendencies // Journal of Applied Social Psychology. 2013. Vol. 43. P. E196–E205. DOI:10.1111/jasp.12019
49. Van der Linden M., Hooghe M., de Vroome T., Van Laar C. Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 // European societies PLoS One. 2017. Vol. 12(5). P. e0177369. Published online 2017. May 8. DOI:10.1371/journal.pone.0177369
50. Wilkes R., Wu C. Ethnicity, Democracy, Trust: A Majority-Minority Approach // Social Forces. 2018. Vol. 97(1). P. 465–494. DOI:10.1093/sf/soy027
51. Wilson H.F. Passing propinquities in the multicultural city: the everyday encounters of bus passengering // Environ. Plann. 2011. Vol. 43(3). P. 634–649.
52. Wu C., Wilkes R. Durable Power and Generalized Trust in Everyday Social Exchange // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. 2016. Vol. 113(11). P. E1417.
53. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence // The Evolutionary Game of Mind and Society. Tokyo: Tokyo University Press, 1998. P. 107–171.
54. Ziller C. Ethnic diversity, economic and cultural contexts, and social trust: cross-sectional and longitudinal evidence from european regions, 2002–2010 // Soc. Forces. 2015. Vol. 93(3). P. 1211–1240.
55. Ziller C., Wright M., Hewstone M. Immigration, social trust, and the moderating role of value contexts // Social Science Research. 2019. Vol. 79. P. 115–126.

References

1. Galushchak D.V. K analizu etnicheskikh osobennostey kabardintsev, balkartsev i russkikh [Elektronnyy resurs] [On the analysis of ethnic characteristics of Kabardians, Balkars and Russians]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Psikhologicheskiye nauki = Bulletin of the Southern Federal University. Psychological sciences*, 2005, pp. 76–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-analizu-etnicheskikh-osobennostey-kabardintsev-balkartsev-i-russkikh-2> (Accessed 12.04.2017). (In Russ.).
2. Gutsunayeva S.V. Strategii mezhetnicheskogo vzaimodeystviya osetin i russkikh, prozhivayushchikh v respublike Severnaya Osetiya – Alaniya. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. [Strategies for interethnic interaction between Ossetians and Russians living in the Republic of North Ossetia-Alania. PhD (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2010. 21 p. (In Russ.).
3. Demograficheskiye i etnicheskiye problemy Severnogo Kavkaza i puti ikh resheniya [Demographic and ethnic problems of the North Caucasus and ways to solve them]. Moscow: Fond perspektivnykh issledovaniy «Bastion», 2012. 129 p. (In Russ.).
4. Denisova G.S., Ulanov I.P. Russkiye na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa [Russians in the North Caucasus: An Analysis of the Transformation of Sociocultural Status]. Rostov-on-Don: Yuzhnyy Federal'nyy universitet, 2003. 234 p. (In Russ.).
5. Zabolotnaya G.M. Fenomen doveriya i yego sotsial'nyye funktsii [The phenomenon of trust and its social functions]. *Vestnik RUDN = Bulletin of RUDN*, 2003, no 4, pp. 79-85. (In Russ.).

6. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v 11 T. T. 11. Svodnyye itogi vserossiyskoy perepisi naseleniya [Elektronnyy resurs] [The results of the 2010 Russian Population Census at 11 T. T. 11. Summary of the Russian Population Census]. Moscow, 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (Accessed 12.04.2017). (In Russ.).
7. Lebedeva N.M. Etnopsikhologiya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Ethnopsychology: textbook and workshop for academic baccalaureate]. Moscow: Yurayt Publ., 2014. pp. 508—546. 420 p. (In Russ.).
8. Pavlenko O. «Natsional'noye gosudarstvo» i «etnicheskoye men'shinstvo»: problemy sootnosheniya obzor sovremennoy zarubezhnoy istoriografii ["National state" and "ethnic minority": the problem of correlation review of modern foreign historiography], 1998, pp. 175—192. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1235142/ (Accessed 20.04.2020). (In Russ.).
9. Sinanov B.A. Otsenka sovremennogo sostoyaniya mezhetnicheskikh otnosheniy v respublike Severnaya Osetiya — Alaniya (po materialam ekspertnogo oprosa) [Assessment of the current state of interethnic relations in the Republic of North Ossetia — Alania (based on the materials of an expert survey)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2015. Vol. 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23634> (Accessed 20.04.2020) (In Russ.).
10. Tatarko A.N. Vzaimosvyaz' doveriya s akkul'turatsionnymi ustanovkami (na primere ukrainitsev v Rossii i russkikh v Latvii) [The relationship of trust with acculturation attitudes (for example, Ukrainians in Russia and Russians in Latvia)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 76—84. DOI:10.17759/chp.2016120108 (In Russ.).
11. Tatarko A.N., Lepshokova Z.Kh., Dubrov D.I. Doveriye kak moderator svyazi otnosheniya k etnicheskomu mnogoobraziyu i akkul'turatsionnykh ozhidaniy prinimayushchego naseleniya [Trust as a moderator of the relationship between ethnic diversity and acculturation expectations of the host population]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 92—114. DOI:10.17759/sps.2019100106 (In Russ.).
12. Tishkov V.A. Men'shinstvo etnicheskoye [Ethnic minority] Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Sociological encyclopedia]: v 2 t. Moscow: Mysl., 2003. P. 617. URL: <https://terme.ru/termin/menshinstvo-etnicheskoe.html> (Accessed 17.04.2020). (In Russ.).
13. Tkhagazitov YU.M., Shaozheva N.A. K probleme prognozirovaniya mezhetnicheskikh konfliktov na Severnom Kavkaze [To the problem of forecasting interethnic conflicts in the North Caucasus]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanitarian, socio-economic and social sciences]*. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-prognozirovaniya-mezhetnicheskikh-konfliktov-na-severnom-kavkaze> (Accessed 17.04.2020). (In Russ.).
14. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43—70. (In Russ.).
15. Bilodeau A., Whitec S. Trust among recent immigrants in Canada: levels, roots and implications for immigrant integration. *Journal of ethnic and migration studies*, 2016. Vol. 42, no. 8, pp. 1317—1333. DOI:10.1080/1369183X.2015.1093411
16. 'Cehaji'c S., Brown R., Castano E. Forgive and forget? Antecedents and consequences of intergroup forgiveness in Bosnia and Herzegovina. *Political Psychology*, 2008. Vol. 3, pp. 351—362. DOI:10.2307/20447126
17. Cook K.S. *Trust in Society*. New York: Russell Sage Foundation Publications, 2001.
18. Cook K.S., Yamagishi T., Cheshire C., Cooper R., Matsuda M., Mashima R. Trust Building via Risk Taking: A Cross-societal Experiment. *Social Psychology Quarterly*, 2005. Vol. 68, pp. 121—42.
19. Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and support for immigration: a cross-country comparison. *Eur. Sociol. Rev.*, 2008. Vol. 24(5), pp. 583—599.

20. Dinesen P.T. Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment. *European Sociological Review*, 2013. Vol. 29, pp. 114–28.
21. Dinesen P.T., Sønderskov K.M. Ethnic diversity and social trust. A critical review of the literature and suggestions for a research agenda. In Uslaner (Hg.) (Ed.). *The Oxford Handbook on Social and Political Trust*. Oxford University Press, 2018.
22. Doerschler P., Jackson P.I. Do Muslims in Germany Really Fail to Integrate? Muslim Integration and Trust in Public Institutions. *Journal of International Migration and Integration*, 2012. Vol. 13, pp. 503–23.
23. Ferrin D.L., Bligh M.C., Kohles J.C. Can I Trust You to Trust Me? A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships. *Group & Organization Management*, 2007. Vol. 32, no. 4, pp. 465–499.
24. Flanagan C. Trust, Identity, and Civic Hope. *Applied Developmental Science*, 2003. Vol. 7, no. 3, pp. 165–171.
25. Guenzi P., Georges L. Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson. *European Journal of Marketing*, 2010. Vol. 44, no. 1/2, pp. 114–138.
26. Hardin R. *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation, 2002.
27. Hayes A.F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. N.Y.: Guilford Publications, 2013. 507 p.
28. Heckmann F. *Ethnischen Minderheiten, Voile und Nation*. Frankfurt am Main., 1992. P. 8–56.
29. Helliwell J.F., Wang S. Trust and Well-Being. *Working Paper. National Bureau of Economic Research*, 2010. Vol. w15911.
30. Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A. Ethnic diversity and generalized trust in Europe: a cross-national multilevel study. *Comp. Pol Stud.*, 2009. Vol. 42, no. 2, pp. 198–223.
31. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55.
32. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychol. Bull.*, 2003. Vol. 129, no. 3, pp. 339–352.
33. Kenworthy J.B., Voci A., Ramiah A.A., Tausch N., Hughes J., Hewstone M. Building Trust in a Postconflict Society: An Integrative Model of Cross-group Friendship and Intergroup Emotions. *Journal of Conflict Resolution*, 2016. Vol. 60, no. 6, pp. 1041–1070. DOI:10.1177/0022002714564427
34. Kramer R.M., Carnevale P.J. Trust and Intergroup Negotiation / In Brown R., Gaertner S. (Eds). *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes*. Oxford, UK: Blackwell, 2001, pp. 431–50.
35. Ljunge M. Trust Issues: Evidence on the Intergenerational Trust Transmission among Children of Immigrants. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2014. Vol. 106, pp. 175–96.
36. Maoz I., Ellis D. Intergroup Communication as a Predictor of Jewish-Israeli Agreement with Integrative Solutions to the Israeli-Palestinian Conflict: The Mediating Effects of Outgroup Trust and Guilt. *Journal of Communication*, 2008. Vol. 58, pp. 490–507.
37. McKeown S., Psaltis C. Intergroup Contact and the Mediating Role of Intergroup Trust on Outgroup Evaluation and Future Contact Intentions in Cyprus and Northern Ireland Peace and Conflict. *Journal of Peace Psychology*, 2017. Vol. 23, no. 4, pp. 392–404. DOI:10.1037/pac0000275)
38. Mewes J. Inequality and Trust Re-Visited. *Working Paper*, 2012. June 16. URL: http://www.soc.umu.se/digitalAssets/103/103912_11_2012_mewes.pdf. (Accessed 20.11.2019).
39. Molm L., Takahashi N., Peterson G. Risk and Trust in Social Exchange: An Experimental Test of a Classical Proposition. *American Journal of Sociology*, 2000. Vol. 105, pp. 1396–427.
40. Putnam R. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon and Schuster, 2000. 544 p.

41. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Interpersonal Trust. *American Psychologist*, 1971. Vol. 26, pp. 443–52.
42. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact. *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1995. Vol. 69, no. 3, pp. 437–448.
43. Sidanius J., Pratto F. Social Dominance: an Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression. Cambridge university press, 1999.
44. Smith S.S. Race and Trust. *Annual Review of Sociology*, 2010. Vol. 36, pp. 453–75.
45. Stolle D., Harell A. Social capital and ethno-racial diversity: learning to trust in an immigrant society. *Polit. Stud.*, 2013. Vol. 61, no. 1, pp. 42–66.
46. Suppan A. Die osterreichischen Volksgruppen. Wien, 1983. P. 10–43.
47. Tam T., Hewstone M., Kenworthy J.B., Cairns E. Intergroup Trust in Northern Ireland. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009. Vol. 35, pp. 45–59.
48. Turner R.N., West K., Christie Z. Out-group trust, intergroup anxiety, and out-group attitude as mediators of the effect of imagined intergroup contact on intergroup behavioral tendencies. *Journal of Applied Social Psychology*, 2013. Vol. 43, pp. E196–E205. DOI:10.1111/jasp.12019
49. Van der Linden M., Hooghe M., de Vroome T., Van Laar C. Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21. *European societies PLoS One*, 2017. Vol. 12, no. 5, pp. e0177369. Published online 2017. May 8. DOI:10.1371/journal.pone.0177369
50. Wilkes R., Wu C. Ethnicity, Democracy, Trust: A Majority-Minority Approach. *Social Forces*, 2018. Vol. 97, no. 1, pp. 465–494. DOI:10.1093/sf/soy027
51. Wilson H.F. Passing propinquities in the multicultural city: the everyday encounters of bus passengering. *Environ. Plann.*, 2011. Vol. 43, no. 3, pp. 634–649.
52. Wu C., Wilkes R. Durable Power and Generalized Trust in Everyday Social Exchange. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, 2016. Vol. 113, no. 11, pp. E1417.
53. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence. The Evolutionary Game of Mind and Society / Yamagishi T. (Ed.). Tokyo: Tokyo University Press, 1998. P. 107–171.
54. Ziller C. Ethnic diversity, economic and cultural contexts, and social trust: cross-sectional and longitudinal evidence from european regions, 2002–2010. *Soc. Forces*, 2015. Vol. 93, no. 3, pp. 1211–1240.
55. Ziller C., Wright M., Hewstone M. Immigration, social trust, and the moderating role of value contexts. *Social Science Research*, 2019. Vol. 79, pp. 115–126.

Информация об авторах

Галыпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Information about the authors

Victoria N. Galyapina, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Получена 20.02.2020

Received 20.02.2020

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов

Суворова И.Ю.

**ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО МПСУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com**

Глебов В.В.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева» (ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева»)
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru**

Ван Х.

**ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523>, e-mail: hw397857500@gmail.com**

Цель. Статья посвящена анализу нарративной идентичности китайских и российских студентов. Предполагалось, что отражение социально-политической ситуации более очевидно и проявляет себя в основных темах и установках, отражающих как содержательную сторону нарратива, так и его структуру, тогда как выявление культурного влияния требует дополнительного анализа.

Контекст и актуальность. Кросс-культурные исследования указывают на необходимость анализа нарратива на индивидуальном, политическом, социальном, экономическом и культурном уровнях. Теоретически каждый из уровней имеет свое влияние на структуру и содержание нарратива. Тем не менее существует сравнительно небольшое количество данных о сопоставлении различных видов анализа и особенностей их проявления в нарративе.

Дизайн исследования. В работе анализировались различия в изложении фрагментов биографии, в манере преподнесения информации и в упоминании основных тем жителями стран с различным социально-политическим строем.

Участники. Выборку составили 80 человек: 35 нарративов студентов из КНР (19 мужчин и 16 женщин в возрасте от 19 до 26 лет) и 45 нарративов студентов из Российской Федерации (РУДН) (17 мужчин и 28 женщин в возрасте от 20 до 23 лет). Все участники исследования родились в период с 1997 по 2000 годы.

Методы (инструменты). В статье применялся нарративный анализ идентичности К. Маклин и Д. МакАдамса как теория и метод исследования. Статистический анализ включил вычисление различий между двумя выборками (критерий *U* Манна-Уитни) и иерархический кластерный анализ.

Результаты. Полученные результаты показывают, что в нарративах российских и китайских студентов отражены непоследовательность и большая степень неопределенности социально-политической ситуации в России, а также большое социальное давление и высокая конкуренция в Китае.

Основные выводы. В структуре нарративной идентичности в первую очередь отражает социально-политическая ситуация как связанная с непосредственным опытом студентов.

Культурный опыт затрагивает более фундаментальные конструкты личности и в обычном нарративном анализе не считается.

Ключевые слова: социальная система, нарративная идентичность, социальный конструкт, качественные и количественные методы обработки данных, нарративный анализ, травма, диффузия идентичности.

Для цитаты: Суворова И.Ю., Глебов В.В., Ван Х. Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 93–113. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120406>

The Study of the Narrative Identity of Russian and Chinese Students

Irina Yu. Suvorova

Moscow Psychological and Social University (OANO VO MPSU), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Viktor V. Glebov

Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

(RSAU-Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru

Huayang Wang

Peoples' Friendship University of Russia (FGAOU VO PFUR), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523>, e-mail: w397857500@gmail.com

Objective. *The article is devoted to the analysis of the narrative identity of Chinese and Russian students. It was assumed that the reflection of the socio-political situation is more obvious and manifests itself in the main themes and attitudes, reflecting both the content side of the narrative and its structure, while the identification of cultural influence requires additional analysis.*

Background. *Cross-cultural studies point to the need to analyze the narrative at the individual, political, social, economic and cultural level. In theory, each of the levels has its own influence on the structure and content of the narrative. Nevertheless, there is an extremely small amount of practical data on the comparison of various types of analysis and the peculiarities of their manifestation in narrative.*

Study design. *The article analyzed the features in the presentation of fragments of biography, the manner of presenting information and mentioning the main topics of the citizens of countries with a different socio-political system.*

Participants. *The sample consisted of 80 people: 35 narratives of students from the PRC (19 male and 16 females from 19 to 26 years old) and 45 narratives of students from the Russian Federation (PFUR) (17 male and 28 females from 20 to 23 years old). All participants were born between 1997 and 2000.*

Measurements. *The article used the analysis of narrative identity of K. McLean and D. McAdams both as a theory and as research method. Statistical analysis included the calculation of differences between the two samples (Mann-Whitney U test) and hierarchical cluster analysis.*

Results. *The narratives of Russian and Chinese students reflect inconsistency and a high degree of uncertainty of the socio-political situation in Russia, as well as great social pressure and high competition in China.*

Conclusions. *The structure of narrative identity primarily reflects the socio-political situation as related to the direct experience of students. Cultural experience affects more fundamental personality constructs and is not read in ordinary narrative analysis.*

Keywords: social system, narrative identity, social construct, qualitative and quantitative methods of data processing, narrative analysis, trauma, identity diffusion.

For citation: Suvorova I.Yu., Glebov V.V., Wang H. The Study of the Narrative Identity of Russian and Chinese Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120406> (In Russ.).

Введение

Ведение повествований является неотъемлемой составляющей человеческой природы. Через истории мы представляем себя другими, анализируем себя. В наших историях отражается наше отношение к элементам социальной реальности. А наше отношение, в свою очередь, является результатом интернализации тех социальных конструктов, в контексте которых происходила наша социализация. В 1980-х годах закрепилось убеждение в том, что возможность последовательно и складно рассказать свою историю отражает личностную целостность и согласованность внутренних структур личности [15; 28], где нарратив о себе принимает форму личного мифа [43]. Поэтому нарративы по праву считаются основой идентичности, а сам феномен определен как нарративная идентичность [31].

Нарративная идентичность как социальный конструкт

Нарративная идентичность возникает в позднем подростковом возрасте как функция социальных ожиданий и результат взаимодействия с социальным окружением [31]. Формирование идентичности происходит тогда, когда внутренние импульсы и стремления находят форму во внешних условиях и социальных требованиях [23; 24]. Характеризуя себя через социальные конструкты, человек с помощью нарратива вписывает себя в ткань социальной реальности [2].

МакАдамс и Палс [30] предположили, что нарративная идентичность включает три уровня: самый базовый уровень затрагивает личностные черты и типичное поведение нарратора; второй уровень описывает его цели и мотивацию; третий уровень — уровень жизненного опыта, основного лейтмотива, заложенного в повествовании. Уровень черт и типичного поведения является наиболее часто встречающимся уровнем повествования, когда самоописание не подвергается глубокому анализу. Второй уровень объясняет причины поведения и особенности взаимодействия человека с миром, являясь некоторым обобщением первого уровня. На третьем уровне проводится обобщение личного опыта, его объяснения через культурный опыт. Можно предположить, что идентичность человека, интегрированного в социальную систему, включает в себя все три уровня, тогда как сложности с интеграцией приводят к отсутствию третьего уровня, а иногда и второго уровня.

Ф. Хаммак [19] предположил существование центрального нарратива (master narrative engagement), лежащего в основе всех трех уровней. Центральный нарратив представляет собой культурный сценарий, общий для определенной социальной группы, или ее миф. Таким образом, основной нарратив передает идеологическое послание, которое одновременно определяет групповую принадлежность и является основой для личного мифа [2; 29]. Исследования многократно доказывают, что культурные особенности, миф, лежащий в основе социально-

го дискурса, влияют как на содержание нарративов, так и на их структуру [6; 9]. Элайн Ризз [37] продемонстрировала, как автобиографические отчеты американских детей имели тенденцию быть более детальными и направленными на саморекламу по сравнению с отчетами их китайских и корейских сверстников. Истории, рассказываемые американскими детьми, как правило, подчеркивали стремление к успеху, тогда как рассказы китайских и корейских детей описывали скорее избегание неудачи [21; 44].

Культурные различия также отражаются и в структуре нарративов [38; 39; 40]. Например, дети маори растут в богатой нарративной среде [38]. Соответственно, у взрослых маори более ранние автобиографические воспоминания, чем у взрослых европейцев или китайцев, иммигрировавших в Новую Зеландию [33].

Тем не менее существуют убедительные данные о том, что в первую очередь в нарративах отражается социально-политическая ситуация [20]. Значение, которое люди вкладывают в нарратив, с одной стороны, политическое по своей природе, поскольку оно связано с текущей ситуацией; с другой — социально-политическое устройство, включающее особенности вертикальных и горизонтальных отношений, самооценку субъекта социальных отношений, должностное положение, социальное давление, степень контроля и пр., также базируется на культуре, историческом опыте и является результатом особенностей внутренней и внешней политики на протяжении истории [45].

Признание того факта, что нарратив существует как на личном, культурном, так и на политическом уровнях анализа, требует внимания не только к индивидуальным психологическим процессам, но также и к политической, социальной и

экономической структуре, в которой эти процессы происходят [1].

Данное исследование является поисковым и направлено на выявление различий в структуре и содержании индивидуальных нарративов в условиях различного социально-политического и культурного контекста. В целом мы полагаем, что отражение социально-политической ситуации более очевидно и напрямую сформулировано в текстах, поскольку связано с непосредственным опытом, тогда как выявление культурного влияния требует дополнительных обобщений.

Культурные особенности и социально-политическая ситуация России и КНР как предметы нарративного анализа

Большинство исследователей сходятся во мнении, что Россия и Китай представляют собой страны с принципиально различной культурой [3]. Россия располагается в двух частях света — в Европе и Азии. Одними из важнейших характеристик ментальности народов России являются глубокая поляризация и противоречивость народной индивидуальности [8]. Тем не менее во многих аспектах влияние европейской культуры на Россию глубже, чем восточной культуры. Таким образом, мы можем сказать, что культура России имеет скорее западные характеристики, а культура Китая — восточные [1; 22]. Далее, в исследованиях, проводимых в рамках теории жесткости-свободы Мишель Гельфаньд (tightness-looseness (TL)), было выявлено, что европейские страны склонны к свободному отношению к социальным нормам, тогда как восточные — к жесткому контролю [14; 18]. Несмотря на тяготение России к запад-

ным традициям, согласно зарубежным исследованиям, в ней также наблюдается жесткое декларирование социальных норм [26]. Мы предполагаем, что в нарративах проявится сильное социальное давление у представителей обеих стран.

По данным сайта The Global Economy, в конце 90-х годов уровень безработицы в России доходил до 13%. К 2019 году он снизился до 4,5%. Несмотря на то, что сейчас данные свидетельствуют о низком уровне безработицы, взрослые респонденты пришлось на период, когда найти работу было сложно. Более того, в 2017 году, по данным Роструда [11], только 27% человек работали по специальности. Это значит, что получаемая специальность по большей части не гарантирует трудоустройство. Индекс качества жизни россиян составляет 5,31 при максимальном 8,22. Опираясь на эту статистику, обстановку в России с 1997 по 2019 годы можно оценить как неопределенную и незащищенную, с довольно слабой регуляцией государством социальных отношений.

С 2000 года в Китае быстро развивается экономика, что привело к снижению уровня безработицы. В конце 90-х годов он составлял 3%, за двадцать лет своего пика безработица достигла в 2003 и 2009 годах, составив 4,3%. К концу 2018 года безработица составила 3,8%. Индекс качества жизни составил 5,99. Многие показатели Китая совпадают с показателями России, с той разницей, что за промежуток с 1997 по 2019 годы в Китае уровень безработицы постоянно был низким. Получается, что при довольно похожих с Россией показателях социально-политического благополучия социальная ситуация в Китае более определена и контролируется со стороны правительства. Мы предполагаем, что эти различия отразятся как в структуре,

так и в содержании нарративов русских и китайских студентов.

Количественный анализ нарративной идентичности

Феномен нарративной идентичности был описан П. Рикером [39], однако ее концептуальный аппарат, способы сбора и анализа данных были разработаны немного позже К. Маклин [33], МакАдамсом и Дж. Адлером [12; 13]. На данный момент анализ нарративной идентичности приближается к некоторому стандарту, где в анализе участвуют как изначально заложенные компоненты, так и разработанные в результате первичного анализа.

К изначально заложенным компонентам, выделенным преимущественно Адлером [12], относятся: ориентация (степень, с которой повествование предоставляет читателю достаточную справочную информацию для понимания истории); структура (степень, в которой повествование связано логически, то есть предыдущие части указывают на следующие); аффект (степень, в которой повествование использует язык эмоций для создания оценочной точки) и интеграция (степень, с которой рассказчик связывает описываемый эпизод с тем, кем он или она является как человек, или почему эта история была рассказана). МакАдамсом [32] же было предложено вставлять в систему кодов типичные для каждого конкретного случая темы, оценив их адекватность с помощью коэффициентов согласия [42]. Изначально заложенные компоненты, такие как аффект, согласованность и структура, указывают на степень интеграции идентичности и общий эмоциональный фон человека [5; 24]. Содержательные компоненты при-

дают смысл обнаруженным структурным особенностям. Мы полагаем, что наше поисковое исследование обнаружит как структурные, так и содержательные различия в нарративах русских и китайских студентов.

Гипотезы:

1. Существуют различия в содержании личностных историй у китайских и русских студентов;
2. Существуют различия в структуре нарративов русских и китайских студентов;
3. Существуют различия в особенностях выстраивания отношений «Я-социальная реальность» у русских и китайских студентов.

Процедура исследования

Выборку составили 80 человек: 35 нарративов студентов из КНР (19 мужчин и 16 женщин в возрасте от 19 до 26 лет) и 45 нарративов студентов из Российской Федерации (РУДН) (17 мужчин и 28 женщин в возрасте от 20 до 23 лет). Все участники исследования принадлежат к среднему классу и родились в период с 1997 по 2000 годы.

Сбор информации проходил следующим образом. Студентов попросили написать небольшой рассказ о себе, включающий как самые ранние воспоминания, так и текущее положение дел, объединенные логическими связками. Студенты РУДН писали тексты на русском языке. Далее их тексты анализировались авторами статьи. Студенты КНР преимущественно обучаются в Китае (6 студентов на момент опроса два месяца обучались в РУДН в качестве стажеров) и имеют контакты с одним из авторов. Их тексты были написаны на китайском, затем переведены на русский язык с помощью одного из авторов статьи. После

первого знакомства с текстами обеих групп была разработана система кодировок, которая была базой для дальнейшего перекрестного оценивания текстов.

Статистический анализ проводился с использованием программы IBM SPSS Statistics 26.

Разработка системы кодирования

Помимо эмоциональных и структурных компонентов после прочтения нарративов нами были выделены следующие два блока специфических тем: встречающиеся в тексте темы и основные мотивации для поступков. К темам были отнесены следующие: конкуренция, романтические отношения, давление общества (родителей), переосмысление и благодарность, желание получить новые знания, желание лучше узнать себя, вера в счастливое будущее (справедливый мир), целеустремленность, конфликт личных и общественных ценностей, оправдание ожиданий других, тема смерти и другие серьезные потрясения, сомнения в правильности выбора, отношения со сверстниками, хобби и тесная связь с родителями. В качестве основных мотиваций для поступков были выделены следующие: трудиться ради светлого будущего, жить в свое удовольствие, гордиться собой, быть в гармонии с собой, следовать требованиям системы (поступать как все), создать семью и уход от проблем. Всего в сетку кодирования было включено 45 пунктов.

Для проверки надежности используемой сетки кодов все тексты оценивались по каждому из параметров двумя оценщиками. Таким образом, каждым оценщиком было произведено 3600 оценок. В целом надежность рассчитывается как отношение совпадающих оценок ко всем

оценкам. Вычисление коэффициента Каппа представлено таким же образом, как в статье М. Сида и С. Нельсона [42] (рис. 1).

Значение $k \geq 0,89$ свидетельствует о высокой степени надежности системы кодирования [17]. Наши расчеты показывают, что составленный инструментарий является надежным.

Результаты

Темы, выделенные в рамках данного исследования, отражают непосредственный опыт студенческой жизни, включающей как романтические отношения, так и попытки разобраться в себе, в окружающей реальности (тема смерти, вера в счастливое будущее, переосмысление опыта), а также поиск себя во взаимоотношениях с семьей и обществом (связь с родителями, давление общества, конфликт личных-социальных интересов). Пример нарративов китайских студентов представлен ниже.

Мужчина, 24 года.

Я родился в небольшом округе 3 ноября 1995 года. В то время мой отец был бухгалтером,

а мама — бизнесменом. У меня есть сестра-студентка. Мои детские воспоминания очень смутные, но я помню, что часто ходил на берег реки со своими друзьями, и рядом со мной была няня, которая заботилась обо мне, но я не могу вспомнить ее внешний вид. Что бы получить лучшее образование, я приехал учиться в город, который находится в 50 километрах от моего дома, но, несмотря на небольшое расстояние, я не часто ездил домой. (Система довузовского образования в Китае: начальная школа (1–6 классы), неполная средняя школа (7–9 классы), средняя школа (три года)). В 1–3 классах я жил с родственниками, которые очень хорошо ко мне относились. Самая большая сложность для меня — это жить самостоятельно, без родителей. В четвертом классе я перешел в частную школу. Для этой школы характерно преподавание английского языка. Каждый семестр ученики должны изучить 3 книги по английскому, поэтому изучение английского языка на этом этапе — моя самая большая трудность. Но я смог быстро адаптироваться к новой школьной среде и стать довольно самостоятельным. Каждые две недели в школе объявляли каникулы. Я думаю, что это самое счастливое время для меня и всех студентов. В начальной школе я каждый день изучал известные афоризмы, поэтому понимаю много истин.

Рис. 1. Расчет коэффициента k (Каппа)

К тому же мама просила меня каждый раз в отпуске делать уроки, а еще просила заниматься каллиграфией, тогда это было больно, а теперь, вроде, все оказалось полезным. Когда мне было 12 лет, и я поступил в среднюю школу, образование стало направленным на подготовку к экзаменам. На этом этапе экзамены и оценки являются наиболее важными задачами для учеников, поэтому я редко играл и читал внеклассные книги. Самая большая трудность для меня — улучшить оценки по математике и физике. Затем я поступил в старшую школу, и все в старшей школе было предназначено для вступительных экзаменов в колледж. Для студентов нашей провинции очень сложно сдать вступительные экзамены. Так что школа предъявляла к нам строгие требования. Мы гуляли в 5 часов утра и возвращались в общежитие в 10:30 вечера. У нас были только два выходных в месяц и еженедельные экзамены, так что давление было огромно. В то время я мучился от беспокойства, неделю отдыхал дома и старался не так сильно напрягаться в будущей учебе. В итоге я добился очень хороших результатов.

Основной темой являются тяжелые условия для получения знаний и необходимость быть лучшим из-за высокой

конкуренции. Однако жесткость системы вынуждает принять ее правила игры и искать себя в нормативных рамках. Помимо социального давления, отмеченного в нарративе, наиболее частыми темами китайских студентов являются целеустремленность, желание получить новые знания и вера в справедливый мир (рис. 2).

У русских нет выделяющихся тем. Наибольшее процентное соотношение имеют такие темы, как тесная связь с родителями и общение со сверстниками. Пример типичного нарратива русских студентов представлен ниже.

Мужчина, 21 год.

Жизнь была, да и есть поныне самая обыкновенная, можно сказать, среднестатистическая.

В школе пришло осознание того, что в сегодняшнем обществе такой параметр, как личность, уничтожается в погоне за навязанными мечтами и идеями, а также потреблением. Это привело к небольшому отстранению от общественной жизни, впрочем, с некоторыми людьми я до сих пор поддерживаю связь. К концу школы это осознание стало быстрее развиваться, каждый человек в классе был похож на другого и говорил одни и те же

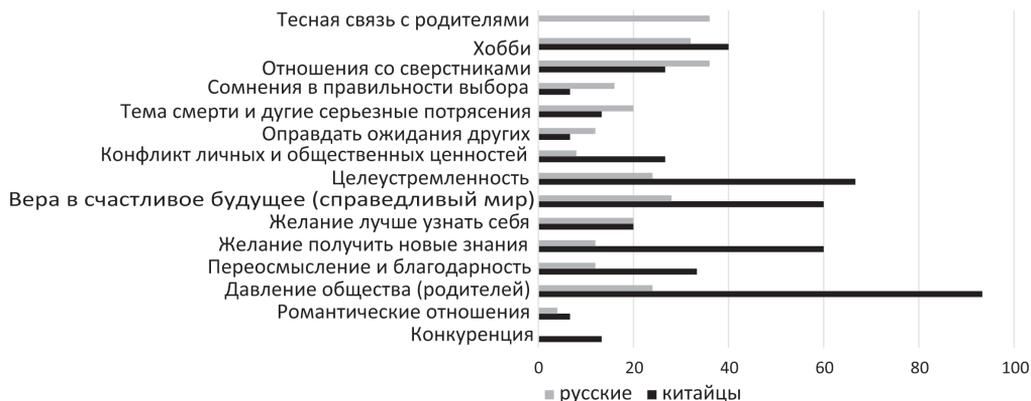

Рис. 2. Процентное соотношение частоты встречаемости различных тем в нарративах русских и китайских студентов

вещи: «Как бы сделать так, чтобы ничего не делать и быть богатым» и так далее. Большинство мечтали стать менеджерами и бизнес-тренерами, не понимаю, что это такое. Когда наступил момент выбирать, куда идти дальше учиться, пошли наобум или где полегче. Можно сказать, благодаря этому я немного заинтересовался политикой и устройством общества в разных политических системах, присмотрелся к социализму. В данный момент я вообще не вижу своего будущего после института, образование, скорее всего, не даст нормальной работы.

Трудностей я избегал всеми силами, если это возможно, а если нет, делал, что говорили. Так учили в школе. Да и тем более настоящие трудности, как я думаю, наступают в более зрелом возрасте.

Вывод: жизнь прошла кое-как и непонятно как, а что будет дальше — неизвестно.

Уже на данном этапе исследования можно заметить различия в ориентации русских и китайских студентов: на социальные связи — у первых, на эффективность и целеполагание — у вторых. Примечательно, что ни у одного китайского студента не была встречена тема теплых и доверительных отношений с родителями. Тем не менее у них довольно часто встречались темы переосмысления опыта и благодарности родителям за требовательность к успехам своего ребенка. Как и предполагалось, китайцы отметили сильное социальное давление, которое вопреки нашим ожиданиям отсутствует у русских.

При частотном анализе мотивов (рис. 3) было обнаружено, что у китайских студентов значительно преобладает мотив трудиться ради светлого будущего, тогда как у русских — жить в свое удовольствие и быть в гармонии с собой. Стремление жить одним днем у русских студентов сочетается с данными соци-

ологического опроса, опубликованного О. Соловьевой в издании «Независимая газета» [7]. Согласно опросу, россияне не планируют на длительный срок из-за восприятия социально-политической ситуации как нестабильной. И эта тенденция возросла с 2018 к 2019 году.

Также ни у одного китайца не фигурировал мотив создания семьи. Этот факт наводит нас на предположение о существовании некоторых противоречий между традиционностью китайского общества и социально-политической ситуацией, диктующей приоритеты западного мира.

Помимо содержательного компонента отличия наблюдаются и в структурном компоненте. Так, на рис. 4 показана частота выпадения фрагментов биографии у студентов обеих стран. Очевидно, что у русских выпадение фрагментов биографии встречается гораздо чаще. Причем, как ни странно, чаще всего выпадает настоящее (студенчество — в 68% случаев). Возможно, на это повлияла незавершенность этого периода. Невозможно подвести итоги незавершенного этапа, а значит — осознать его роль в жизни.

Однако у русских также выпадают и другие фрагменты биографии — детство (48%) и школьный период (64%). Как будто русским студентам трудно найти связь между всеми этапами жизни и создать целостное представление о себе. Обычно в нарративах русских описывались какой-то один случай и его влияние на мировоззрение рассказчика. У китайцев в небольшом количестве случаев (13%) выпадало детство, но это может быть вызвано его отдаленностью от настоящего и минимизацией его влияния на текущую картину.

Частотный анализ указывает на низкую интеграцию нарративной идентичности русских студентов по сравнению

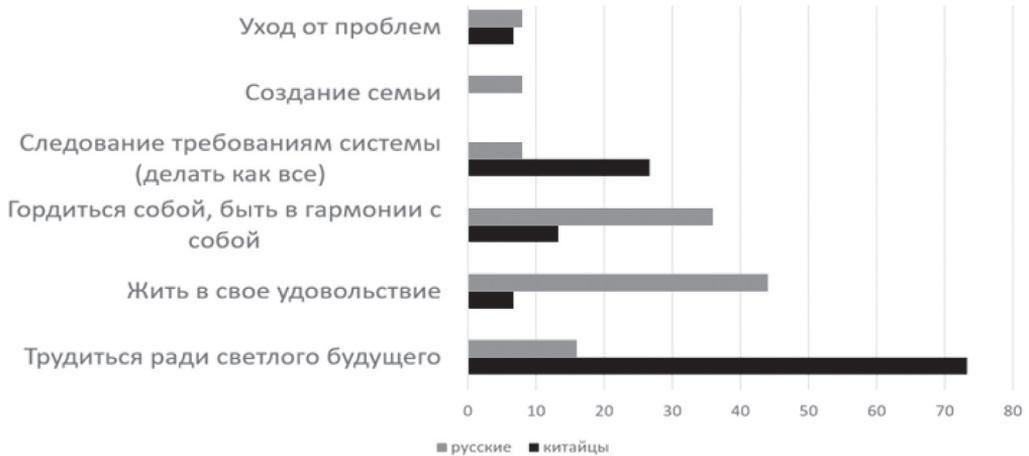

Рис. 3. Процентное соотношение частоты встречаемости основных мотивов у русских и китайских студентов

Рис. 4. Процентное соотношение выпадения участков биографии у русских и китайских студентов

с китайскими. Это соответствует ориентации на социальные связи и желанию жить одним днем (стремление жить в свое удовольствие) — у русских студентов, целеустремленности и нацеленности на будущее — у китайцев.

Анализ различий между двумя выборками

Для доказательства того, что найденные различия статистически достовер-

ны, обе выборки были сравнены с использованием критерия U Манна-Уитни (таблица).

Нарративы китайских и русских студентов действительно различаются по содержанию. Статистически значимые различия обнаружены в проявлении таких тем, как жить в свое удовольствие ($p \leq 0,05$), трудиться ради светлого будущего ($p \leq 0,002$), целеустремленность ($p \leq 0,024$), желание получить новые

Таблица

Различия в распределении тем нарративов у русских и китайских студентов

Темы, встречающиеся в нарративах	M	SD	U, p	r
Школьный период	0,6	0,49	0,001	0,632**
Цели школьного периода	0,35	0,48	0,001	0,623**
Фрустрации школьного периода	0,47	0,5	0,001	0,608**
Способы преодоления школьного периода	1,3	1,5	0,001	0,602**
Выводы школьного периода	0,3	0,6	0,001	0,365*
Студенчество	0,58	0,5	0,001	0,666**
Фрустрации студенчества	0,33	0,47	0,001	0,675**
Преодоления студенчества	0,88	1,36	0,002	0,611**
Философские рассуждения	0,33	0,47	0,016	-0,537**
Последовательность изложения	0,58	0,5	0,014	0,457**
Детализация/общие фразы	1,2	0,46	0,02	-0,457**
Давление общества	0,5	0,5	0,001	0,671**
Желание получить новые знания	0,3	0,46	0,011	0,507**
Целеустремленность	0,4	0,5	0,024	0,422**
Трудности ради светлого будущего	0,38	0,49	0,002	0,573**
Жить в свое удовольствие	0,3	0,46	0,05	-0,394*

Условные обозначения: * уровень значимости $p \leq 0,05$; ** уровень значимости $p \leq 0,01$; M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; U, p – значимость различий между двумя выборками по критерию U Манна-Уитни; r – коэффициент корреляции Спирмена.

знания ($p \leq 0,011$) и давление общества ($p \leq 0,001$). Гипотеза 1 подтвердилась.

Статистически значимые различия наблюдаются также в структурных компонентах. Выборки отличаются по наличию/отсутствию школьного периода ($p \leq 0,001$) и студенчества ($p \leq 0,001$), философских рассуждений ($p \leq 0,016$), детализации ($p \leq 0,02$) и последовательности изложения ($0,014$). Гипотеза 2 подтвердилась.

Иерархический кластерный анализ переменных

Для проверки гипотезы 3 мы построили усредненную структуру нарративной идентичности для каждой из двух социальных групп, где бы близкие по смыслу темы объединялись в ядра. В качестве рабочего метода был выбран иерархический кластерный анализ – метод стати-

стической обработки, направленный на создание иерархии кластеров и позволяющий оценить удаленность кластеров друг от друга [47].

Для китайцев на первом шаге были объединены следующие переменные: связь с родителями, создание семьи, философские рассуждения, уход от проблем, романтические отношения, жить в свое удовольствие, контекст, оправдать ожидание других, смерть, фрустрация детства, сомнения в выборе. Мы объединяем эти переменные как пассивную зависимую позицию, позицию ребенка в отношении с родителями, а также поиски себя в этих отношениях. Далее к этому кластеру присоединяются формирование самооценности, разделение своего и социального. На следующем этапе к этому кластеру присоединяются переосмыс-

ление прошлого и выводы. Этот большой кластер посвящен теме отношений, месту человека в мире и конструированию своего Я.

Этому кластеру противостоит другой. На уровне одного-двух шагов объединены последовательность изложения, социальное давление, фрустрации в школе и в студенчестве, очернение/обеление, пассивная/активная позиция, описание событий, соответствие действий и желаний, школьный период и студенчество, упоминание деталей или общих фраз. Этот кластер мы объединили как осознание столкновения с преградами социальной реальности. Далее к этому кластеру добавляются осмысленность выбора и формирование активной позиции и целеустремленности. Отдельными, плохо структурируемыми переменными остались способы преодоления преград на различных этапах взаимодействия с социальной реальностью. Возможно, инструменты преодоления остались неосознанными, не выработанными. В целом внутреннюю реальность китайских студентов, систематизированную по нашему опроснику, можно представить следующим образом (рис. 5).

Структура нарративной идентичности китайских студентов включает два больших блока: пассивное бытие, позволяющее сформировать представления о себе, своей ценности и целостности

Я, и активное взаимодействие с внешним миром. В ядре пассивного бытия находится детская зависимая позиция, преодоление которой приводит к формированию самооценности и целостности. В ядре активных взаимодействий с внешним миром находятся переживания фрустраций, преодоление которых позволит сформировать активную позицию по отношению к реальности. Способы преодоления, позволяющие укрепить детское слабое Эго и сформировать сильную независимую позицию по отношению к миру, не дифференцированы и хаотичны. Возможно, китайские студенты только пробуют разные способы совладания с реальностью и еще не могут обобщить полученный опыт.

Судя по корреляционному и частотному анализу, наибольший вес в структуре нарративной идентичности китайских студентов имеют такие конструкты, как целеустремленность, труд ради светлого будущего и социальное давление, тогда как самопознание и получение удовольствия от настоящего находятся в угнетенном состоянии.

Кластерный анализ ответов русских студентов на уровне одного шага выделил такие переменные, как оправдание ожиданий других, создание семьи, романтические отношения, следование социальным нормам, описание контекста (родителей), цели в детстве, конкурен-

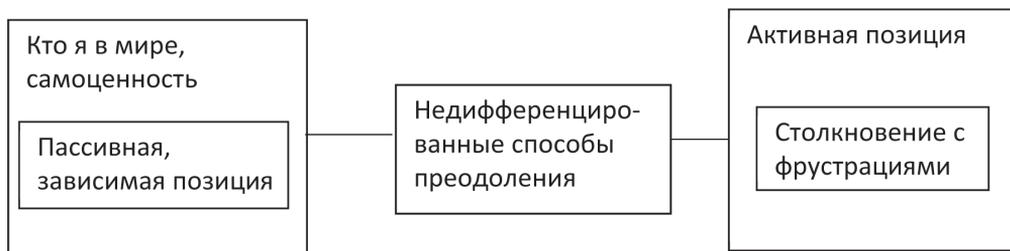

Рис. 5. Нарративная идентичность китайских студентов

ция, личные и социальные цели, уход от проблем. Мы эти переменные объединили как Я и Общество, связанное с детской позицией. Далее добавляются такие кластеры, как смерть и другие потрясения, фрустрации студенчества, трудиться ради светлого будущего, выводы из детства, следование требованиям общества. Все это мы объединили как осваивание реалий и требований системы.

Следующий кластер, связанный с описанным выше, включил в себя переосмысление опыта, желание узнать себя, целеустремленность и желание гордиться собой, веру в светлое будущее и сомнения в выборах. Речь идет о принятии требований общества, появлении внутренней, однако неустойчивой мотивации.

На уровне с этим кластером идут фрустрации из различных периодов жизни. Далее в некотором противостоянии со всеми вышеперечисленными кластерами находятся соответствие действий и желаний, активная/пассивная позиции, очернение/обеление, тестирование реальности и выбор своей позиции. Далее, как и в случае с китайскими студентами, идут недифференцированные, неструк-

турированные способы преодоления. Получаем следующую схему (рис. 6).

Структура нарративной идентичности русских студентов сосредоточена на одном блоке, включающем поэтапную ориентировку во взаимодействии с социальной реальностью и формирование устойчивой социальной идентичности. Тем не менее целеустремленность и сомнения в выборах, объединенные в один кластер, могут указывать на то, что позиционирование себя в обществе российскими студентами неустойчиво. Это может объяснять отсутствие целеустремленности, обнаружившее себя в корреляционном и частотном анализе, а также ориентировку на социальные связи как способ сформировать свою социальную идентичность. Способы преодоления фрустраций российскими студентами, как и китайскими, не дифференцированы. Нам кажется, что причины этому одинаковы: недостаток опыта и осознанной позиции по отношению ко взаимодействию с миром.

Структура нарративной идентичности, построенная благодаря иерархическому кластерному анализу, указывает на

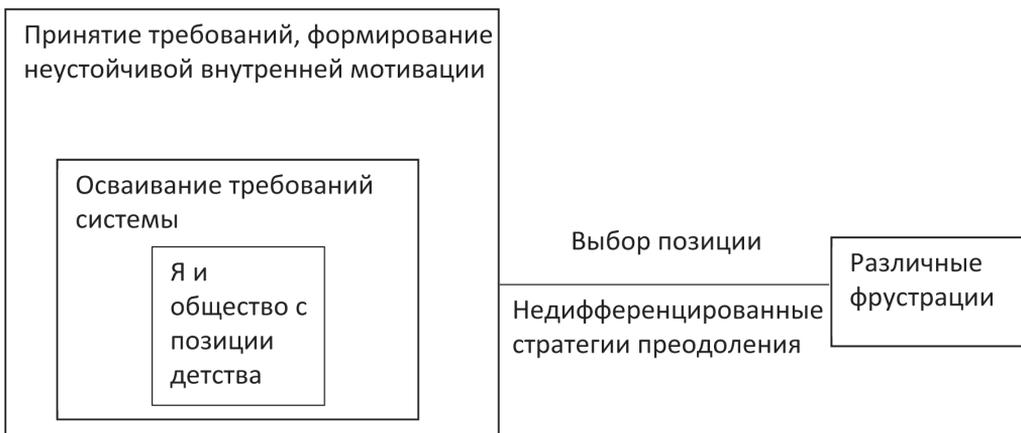

Рис. 6. Нарративная идентичность российских студентов

различия в особенностях выстраивания отношений «Я-социальная реальность» у русских и китайских студентов.

Обсуждение результатов

В данной статье проводился анализ культурных и социально-политических репрезентаций в нарративах русских и китайских студентов, а также их отражение в структуре и содержании нарративов. Как и предполагалось, репрезентация социально-политической ситуации в нарративах оказалась более очевидной, и отражена виде готовых конструктов, сформулированных самими респондентами.

В результате статистического анализа было обнаружено, что у русских студентов нарративы менее согласованные, в них отсутствуют фрагменты биографии. Из этого сделано предположение, что нарративная идентичность русских студентов более диффузная, чем у китайских. Мы полагаем, что это может быть результатом менее структурируемой и определенной ситуации в России. Данные, полученные на сайте The Global Economy, а также результаты опроса издания «Независимая газета» свидетельствуют в пользу нашего предположения. Неопределенность ситуации превращает процесс получения знаний в нечто бессмысленное. Соответственно, смещение ценностей студентов с получения знаний и продуктивной работы на самоанализ, выстраивание социальных связей и жизнь одним днем оправдано невозможностью прогнозирования и целеполагания.

Обращает на себя внимание отсутствие фрагментов биографии у русских студентов. Обычно отсутствие фрагмента биографии наблюдается в случае травмы, когда человек пропускает фраг-

менты биографии, чтобы избежать повторных болезненных переживаний [5; 6; 36; 46]. Также возможны пропуски в случаях, когда события прошлого невозможно встроить в настоящий контекст. Причиной этому может быть как низкий уровень осознанности, так и исполнение ролей, которые в настоящем подвергаются осуждению [5]. В нашем случае мы, по всей видимости, имеем дело с низкой степенью осознанности студентов, невозможностью осмыслить и интегрировать жизненный опыт в единую структуру.

Также для русских студентов была характерна сосредоточенность на одном из фрагментов биографии, когда весь рассказ строился вокруг какого-то одного события, отголоски которого обнаруживались в настоящем. Зачастую застревание на каком-либо событии указывает на травмирующий опыт, который невозможно интегрировать [4; 10]. Ученые, исследующие социальные проблемы Ближнего Востока и Африки, отмечают, что выраженное социальное давление или, напротив, социальная эксклюзия могут приводить к застреванию молодых людей вне возрастных периодов [34]. Это состояние даже приобрело собственный термин — «waithood» или «wait adulthood» (англ. «отложенная взрослость» англ.) [16]. Структура нарративной идентичности русских студентов, приведенная на рис. 6, отражает постоянные попытки сориентироваться в социальном пространстве и сформировать устойчивую идентичность. Из всего вышесказанного можно заключить, что рассогласованность социально-политической системы России приводит к невозможности построить интегрированную социальную идентичность, что выражается в таких проявлениях, как выпадение фрагментов биографии и застревание, — феноменов, характерных для ПТСР [36].

Нарративная идентичность китайских студентов более структурируемая и направлена в будущее. Основным мотивом китайских студентов является учеба ради светлого будущего, и все настоящее, как и прошлое, посвящено достижению целей в будущем. Это целеполагание выступает стержнем, объединяющим все фрагменты идентичности в целостность. Можно предположить, что четко структурированная социально-политическая система способствует осмыслению личного опыта, а именно определяет цели и задачи, с которыми китайские студенты должны соотносить результаты своей деятельности.

В структуре нарративной идентичности китайских студентов максимальный вес уделяется одному из двух ядер — активному взаимодействию с внешним миром и целеполаганию, — тогда как формирование самооценности, целостности и самопознание находятся в угнетенном состоянии. Возможно, причиной этому является сильное социальное давление, вынуждающее идти к определенным целям и не оставляющее внутренних ресурсов на самопознание. Такие состояния могут привести к формированию ложной или кризисной идентичности [27].

Таким образом, наши предположения о том, что особенности социально-политической ситуации отразятся в структуре и содержании нарративов, подтвердились: более структурированная и последовательная социально-политическая ситуация в Китае способствует большей структурности нарратива. Русским студентам, напротив, были свойственны выпадения фрагментов биографии.

Кластерный анализ позволил обобщить личностные конструкты и построить структуру нарративной идентичности российских и китайских студентов. Если китайские студенты переживали

сильное давление системы, что приводило к слабому переживанию своего Я, то российские студенты пытались понять окружающую реальность и способы социальной интеграции. Влияние социально-политической ситуации здесь более очевидно, нежели культурная подоплека. Для культурной составляющей стоит переформулировать либо расширить задание. Так, например, для получения культурных различий в самопрезентациях американских и китайских студентов Ван и Конвей [44] предложили респондентам описать факторы, повлиявшие на становление личности.

Заключение

Данное исследование было поисковым и направленным на выявление социально-политических и культурных репрезентаций в индивидуальных нарративах русских и китайских студентов. Теоретический анализ подвел нас к предположению о том, что проявления культуры, истории и текущей социально-политической ситуации в личностных нарративах имеют свою иерархию: наиболее очевидным является влияние социально-политической ситуации, поскольку она обуславливает конкретное поведение человека. Мы предположили, что последовательность и структура социально-политической ситуации отразятся в структуре и содержании нарративов русских и китайских студентов. Оба предположения подтвердились.

Полученные данные указывают на то, что русским студентам трудно найти связь между всеми этапами жизни и создать целостное представление о себе. В отличие от китайских студентов, чья жизнь во многом определена социально-политической структурой, русские

студенты конструируют свое социальное Я, взаимодействуя с непоследовательной и непредсказуемой реальностью. Это не дает сформироваться устойчивому социальному Я, а контакт с социальной реальностью приводит к стрессу. С другой стороны, сильное давление со стороны социально-политической сферы Китая приводит к угнетению формирования самоосознания и самооценки, что теоретически может привести к ложной или кризисной идентичности. Таким образом, мы видим, как глубоко в структуру личности проникает влияние социально-политической ситуации в стране.

Исследование взаимосвязи личностного и социального как одной из фундаментальных проблем социальной

психологии может быть исследованным с помощью нарративного метода. Однако еще более фундаментальные конструкты личности формируются под воздействием культуры. Обнаружить их в данном исследовании нам не удалось. Возможно, для их обнаружения требуется более сложный семантический анализ. На данный момент таких методов анализа нарративов не существует. Дальнейшее исследование этого вопроса требует детальной теоретической проработки уровней семантического анализа нарративов. Возможно, модель анализа нарратива, предложенная Д. МакАдамсом, нуждается в дополнении, позволяющем анализировать скрытые смыслы текстов.

Литература

1. Гао Л., Пахмутова М.А. Культурные характеристики России и Китая с точки зрения Запада и Востока // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 1(18). С. 45–48.
2. Козлова М. Проблемы и механизмы развития психосоциальной идентичности в юношеском возрасте (на примере молодежных групп обских угров) // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 68–86.
3. Ларина Е. Казахи в России // Родина. 2004. № 2. С. 98–101.
4. Миськова Е.В. Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 4. С. 31–49.
5. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб.: ЕУ, 2003. С. 322–356.
6. Рожественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 27–48.
7. Соловьева О. Граждане России предпочитают жить одним днем [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2019. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/seasonomics/2019-08-21/4_7655_fom.html (дата обращения: 30.09.2020).
8. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. СПб.: Дальнаука, 2006. 215 с.
9. Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1(41). С. 143–152.
10. Харламенкова Н.Е. Эго-идентичность и ее особенности у лиц с разным уровнем посттравматического стресса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 1. С. 107–111.
11. Черненко Е. Роструд: 27% россиян работают по специальности [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319368> (дата обращения: 18.03.2020).
12. Adler J.M. et al. Research methods for studying narrative identity: A primer // Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8. № 5. P. 519–527.

13. *Adler J.M. et al.* The nature of narrative coherence: An empirical approach // *Journal of Research in Personality*. 2018. Vol. 74. P. 30–34.
14. *Chua R.Y.J., Huang K.G., Jin M.* Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China // *Proc Natl AcadSci USA*. 2019. Vol. 116. P. 6720–6725.
15. *Cohler B.J.* Personal narrative and life course // *Life span development and behavior*. 1982. Vol. 4. № 8. P. 205–241.
16. *Dhillon N.T., Jousef T.* *Generation in Waiting. The Unfulfilled Promise of Young People in the Middle East*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2009. 269 p.
17. *Fleiss J.L.* An introduction to applied probability, and assessing significance in a fourfold table // *Statistical methods for rates and proportions*. 1981. 321 p.
18. *Gelfand M.J.* Universal and culture-specific patterns of tightness-looseness across the 31 Chinese provinces // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. Vol. 116. № 14. P. 6522–6524.
19. *Hammack P.L.* Narrative and the cultural psychology of identity // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. № 3. P. 222–247.
20. *Hammack P.L.* Narrative and the politics of meaning // *Narrative Inquiry*. 2011. Vol. 21. № 2. P. 311–318.
21. *Heine S.J., Buchtel E.E.* Personality: The universal and the culturally specific // *Annual review of psychology*. 2009. Vol. 60. P. 369–394.
22. *Kitayama S. et al.* A cultural task analysis of implicit independence: comparing North America, Western Europe, and East Asia // *Journal of personality and social psychology*. 2009. Vol. 97. № 2. P. 236.
23. *Kroger J., Marcia J.E.* The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations // *Handbook of identity theory and research*. New York: Springer, 2011. P. 31–53.
24. *Lamy M.G., Liu J.H., Ward C.* Integrating paradigms, methodological implications: Using history to embody Breakwell's (1993) theoretical links between Social Identity Theory and Social Representations Theory // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20. № 2. P. 15.1–15.7.
25. *Lind M. et al.* Inpatient adolescents with borderline personality disorder features: Identity diffusion and narrative incoherence // *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. 2019. Vol. 10. № 4. P. 389.
26. *Lin L., Dahl D.W., Argo J.J.* Refining the tightness and looseness framework with a consumer lens // *Journal of Consumer Psychology*. 2017. Vol. 27. № 3. P. 392–397.
27. *Marcia J.E.* The ego identity status approach to ego identity // *Ego identity*. New York: Springer, 1993. P. 3–21.
28. *McAdams D.P.* The “imago”: A key narrative component of identity // *Review of personality and social psychology*. Sage, 1985. P. 114–141.
29. *McAdams D.P.* “First we invented stories, then they changed us”: The Evolution of Narrative Identity // *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*. 2019. Vol. 3. № 1. P. 1–18.
30. *McAdams D.P., Pals J.L.* A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality // *American psychologist*. 2006. Vol. 61. № 3. P. 204.
31. *McAdams D.P., McLean K.C.* Narrative identity // *Current directions in psychological science*. 2013. Vol. 22. № 3. P. 233–238.
32. *McAdams D.P., Guo J.* Narrating the generative life // *Psychological Science*. 2015. Vol. 26. № 4. P. 475–483.
33. *MacDonald S., Uesiliana K., Hayne H.* Cross-cultural and gender differences in childhood amnesia // *Memory*. 2000. Vol. 8. № 6. P. 365–376.
34. *McEvoy-Levy S.* Stuck in circulation: children, ‘waithood’ and the conflict narratives of Israelis and Palestinians // *Children's Geographies*. 2014. Vol. 12. № 3. P. 312–326.
35. *McLean K.C.* Late adolescent identity development: narrative meaning making and memory telling // *Developmental psychology*. 2005. Vol. 41. № 4. P. 683.

36. Mitroiu S. Narrative identity and trauma: Sebald's memory landscape // *The European Legacy*. 2014. Vol. 19. № 7. P. 883–900.
37. Reese E. Culture, Narrative, and Imagination 14 // *The Oxford handbook of the development of imagination*. 2013. 196 p.
38. Reese E., Hayne H., MacDonald S. Looking back to the future: Māori and Pakeha mother–child birth stories // *Child development*. 2008. Vol. 79. № 1. P. 114–125.
39. Reese E., Neha T. Let's kōrero (talk): The practice and functions of reminiscing among mothers and children in Māori families // *Memory*. 2015. Vol. 23. № 1. P. 99–110.
40. Rewi P. Culture: Compromise or perish // *Indigenous identity and resistance: Researching the diversity of knowledge*. 2010. P. 55–74.
41. Ricoeur P. Narrative identity // *Philosophy today*. 1991. Vol. 35. № 1. P. 73–81.
42. Syed M., Nelson S.C. Guidelines for establishing reliability when coding narrative data // *Emerging Adulthood*. 2015. Vol. 3. № 6. P. 375–387.
43. Singer J.A., Salovey P. Remembered self: emotion and memory in personality. Simon and Schuster, 2010. 257 p.
44. Wang Q., Conway M.A. The stories we keep: Autobiographical memory in American and Chinese middle-aged adults // *Journal of personality*. 2004. Vol. 72. № 5. P. 911–938.
45. Wang Z. Never forget national humiliation: Historical memory in Chinese politics and foreign relations. Columbia University Press, 2014. 279 p.
46. Williams K.D. Ostracism: The kiss of social death // *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 236–247.
47. Zhao Y., Karypis G., Fayyad U. Hierarchical clustering algorithms for document datasets // *Data mining and knowledge discovery*. 2005. Vol. 10. № 2. P. 141–168.

References

1. Gao L., Pahmutova M.A. Kul'turnyye kharakteristiki Rossii i Kitaya s tochki zreniya Zapada i Vostoka [Cultural characteristics of Russia and China from the point of view of the West and the East]. *ANI: pedagogika i psikhologiya = ANI: pedagogy and psychology*, 2017, no. 1(18), pp. 45–48.
2. Kozlova M. Problemy i mekhanizmy razvitiya psikhosotsial'noy identichnosti v yunosheskom vozraste (na primere molodezhnykh grupp obskikh ugrov) [The problems and mechanisms of a development of psychosocial identity in adolescence (on the example of youth groups of the Ob Ugrians)]. Published by N.M. Lebedeva. *Identichnost' i tolerantnost'* [Identity and tolerance]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology RAS], 2002, pp. 68–86.
3. Larina E. Kazakhi v Rossii [Kazakhs in Russia]. *Rodina = Homeland*, 2004, no. 2, pp. 98–101.
4. Miskova E.V. Travma stalinskikh repressiy v kontekste kollektivnykh travm genotsidov [Trauma of Stalinist repressions in the context of collective traumas of genocides]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'I = Family psychology and psychotherapy*, 2019. Vol. 4, pp. 31–49.
5. Rosenthal G. Rekonstruktsiya rasskazov o zhizni: printsipy otbora, kotorymi rukovodstvuyutsya rasskazchiki v biograficheskikh narrativnykh interv'yu [Reconstruction of stories about life: the principles of selection, which are guided by storytellers in biographical narrative interviews]. *Khrestomatiya po ustnoy istorii* [Reader on oral history], 2003, pp. 322–356.
6. Rozhdestvenskaya E., Semenova V. Sotsial'naya pamyat' kak ob"yekt sotsiologicheskogo izucheniya [Social memory as an object of sociological study]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*, 2011, no. 6, pp. 27–48.
7. Solovyova O. Grazhdane Rossii predpochitayut zhit' odnim dnem [Elektronnyi resurs] [Citizens of Russia prefer to live one day]. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*, 2019. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/economics/2019-08-21/4_7655_fom.html. (Accessed 30.09.2020).

8. Tatsenko K.V. Tendentsii ekonomicheskogo vzaimodeystviya Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya [Trends in economic interaction between the Russian Far East and the Northeast of China]. *Dal'nauka*, 2006. 215 p.
9. Terekhova T.A., Malakhaeva S.K. Narrativnyy analiz kak ponimayushchiy metod [Narrative analysis as an understanding method]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology*, 2015, no. 1(41), pp. 145–152.
10. Kharlamenkova N.Ye. Ego-identichnost' i yeye osobennosti u lits s raznym urovnem posttravmaticheskogo stressa [Ego-identity and its features in persons with different levels of post-traumatic stress]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kostroma State University*, 2019. Vol. 25, Issue 1, pp. 107–111.
11. Chernenko E. Rostrud: 27% rossiyan rabotayut po spetsial'nosti [Elektronnyi resurs] [Rostrud: 27% of Russians work in their specialty]. *Kommersant*, 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319368> (Accessed 18.03.2020).
12. Adler J.M. et al. Research methods for studying narrative identity: A primer. *Social Psychological and Personality Science*, 2017. Vol. 8, no. 5, pp. 519–527.
13. Adler J.M. et al. The nature of narrative coherence: An empirical approach. *Journal of Research in Personality*, 2018. Vol. 74, pp. 30–34.
14. Chua R.Y.J., Huang K.G., Jin M. Mapping cultural tightness and its links to innovation, urbanization, and happiness across 31 provinces in China. *Proc Natl AcadSci USA*, 2019. Vol. 116, pp. 6720–6725.
15. Cohler B.J. Personal narrative and life course. *Life span development and behavior*, 1982. Vol. 4, pp. 205–241.
16. Dhillon N.T., Jousef T. Generation in Waiting. The Unfulfilled Promise of Young People in the Middle East. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2009. 269 p.
17. Fleiss J.L. An introduction to applied probability, and assessing significance in a fourfold table. *Statistical methods for rates and proportions*, 1981. 321 p.
18. Gelfand M.J. Universal and culture-specific patterns of tightness-looseness across the 31 Chinese provinces. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019. Vol. 116, no. 14, pp. 6522–6524.
19. Hammack P.L. Narrative and the cultural psychology of identity. *Personality and Social Psychology Review*, 2008. Vol. 12, no. 3, pp. 222–247.
20. Hammack P.L. Narrative and the politics of meaning. *Narrative Inquiry*, 2011. Vol. 21, no. 2, pp. 311–318.
21. Heine S.J., Buchtel E.E. Personality: The universal and the culturally specific. *Annual review of psychology*, 2009. Vol. 60, pp. 369–394.
22. Kitayama S. et al. A cultural task analysis of implicit independence: comparing North America, Western Europe, and East Asia. *Journal of personality and social psychology*, 2009. Vol. 97, no. 2, p. 236.
23. Kroger J., Marcia J.E. The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations. *Handbook of identity theory and research.*, New York: Springer, 2011, pp. 31–53.
24. Lamy M.G., Liu J.H., Ward C. Integrating paradigms, methodological implications: Using history to embody Breakwell's (1993) theoretical links between Social Identity Theory and Social Representations Theory. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, no. 2, pp. 15.1–15.7.
25. Lind M. et al. Inpatient adolescents with borderline personality disorder features: Identity diffusion and narrative incoherence. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 2019. Vol. 10, no. 4. 389 p.
26. Lin L., Dahl D.W., Argo J.J. Refining the tightness and looseness framework with a consumer lens. *Journal of Consumer Psychology*, 2017. Vol. 27, no. 3, pp. 392–397.
27. Marcia J.E. The ego identity status approach to ego identity. *Ego identity*. NY: Springer, 1993, pp. 3–21.

28. McAdams D.P. The “imago”: A key narrative component of identity. *Review of personality and social psychology*. Sage, 1985, pp. 114–141.
29. McAdams D.P. “First we invented stories, then they changed us”: The Evolution of Narrative Identity. *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*, 2019. Vol. 3, no. 1, pp. 1–18.
30. McAdams D.P., Pals J.L. A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality. *American psychologist*, 2006. Vol. 61, no. 3, pp. 204.
31. McAdams D.P., McLean K.C. Narrative identity. *Current directions in psychological science*, 2013. Vol. 22, no. 3, pp. 233–238.
32. McAdams D.P., Guo J. Narrating the generative life. *Psychological Science*, 2015. Vol. 26, no. 4, pp. 475–483.
33. MacDonald S., Uesiliana K., Hayne H. Cross-cultural and gender differences in childhood amnesia. *Memory*, 2000. Vol. 8, no. 6, pp. 365–376.
34. McEvoy-Levy S. Stuck in circulation: children, ‘waithood’ and the conflict narratives of Israelis and Palestinians. *Children’s Geographies*, 2014. Vol. 12, no. 3, pp. 312–326.
35. McLean K.C. Late adolescent identity development: narrative meaning making and memory telling. *Developmental psychology*, 2005. Vol. 41, no. 4, 683 p.
36. Mitroiu S. Narrative identity and trauma: Sebald’s memory landscape. *The European Legacy*, 2014. Vol. 19, no. 7, pp. 883–900.
37. Reese E. Culture, Narrative, and Imagination 14. *The Oxford handbook of the development of imagination*, 2013. 196 p.
38. Reese E., Hayne H., MacDonald S. Looking back to the future: Māori and Pakeha mother–child birth stories. *Child development*, 2008. Vol. 79, no. 1, pp. 114–125.
39. Reese E., Neha T. Let’s kōrero (talk): The practice and functions of reminiscing among mothers and children in Māori families. *Memory*, 2015. Vol. 23, no. 1, pp. 99–110.
40. Rewi P. Culture: Compromise or perish. *Indigenous identity and resistance: Researching the diversity of knowledge*, 2010, pp. 55–74.
41. Ricoeur P. Narrative identity. *Philosophy today*, 1991. Vol. 35, no. 1, pp. 73–81.
42. Syed M., Nelson S.C. Guidelines for establishing reliability when coding narrative data. *Emerging Adulthood*, 2015. Vol. 3, no. 6, pp. 375–387.
43. Singer J.A., Salovey P. Remembered self: emotion and memory in personality. *Simon and Schuster*, 2010. 257 p.
44. Wang Q., Conway M.A. The stories we keep: Autobiographical memory in American and Chinese middle-aged adults. *Journal of personality*, 2004. Vol. 72, no. 5, pp. 911–938.
45. Wang Z. Never forget national humiliation: Historical memory in Chinese politics and foreign relations. *Columbia University Press*, 2014. 279 p.
46. Williams K.D. Ostracism: The kiss of social death. *Social and Personality Psychology Compass*, 2007. Vol. 1, no. 1, pp. 236–247.
47. Zhao Y., Karypis G., Fayyad U. Hierarchical clustering algorithms for document datasets. *Data mining and knowledge discovery*. 2005. Vol. 10. no. 2, pp. 141–168.

Информация об авторах

Суворова Ирина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО МПСУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Глебов Виктор Васильевич, кандидат психологических наук, кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева» (ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева»)

зева») г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru

Ван Хуаян, студент экологического факультета, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523> e-mail: w397857500@gmail.com

Information about the authors

Irina Yu. Suvorova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Psychological and Social University (OANO VO MPSU), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Viktor V. Glebov, PhD in Psychology, PhD in Biology, Associate Professor of the Department of Ecology, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev (RSAU-Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3390-161X>, e-mail: vg44@mail.ru

Huayang Wang, student of the Faculty of Ecology, Peoples' Friendship University of Russia (FGAOU VO RUDN), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-3523>, e-mail: w397857500@gmail.com

Получена 12.04.2021

Received 12.04.2021

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

Кросс-культурные различия в любовных аттитюдах белорусов и китайцев

Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Цель. Изучение кросс-культурных различий в любовных аттитюдах белорусов и китайцев.

Контекст и актуальность. Большое количество кросс-культурных исследований фокусируется на сравнении психологических характеристик представителей двух полярных культур — индивидуалистической и коллективистической. Вместе с тем практически не уделяется внимания изучению и объяснению различий внутри каждой из этих культур. Хотя совершенно очевидно, что страны, относящиеся к одной и той же культуре, в силу своих культурно-специфических особенностей, традиций, государственного устройства, религий могут существенно различаться. В связи с этим проведенное исследование было направлено на выявление различий в такой культурной универсалии, как любовь, а именно — в любовных аттитюдах белорусов и китайцев, являющихся представителями коллективистической культуры.

Дизайн исследования. Исследование проводилось методом опроса. Для обработки и анализа данных использовались описательные статистики, *t*-критерий Стьюдента.

Участники. В качестве респондентов выступили 1344 человека, представители белорусской (мужчины, *N*=544; женщины, *N*=560) и китайской (мужчины, *N*=120; женщины, *N*=120) выборок в возрасте 17-30 лет.

Методы (инструменты). Методика «Шкала любовных аттитюдов» (К. Хендрик, С. Хендрик).

Результаты. Китайские мужчины отличаются от белорусских мужчин более высокими показателями аттитюдов Агапе, Прагма, Сторге и Людус. Белорусские женщины отличаются от китайских более высокими показателями аттитюдов Эрос. В свою очередь, китайские женщины в сравнении с белорусскими имеют более высокие показатели Прагма, Сторге и Людус. Аттитюды Эрос и Агапе занимают верхнюю позицию в иерархии любовных аттитюдов белорусских мужчин и женщин, а аттитюды Агапе и Прагма — у китайских. Людус независимо от пола и национальности обладает наименьшей силой.

Основные выводы. Результаты исследования вносят вклад в понимание различий в любовных стилях в зависимости от принадлежности к западной и восточной коллективистическим субкультурам.

Ключевые слова: любовные аттитюды, Эрос, Людус, Сторге, Прагма, Манья, Агапе, мужчины, женщины, белорусы, китайцы.

Для цитаты: Фурманов И.А. Кросс-культурные различия в любовных аттитюдах белорусов и китайцев // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 114–126. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120407>

Cross-Cultural Differences in Love Attitudes of Belarusians and Chinese

Igor A. Fourmanov

Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Objectives. *Study of cross-cultural differences in love attitudes of Belarusians and Chinese.*

Background. *A large number of cross-cultural studies focus on comparing the psychological characteristics of representatives of two polar cultures — individualistic and collectivist. At the same time, little attention is paid to the study and explanation of the differences within each of these cultures. Although it is quite obvious that countries belonging to the same culture may differ significantly due to their cultural-specific features, traditions, state structure, and religions. In this regard, the study was aimed at identifying differences in such a cultural universal as love, namely, in the love attitudes of Belarusians and Chinese, who are representatives of collectivist culture.*

Study design. *The study was conducted using a survey method. For data processing and analysis, descriptive statistics and Student t-test were used.*

Participants. *The respondents were 1344 people, representatives of the Belarusian (men, N=544; women, N=560) and Chinese (men, N=120; women, N=120) samples, aged 17-30 years.*

Measurements. *Love Attitudes Scale by C. Hendrik, S. Hendrik.*

Results. *Chinese men differ from Belarusian men with higher scores of attitudes Agape, Pragma, Mania, Storge and Ludus. Belarusian women differ from Chinese women with higher Eros attitudes. In turn, Chinese women in comparison with Belarus, have higher rates of Pragma, Storge, and Ludus. Attitudes Eros and Agape occupy the top position in the hierarchy of love attitudes of Belarusian men and women, and attitudes Agape and Pragma — in Chinese. Ludus, regardless of gender and nationality, has the least power.*

Conclusions. *The results of the study contribute to the understanding of differences in love styles depending on belonging to Western and Eastern collectivist subcultures.*

Keywords: *love attitudes, Eros, Ludus, Storge, Pragma, Mania, Agape, men, women, Belarusians, Chinese.*

For citation: Fourmanov I.A. Cross-Cultural Differences in Love Attitudes of Belarusians and Chinese. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 114–126. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120407> (In Russ.).

Введение

Любовь — многомерная конструкция. В соответствии с этой идеей Дж.А. Ли [15; 16] разработал таксономию, используя основные принципы цветной теории в качестве аналогии, чтобы различать шесть стилей любви, которые часто называют «цвета любви»: романтическая любовь (Эрос), дружеская любовь (Сторге), собственническая любовь (Мания), альтруистическая любовь (Агапе), игровая

любовь (Людус) и прагматическая любовь (Прагма).

Романтическая любовь характеризуется наличием физического идеала, непосредственным влечением к любимому человеку, стремлением к эмоциональной и сексуальной близости. Присутствие партнера вызывает физиологическое возбуждение, а также сексуальное желание. Влюбленные стремятся к тесным и интимным отношениям. Переживание любви очень эмоционально и интенсивно, но не на-

вязчиво или чрезмерно ревниво. Иными словами, человек с эротическим стилем любви отличается тем, что он уверен в любви, способен связать себя любовными отношениями и поддерживать тесные контакты в этих отношениях.

Дружеская любовь возникает, когда любовь строится на привязанности и товариществе. Любовные отношения развиваются медленно, со временем, как продолжение дружеских отношений. Партнеры разделяют интересы друг друга, приобретают доверие и признание в течение более длительных периодов времени. При стиле любви *Сторге* большое значение придается общению и стабильности. Для таких влюбленных физическое влечение относительно неважно — общие интересы важнее. Им нравится чувствовать себя комфортно в сложившихся отношениях, которые не очень эмоционально заряжены.

Собственническая любовь представляет собой стиль любви, который является навязчивым и эмоционально интенсивным. Кроме того, он характеризуется стремлением к близости быстро и интенсивно. Однако человек со стилем любви *Мания* склонен испытывать неуверенность в отношениях, часто опасаясь, что его чувства не будут взаимными, и нуждается в большом количестве заверений в любви. Влюбленные-собственники должны быть абсолютно уверенными в том, что их партнер любит их, в то же время они боятся потерять его. Поэтому ревность практически стабильное переживание, которое характерно для любовных отношений такого рода.

Альтруистическая любовь представляет собой обязательство поддерживать партнера, не ожидая взаимности. Это вера в то, что все люди заслуживают любви, в сочетании с отсутствием ожидания ответной любви (хотя взаимность была

бы оценена высоко, но она не ожидается). Такая любовь бескорыстна, нежна, заботлива и щедра. Влюбленные со стилем *Агапе* не очень эмоциональны, у них нет физических предпочтений и они, как правило, очень терпимы и благосклонны.

Игровая любовь тесно связана с неверностью и изменой в отношениях, соответственно. Влюбленные, предпочитающие этот стиль любви, подчеркивают сексуальную свободу и ищут сексуальных приключений. Конкретнее стиль любви *Людус* характеризуется тем, что наслаждение получается от разнообразия партнеров и встреч с более чем одним человеком одновременно. Такие любовники верят, что можно любить двух или более людей одновременно и не иметь идеального физически привлекательного партнера. Они не очень эмоциональны и их отношения не становятся «серьезными». Они стараются не проводить слишком много времени с одним человеком или обсуждать отношения, чтобы избежать обязательств. Они предпочитают говорить партнерам, что встречаются с другими людьми, но могут этого и не делать, если знают, что партнеры будут ревновать.

Наконец, прагматическая любовь характеризуется стремлением к совместности с точки зрения социальных и личностных характеристик, то есть представляет собой желание найти кого-то в качестве партнера, который соответствует происхождению или профессии, разделяет интересы и, вероятно, будет хорошим спутником жизни и родителем. Физическая привлекательность не имеет значения. Прагматичные любовники не очень эмоциональны. Они хотят, чтобы отношения были успешными, поэтому они, установив определенные критерии для партнера, хотят хорошо узнать его, прежде чем брать на себя какие-либо партнерские обязательства.

По мнению Дж.А. Ли, эти категории стилей любви скорее следует рассматривать как характеристику отношений или эмоциональных переживаний, относящихся к конкретному партнеру и романтическим отношениям, а не как характеристику личностной черты.

К. Хендрик и С. Хендрик [11], практически реализуя идеи Дж.А. Ли [15], разработали Шкалу любовных установок (LAS), чтобы эмпирически измерить указанные выше стили любви. В последнее время были предприняты достаточно интенсивные попытки выявления коррелят различных любовных стилей. Как показал анализ литературы, это исследование: а) демографических переменных (гендера, возраста, географических регионов и пр.); б) личностных переменных; в) аттитудных переменных; г) различных измерений чувства любви и д) поведенческих переменных и пр. [1; 3; 19].

Вместе с тем полное понимание любви в романтических отношениях должно учитывать вклад культуры [16]. Культура как некий общий образ жизни группы людей обеспечивает культурные стандарты для членов культурных групп и влияет на их восприятие, мышление, суждения и действия. Культурные стандарты включают в себя установки, ценности и социальные нормы. Они усваиваются в детстве и подростковом возрасте и обеспечивают ориентацию индивидов на соответствующие действия в течение всей последующей жизни. К. Омер-Райан, Е. Хэтфилд и Р. Фрей [2] утверждали, что культурные различия оказывают решающее влияние на то, как люди определяют и переживают любовь, но также и на то, в кого они склонны влюбляться. Поэтому связанные с культурой исследования имеют решающее значение в изучении стилизованных особенностей любви.

Существует мнение, что романтическая любовь, особенно страстная, это универсальное явление, которому находят свидетельства во многих мировых культурах [1; 14]. В частности, В.Р. Янковяк и Е.Ф. Фишер [12], изучив романтическую любовь в 166 культурах по всему миру, пришли к выводу о том, что романтическая любовь почти универсальна. При этом они отметили, что романтическая любовь может управляться некоторыми культурными переменными. Вполне возможно, что люди испытывают романтические любовные переживания более или менее часто в зависимости от социальной организации и идеологии своей культуры.

В большинстве исследований в качестве такой базовой переменной рассматриваются измерения индивидуализма и коллективизма. Считается, что индивидуализм развивается в культурах, где люди ценят независимость, стремление к личным целям и уникальность, тогда как коллективистские ценности развиваются в культурах с сильно расширенными семейными отношениями, которые подчеркивают социальные связи с другими, взаимозависимость и внутригрупповые цели [23]. Среди кросс-культурных психологов существует мнение, что экстенсивное переживание романтической любви является более распространенным в современных странах с индивидуалистической культурой и менее — в традиционных коллективистских культурах с сильными и широкими связями с семьей.

Индивидуалистические культуры, такие как в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Австралии, Канаде и странах Северной и Западной Европы, сосредотачиваются больше на личном интересе и интересах ближайших родственников, личностной авто-

номии и принятии самостоятельных решений, проявлении индивидуальной инициативы и независимости. Индивидуализм характеризуется желанием быть самодостаточным [14]. Однако индивидуализм «в чистом виде» просто невозможен в существующей системе социальных отношений: люди склонны испытывать хоть какую-то зависимость. Иными словами, одновременно как индивид зависит от других людей, так и другие люди зависят от него. Именно поэтому в индивидуалистических культурах мотивация индивида быть независимым может находиться в противоречии с потребностью в романтическом партнере.

Таким образом, можно предположить, что индивидуализм негативно влияет на любовь к партнеру и может препятствовать любовным отношениям. В частности, было выявлено, что люди, которые отличаются большими индивидуалистическими тенденциями, имеют меньшие предпосылки, чтобы когда-либо стать любящими [6]. Такие люди также чаще выбирают игровой любовный стиль, который предполагает менее интимные установки в отношении любви. Сильный индивидуализм был связан с восприятием любовных отношений как менее полезных и менее глубоких. В целом, чем более индивид индивидуалистичен, тем ниже качество переживаний любви к партнеру. К.К. Дион и К.Л. Дион [7] установили, что люди, которые отличаются выраженным индивидуализмом, считают себя менее счастливыми в браке, а также отмечают более низкую удовлетворенность их семейной жизнью и отношениями с друзьями.

Коллективистские культуры, доминирующие в таких странах, как Китай, многие африканские и латиноамериканские страны, Греция, южная Италия

и Испания, напротив, побуждают людей подчинять личностную мотивацию интересам группы, быть лояльными к группе, которая, в свою очередь, заботится об их выгоде. Они поощряют взаимозависимость и предполагают, что решения, принимаемые группой, являются более важными, чем персональные [14].

В коллективистских культурах люди испытывают зависимость от разнообразных отношений с их членами семьи и близкими друзьями. Поэтому, когда они принимают решения по поводу их романтических отношений, они принимают во внимание как собственные интересы и выгоды, так и то, как их действия затронут их отношения с другими. Коллективизм связан с прагматическим, основанным на дружбе представлением о любви и наличием альтруистических целей [7].

Согласно данным Всемирного исследования ценностей (Values Survey Module, VSM), Беларусь по ценностным ориентациям своего населения близка к другим коллективистическим странам, особенно России, Украине и Китаю. В частности, для белорусской культуры характерны выраженные коллективизм и прагматизм [4].

Обзор литературы показывает, что большинство кросс-культурных исследований сосредоточено на сравнении сугубо полярных культур: индивидуалистических против коллективистических [1]. Вместе с тем, с нашей точки зрения, такое достаточно «грубое» противопоставление не совсем правомерно. В частности, целый ряд восточноевропейских стран (например, Россия, Литва, Польша, Украина и Беларусь) и азиатских стран (например, Китай, Гонконг, Япония и Индия) по многим признакам и во многих исследованиях относятся к коллективистическим культурам. Одна-

ко совершенно очевидно, что эти страны кроме значительной территориальной удаленности имеют свои культурно-специфические и традиционные особенности, а также различаются социальными системами, религиями, моральными устоями и пр. В связи с этим, не оспаривая принадлежность этих стран к коллективистической культуре, следовало бы все же разделить их на западные и восточные коллективистические субкультуры. Так, по данным Всемирного исследования ценностей, например, белорусы, россияне и украинцы имеют более высокие показатели индивидуализма, чем китайцы, но меньшие, чем литовцы и поляки. Вместе с тем по показателям прагматизма белорусы и россияне являются менее практичными, чем китайцы и украинцы [4].

Анализ результатов кросс-культурных сравнительных исследований любовных стилей в индивидуалистических и коллективистических культурах позволил сделать заключение, что: а) проведенные ранее исследования являются малочисленными; б) их результаты получены на совмещенных по гендеру выборках, что, с нашей точки зрения, не совсем информативно.

В целом ряде исследований было установлено, что американские и европейские студенты в сравнении с азиатскими, в основном китайскими, студентами имели более высокие показатели Эроса и более низкие показатели Прагмы, Сторге, Мании и Агапе [8; 10; 11; 21]. Ни в одном из проведенных исследований гендерные различия не определялись.

Исходя из этого, нами было сделано предположение, что иерархии любовных аттитюдов белорусов и китайцев будут иметь некоторые «базисные» сходства в доминирующих любовных установках. Однако культурно-специфические фак-

торы и этнокультурные традиции могут также приводить к различиям в переживаниях любви как белорусами и китайцами, так и женщинами, и мужчинами, принадлежащими к различным коллективистическим субкультурам. В частности, предполагалось, что:

Гипотеза 1. В иерархии белорусских респондентов в отличие от китайских независимо от гендера будут превалировать любовные аттитюды Эроса.

Гипотеза 2. Белорусы по сравнению с китайцами будут иметь более высокие показатели Эроса.

Гипотеза 3. Китайцы будут отличаться от белорусов более высокими показателями Прагмы, Сторге, Мании и Агапе.

Гипотеза 4. Любовные аттитюды Людуса у белорусов и китайцев различаться не будут.

Дизайн исследования

Методика. Анализировались данные, полученные с помощью русского и китайского вариантов методики «Шкала любовных аттитюдов» (Love Attitudes Scale) К. Хендрик и С. Хендрик [11]. Методика состоит из 42 утверждений, сгруппированных в 6 шкал (Эрос, Людус, Сторге, Прагма, Мания и Агапе) и оценивающих 6 основных стилей любви на основе многомерной теории любви Дж.А. Ли [15]. Для дифференциации ответов использовалась пятибалльная шкала Ликерта.

Выборка. В исследовании приняли участие 1344 человека, относящихся к белорусской (мужчины, N=544; женщины, N=560) и китайской выборке (мужчины, N=120; женщины, N=120) в возрасте 17-30 лет ($M=21,04 \pm 2,89$).

Статистика. Проводились расчет средних значений и стандартных от-

клонений, размер эффекта для сравнения средних значений Коэна (d) (условное обозначение), сравнительный анализ двух независимых выборок по критерию равенства дисперсий Ливиня (F) (условное обозначение) и Т-критерию Стьюдента (t) (условное обозначение).

Результаты

Различия в мужских аттитюдах.

Сравнение полученных данных позволило выявить (рис. 1), что белорусские мужчины имели статистически значимо более низкие показатели, чем китайские мужчины, по аттитюдам Прагма (M=2,78, SD=0,70 против M=3,61,

SD=0,60; F=4,50, p=0,052; t=-12,066, p<0,0001; d=1,27), Сторге (M=3,05, SD=0,72 против M=3,40, SD=0,65; F=0,86, p=0,353; t=-4,841, p<0,0001; d=0,51) и Людус (M=2,71, SD=0,70 против M=3,07, SD=0,63; F=0,57, p=0,449; t=-5,171, p<0,0001; d=0,54).

Вместе с тем были определены значимые, но имеющие величину эффекта ниже среднего, различия в показателях Агапе (M=3,41, SD=0,89 против M=3,72, SD=0,66; F=23,62, p<0,0001; t=-3,590, p<0,0001; d=0,39) и Мании (M=3,22, SD=0,81 против M=3,44, SD=0,64; F=10,82, p=0,0001; t=-2,749, p<0,0001; d=0,30). По показателю Эрос статистически значимых различий между белорусскими и китайскими респондентами не обнаружено.

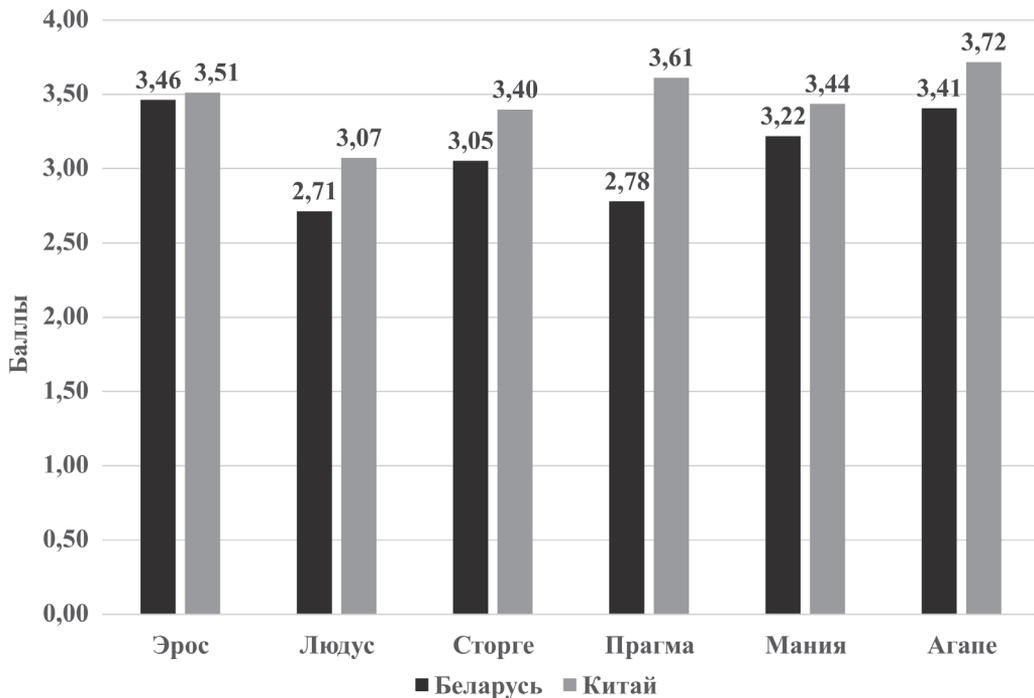

Рис. 1. Любовные аттитюды мужчин

Иерархия мужских аттитюдов.

Анализ результатов исследования также показал (рис. 1), что в иерархии любовных аттитюдов белорусских мужчин доминирующее положение занимают аттитюды Эрос, Агапе и Мания. Субординационное положение занимают аттитюды Сторге, Прагма и Людус. В иерархии любовных аттитюдов китайских мужчин доминирующее положение занимают аттитюды Агапе, Прагма и Эрос, а субординационное — Мания, Сторге и Людус.

Различия в женских аттитюдах.

В результате сопоставления полученных данных было установлено (рис. 2), что у белорусских женщин в сравнении с китайскими женщинами выше показатели аттитюдов Эрос ($M=3,50, SD=0,63$ против $M=3,16, SD=0,75; F=9,51, p=0,002; t=5,144, p<0,0001; d=0,50$). Вместе с тем китайские

женщины значительно отличаются от белорусских женщин более высокими показателями Прагма ($M=3,46, SD=0,66$ против $M=2,85, SD=0,67; F=0,05, p=0,823; t=-9,043, p<0,0001; d=0,91$), Сторге ($M=3,32, SD=0,65$ против $M=3,05, SD=0,70; F=1,30, p=0,253; t=-3,932, p<0,0001; d=0,39$) и Людус ($M=2,85, SD=0,80$ против $M=2,67, SD=0,65; F=13,20, p<0,0001; t=-2,778, p=0,006; d=0,24$). По другим показателям статистически значимых различий не обнаружено.

Иерархия женских аттитюдов.

Как показал анализ данных исследования (рис. 2), в иерархии любовных аттитюдов белорусских женщин доминирующее положение занимают аттитюды Эрос, Агапе и Мания. Субординационное положение занимают аттитюды Сторге, Прагма и Людус.

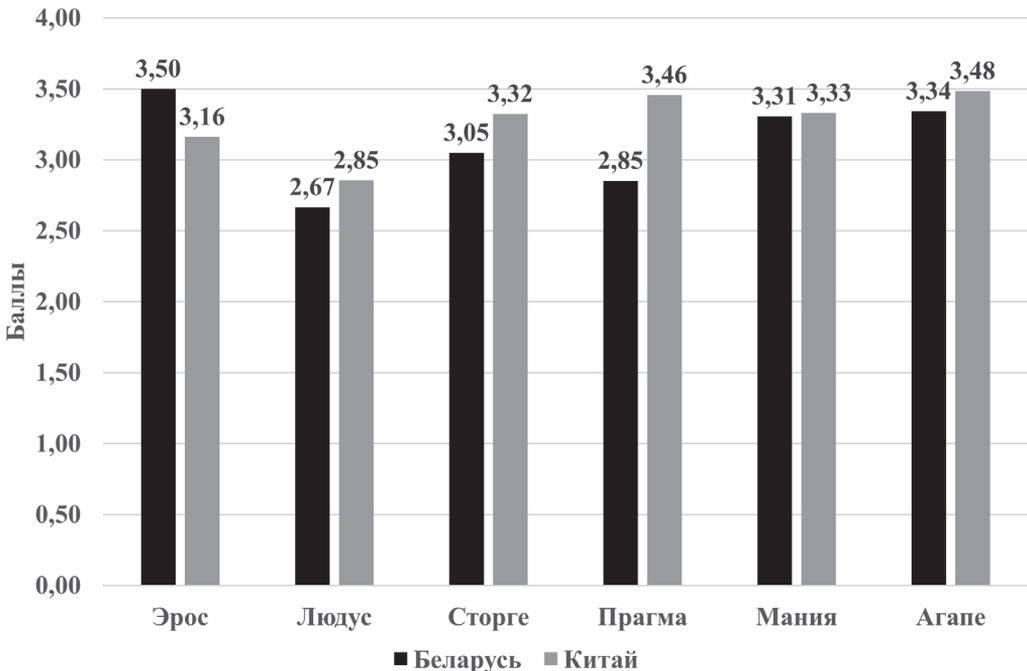

Рис. 2. Любовные аттитюды женщин

В иерархии любовных аттитудов китайских женщин доминирующее положение занимают аттитуды Агапе, Прагма и Мания, а субординационное положение — Сторге, Эрос и Людус.

Обсуждение результатов

Прежде всего следует обратить внимание, что, независимо от гендера, китайские респонденты статистически значительно отличаются от белорусских большим размером эффекта (d) и интенсивностью таких любовных аттитудов, как Прагма и Сторге, а также меньшей Людус. Это свидетельствует о том, что китайские респонденты в любовных отношениях больше, чем белорусские, ориентированы на прагматизм, общность установок и ценностей, крепость товарищеских отношений с партнером, несколько в большей мере отдают предпочтение случайным контактам, избеганию близости и интенсивности в отношениях.

В. Ван, К. Люк и Дж. Лаи [24] указали, что многие паттерны культурных различий между китайцами и представителями других культур могут отражать влияние конфуцианской этической системы и коллективистских убеждений. Кроме того, существует и еще одно измерение китайских личных отношений, которое было менее хорошо изучено, но которое дает нам более имическое, или специфическое для культуры, понимание китайских концепций любви — это понятие *юань* [10].

Концепция юаня, по существу, относится к «реляционному фатализму» — вере в то, что личные отношения предопределены для успеха или неудачи и что сами взаимодействующие индивиды имеют лишь ограниченный контроль над этим процессом. Это понятие рассмат-

ивает партнеров по отношениям как пассивных получателей отношений, а не как их активных создателей. Пары соединяются вместе из-за юаня и их соединение неизбежно. И даже до того, как люди встретятся, может возникнуть телепатический юань с партнером, определяющий ощущение совместности или несовместности с ним.

Юань также играет важную роль в поддержании социальной гармонии и групповой солидарности, что является важной чертой китайского общества. Поскольку пары находятся вместе из-за юаня, отношения должны быть терпимыми, ценными и сохранными. Когда возникают трудности в отношениях, их можно объяснить скорее чувством предопределенности, чем недостатками индивида.

Примат идеи приверженности партнеру «несмотря ни на что» подтверждается данными исследований стилей любви. Р. Гудвин и Ш. Финдлей [10] отмечают, что «предопределенные» отношения отражают прагматические соображения, где честь семьи и стабильность занимают центральное место. Предопределенность, следовательно, может быть связана не столько со «случайностью» судьбы (как это подразумевается в западном идеале любви: например, вера в любовь «с первого взгляда»), сколько с принятием судьбы, предписанной культурной и религиозной традицией. С этой точки зрения неудивительно, что китайские респонденты, принявшие участие в исследовании, набрали больше баллов по стилю любви Прагма и Агапе, чем британские респонденты.

Полученные данные отчасти согласуются и с другими кросс-культурными исследованиями, правда, оценивающими любовные стили представителей индивидуалистической и коллективистической

культур. В частности, как уже отмечалось выше, еще К. Хендрик и С. Хендрик [11] установили, что азиатские студенты отличались от американских студентов большими показателями Прагма и Сторге. Такие же результаты получили С. Спречер и М. Торо-Морн [21] на общей взрослой китайской выборке: китайские респонденты чаще демонстрируют Сторге и Манию, чем американцы. В исследовании К.Л. Дион и К.К. Дион [8] было обнаружено, что китайские и другие азиатские респонденты выше оценивают Сторге, чем их англо-кельтские или европейские сверстники.

В. Янковяк с коллегами [13] показали, что как китайские мужчины, так и женщины настаивали на важности материальных факторов для поддержания отношений. Это контрастирует с мнением респондентов из России, где только женщины подчеркивали важность материальных факторов [5].

Китайские студенты в подавляющем большинстве считают, что материальные факторы являются основой для интимного и успешного брака. Кроме того, китайцы, особенно женщины, придают большое значение тому, чтобы быть независимыми, и, таким образом, не хотят терять этот статус во имя любви (Людус). Показательно, что 100% опрошенных китайских женщин согласились с утверждением, что «любовь к человеку не должна означать потерю независимости».

Таким образом, данные, полученные в проведенном исследовании и других исследованиях, свидетельствуют о том, что китайцы как представители восточной коллективистической субкультуры отличаются от представителей западной коллективистической субкультуры и индивидуалистической культуры выраженной прагматической ориентацией в любовных романтических отношениях.

Прагматизм в романтических отношениях — это прежде всего ориентация на эффективность репродуктивного успеха, учет и генетической, и экономической пригодности потенциального партнера.

Менее выраженные прагматические тенденции у белорусских респондентов могут быть результатом влияния европейского наследия романтической концепции любви, которая не опирается на прагматические соображения [18].

Еще одно различие, на которое следует обратить внимание с учетом среднего размера эффекта, — это наличие у белорусских женщин в сравнении с китайскими женщинами существенно более высоких показателей аттитудов Эрос. Это, вероятно, может быть доказательством того, что белорусские женщины, в отличие от прагматичных китайских женщин, более романтичны и отличаются большей страстностью, более сильным стремлением к возлюбленному, ориентацией на физические кондиции и привлекательность партнера. Полученные данные отчасти могут объясняться результатами кросс-культурных исследований степени эмоциональной вовлеченности в романтические отношения. В частности, Д.П. Шмиттом с коллегами [20] было установлено, что восточноазиатские женщины имели наиболее низкий уровень эмоциональных затрат, чем женщины всех других регионов мира. Помимо этого, М. Торо-Морн и С. Спречер [22] выявили, что представители восточноазиатских стран менее склонны испытывать романтическую страсть, чем люди из стран Запада. Кросс-культурное исследование Дж. Гао [9] также показало, что китайцы менее страстны, чем американцы.

Таким образом, можно констатировать, что первая и четвертая гипотезы подтвердились полностью, вторая и третья гипотезы — лишь частично.

Вышеизложенные выводы и сопоставление иерархий любовных установок позволили сделать обобщающее заключение, что белорусских респондентов в любовных отношениях привлекают страсть и преданность, а китайские респонденты терпеливо ищут подходящего любовного партнера, который обладает некими желаемыми атрибутами или отвечает каким-то параметрам. Это отчасти подтверждает сделанное нами предположение, что несмотря на то, что иерархии любовных установок белорусских и китайских респондентов имеют некоторые «базисные» сходства в доминирующих любовных установках, существуют различия. Эти отличия в стилях любви, вероятнее всего, определяются культурно-специфическими факторами и этнокультурными традициями белорусов и китайцев, относящихся к различным коллективистическим субкультурам.

Заключение

Полученные результаты можно обобщить в следующих основных выводах:

1. Китайские мужчины отличаются от белорусских мужчин более высокими показателями установок Агапе, Прагма, Мания, Сторге и Людус. По установке Эрос статистически значимых различий не выявлено.

2. Белорусские женщины отличаются от китайских женщин более высокими показателями установок Эрос. Китайские женщины в сравнении с белорусскими женщинами имеют более

высокие показатели Прагма, Сторге и Людус. По показателям Агапе и Мания статистически значимых различий не обнаружено.

3. Установки Эрос и Агапе занимают верхнюю позицию в иерархии любовных установок белорусских мужчин и женщин. Для китайских мужчин и женщин характерно преобладание установок Агапе и Прагма. Людус независимо от пола и национальной принадлежности является наименее предпочтительным стилем любовных отношений.

Ограничения и предложения по будущим исследованиям

Стоит отметить некоторое ограничение данного исследования. Китайская выборка в исследовании значительно меньше, чем белорусская. Поэтому кросс-культурные различия, установленные в данном исследовании, хотя и можно трактовать как статистически достоверные, следует рассматривать как предварительные, требующие уточнения в последующих исследованиях.

В рамках будущих исследований усилия будут направлены на проверку полученных данных на других выборках из западной коллективистской (например, респондентах европейской части Российской Федерации и/или Украины) и восточной коллективистской субкультур (более широкой выборке китайских респондентов), чтобы подтвердить их и получить возможность экстраполяции.

Литература/References

1. *Фурманов И.А.* Любовные установки в период перехода к ранней взрослости: межпоколенное сравнение // *Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал.* 2019. № 4(16). С. 97–105.

- Fourmanov I.A. Lyubovnyye attityudy v period perekhoda k ranney vzroslosti: mezhpokolennoe sravnenie [Love attitudes during the transition to early adulthood: intergenerational comparison]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. Nauchno-prakticheskiy zhurnal = Law. Economy. Psychology. Scientific and practical journal*, 2019, no. 4(16), pp. 97–105. (In Russ.).
2. *Aumer-Ryan K., Hatfield E., Frey R.* Examining equity theory across cultures // *Interpersona*. 2007. № 1(1). P. 61–75. DOI:10.5964/ijpr.v1i1.5
 3. *Butler R., Walker W.R., Skowronski J.J., Shannon L.* Age and responses to the Love Attitudes Scale: Consistency in structure, differences in scores // *International Journal of Aging and Human Development*. 1995. Vol. 40. P. 281–296. DOI:10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB
 4. *Country Comparison* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/belarus/> (дата обращения: 12.02.2021).
 5. *de Munck V.C., Korotayev A., de Munck J., Khaltourina D.* Cross-Cultural Analysis of Models of Romantic Love Among U.S. Residents, Russians, and Lithuanians // *Cross-Cultural Research*. 2011. Vol. 45(2). P. 128–154 DOI:10.1177/1069397110393313
 6. *Dion K.K., Dion K.L.* Psychological individualism and romantic love // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1991. Vol. 6(1). P. 17–33.
 7. *Dion K.K., Dion K.L.* Culture and relationships: The downside of self-contained individualism // In R.M. Sorrentino, D. Cohen, J.M. Olson, M.P. Zanna (eds.) // *Culture and social behavior: The Ontario Symposium Mahwah, NJ: Erlbaum*. 2005. Vol. 10. P. 77–94.
 8. *Dion K.L., Dion K.K.* Gender and ethnocultural comparisons in styles of love // *Psychology of Women Quarterly*. 1993. Vol. 17. P. 463–473. DOI:10.1111/j.1471-6402.1993.tb00656.x
 9. *Gao G.* Intimacy, passion, and commitment in Chinese and US American romantic relationships // *International Journal of Intercultural Relations*. 2001. Vol. 25(3). P. 29–342.
 10. *Goodwin R., Findlay C.* “We were just fated together”. Chinese love and the concept of yuan in England and Hong Kong // *Personal Relationships*. 1997. Vol. 4. P. 85–92. DOI:10.1111/j.1475-6811.1997.tb00132.x
 11. *Hendrick C., Hendrick S.* A theory and method of love // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 50. P. 392–402. DOI:10.1037/0022-3514.50.2.392
 12. *Jankowiak W.R., Fischer E.F.* A Cross-Cultural Perspective on Romantic Love // *Ethnology*. 1992. Vol. 31(2). P. 149–155. DOI:10.2307/3773618
 13. *Jankowiak W., Shen Y., Yao S., Wang C., Volsche S.* Investigating Love’s Universal Attributes: A Research Report From China // *Cross-Cultural Research*. 2015. Vol. 49(4). P. 422–436. DOI:10.1177/1069397115594355
 14. *Karandashev V.* A Cultural Perspective on Romantic Love // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2015. Unit 5. Subunit 4. DOI:10.9707/2307-0919.1135
 15. *Lee J.A.* The colors of love: An exploration of the ways of loving. Don Mills, Ontario: New Press, 1973. 294 p.
 16. *Lee J.A.* A typology of styles of loving // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1977. Vol. 3(2). P. 173–182. DOI:10.1177/014616727700300204
 17. *Neto F.* Love Styles: A Cross-Cultural Study of British, Indian, and Portuguese College Students // *Journal of Comparative Family Studies*. 2007. Vol. 38(2). P. 239–254. DOI:10.3138/jcfs.38.2.239
 18. *Neto F., Mullet E., Deschamps J.-C., Barros J., Benvindo R., Camino L., Falcon A., Kagibanga V., Machado M.* Cross-Cultural Variations in Attitudes Toward Love // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000. Vol. 31. P. 626–635. DOI:10.1177/0022022100031005005
 19. *Raffagnino R., Puddu L.* Love Styles in Couple Relationships: A Literature Review // *Open Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 6. P. 307–330. DOI:10.4236/jss.2018.612027
 20. *Schmitt D.P., Youn G., Bond B., Brooks S., Frye H., Johnson S., Stoka C.* When will I feel love? The effects of culture, personality, and gender on the psychological tendency to love // *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43(5). P. 830–846. DOI:10.1016/j.jrp.2009.05.008

21. *Sprecher S., Toro-Morn M.* A study of men and women from different sides of earth to determine if men are from Mars and women are from Venus in their beliefs about love and romantic relationships // *Sex Roles*. 2002. Vol. 46. P. 131–147. DOI:10.1023/A:1019780801500
22. *Toro-Morn M., Sprecher S.* A cross-cultural comparison of mate preferences among university students: The United States Vs. The People's Republic of China (PRC) // *Journal of Comparative Family Studies*. 2003. Vol. 34(2). P. 151–170.
23. *Triandis H.C.* Individualism-collectivism and personality // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69(6). P. 907–924. DOI:10.1111/1467-6494.696169
24. *Wan W.N., Luk C.L., Lai J.C.L.* Personality correlates of loving styles among Chinese students in Hong Kong // *Personality and Individual Differences*. 2000. Vol. 29. P. 169–175. DOI:10.1016/S0191-8869(99)00185-3

Информация об авторах

Фурманов Игорь Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и организационной психологии, Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Information about the authors

Igor A. Fourmanov, PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Social and Organizational Psychology, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, e-mail: formigor@gmail.com

Получена 11.10.2020

Received 11.10.2020

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

Using Health Belief Model, TriRisk Model, and Fatalism to predict COVID-19 Social Distancing Compliance Behavior

Sugato Lahiry

ThinkTank-Peopleprofit, Kolkata, India

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9631-5899>, e-mail: sugato@peopleprofit.in

Rita Karmakar

Amity Institute of Psychology & Allied Sciences, Amity University Kolkata, Kolkata, India

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0826-8816>, e-mail: rk_r80@rediffmail.com

Swathy Parameswaran

Indian Institute of Technology, Chennai, India

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4863-9896>, e-mail: swathy0406@gmail.com

Objectives. *The study has a translational focus to examine the applicability of the Health Belief Model, the TriRisk model, and fatalism-belief in the context of the COVID-19 disease, specifically to test if they help us predict recommended compliance behavior. Another objective is to examine how the three components of the TriRisk model work together.*

Background. *Amid a raging COVID-19 pandemic, governments everywhere need to deploy more targeted strategies to make social distancing effective and reduce human to human transmission of the virus.*

Study design. *The study predicted the lockdown compliance behaviour from constructs of the TriRisk model and fatalism-belief, using multiple linear regression and mediation analysis.*

Participants. *357 Participants across India; age range: 15–78 years; 41.5% men and 58.5% women.*

Measurements. *Components of the health belief model, fatalism, and recommended compliance behavior were assessed using Multi-item and single-item scales.*

Results. *Experiential risk perception was the strongest predictor of compliance behavior, followed by perceived barriers and gender. Deliberative risk perception and affective risk perception were significantly positively correlated with compliance behavior, though not statistically significant predictors. Experiential risk perception mediated the path between cognitive risk assessment and compliance behavior.*

Conclusions. *The present study has implications for designing and trying out compliance enhancement intervention through use of appropriate experiential risk content in designing public campaigns to increase compliance behavior.*

Keywords: *Social Distancing Compliance Behavior, Fatalism, Health belief model, COVID-19, Risk perception, Predictive Model, Mediation Analysis.*

Funding. *This research was conducted under the aegis of PeopleProfit Social Research Initiative [SRI] and no external funding was received.*

Competing interests. *The authors declare that no competing interests exist.*

For citation: *Lahiry S., Karmakar R., Parameswaran S. Using Health Belief Model, TriRisk Model, and Fatalism to predict COVID-19 Social Distancing Compliance Behavior. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 127–145. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120408> (In Russ.).*

Использование модели «веры в здоровье», тройственной модели восприятия риска и веры в фатализм для прогнозирования рекомендованного поведения в ситуации пандемии COVID-19

Лахири С.

TTMS-PeopleProfit, г. Калькутта, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9631-5899>, e-mail: sugato@peopleprofit.in

Кармакар Р.

Институт психологии и смежных наук, частный Университет Амити, г. Калькутта, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0826-8816>, e-mail: rk_r80@rediffmail.com

Парамешваран С.

Индийский Технологический Институт, г. Ченнаи, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4863-9896>, e-mail: swathy0406@gmail.com

Цели. Исследование направлено на изучение применимости модели «веры в здоровье», тройственной модели восприятия риска и веры в фатализм в контексте пандемии COVID-19, в частности, для проверки того, помогают ли эти модели предсказать рекомендованное поведение. Другая цель — изучить взаимосвязь компонентов тройственной модели.

Контекст и актуальность. В условиях бушующей пандемии COVID-19 правительствам всех стран необходимо применять более целенаправленные стратегии, чтобы сделать социальное дистанцирование эффективным и снизить передачу вируса от человека к человеку.

Дизайн исследования. С использованием множественной линейной регрессии и анализа медиаций проверялась возможность предсказывать поведение на основе конструкторов «веры в здоровье», веры в фатализм и тройственной модели восприятия риска.

Участники. 357 участников из разных штатов Индии; возрастной диапазон: 15–78 лет; 41,5% мужчин и 58,5% женщин.

Методы (инструменты). Множественные и одиночные шкалы моделей «веры в здоровье», веры в фатализм и тройственной модели восприятия риска.

Результаты. Основанное на собственном опыте восприятие риска является сильнейшим предиктором рекомендованного поведения; следующие по значимости предикторы — воспринимаемые препятствия (локдаун) и пол. Показатели когнитивного и аффективного восприятия риска положительно коррелируют с рекомендованным поведением (соблюдение дистанции), хотя и не оказались его статистически значимыми предикторами. Восприятие риска является медиатором между когнитивной оценкой риска и рекомендованным поведением.

Выводы. Настоящее исследование имеет значение для разработки и апробирования содержания и стратегий публичных кампаний, имеющих целью повышение уровня рекомендуемого поведения граждан в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: рекомендованное поведение, социальное дистанцирование, фатализм, модель «веры в здоровье», COVID-19, восприятие риска, прогностическая модель, анализ медиаций.

Финансирование. Исследование проводилось под эгидой инициативы социального исследования PeopleProfit, внешнее финансирование отсутствует.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии любого конфликта интересов.

Для цитаты: Лахири С., Кармакар Р., Парамешваран С. Использование модели «веры в здоровье», тройственной модели восприятия риска и веры в фатализм для прогнозирования рекомендованного поведения в ситуации пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество, 2021. Т. 12, № 4. С. 127–145. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120408>

Introduction

With a high reproduction number, mean R_0 of 3.28 across China [44], SARS-CoV-2 was a ticking pandemic time bomb from the time it first emerged in December, 2019 in Wuhan, China. WHO declared COVID-19 to be a pandemic on March 11, 2020, and in just about 6 months, on September 18, globally the number of COVID-19 cases surpassed 30 million, according to figures released by Johns Hopkins University.

While lockdown and social distancing emerged as the global strategy to fight the spread of COVID-19, the success of such measures in slowing down or stopping the spread ultimately depends on people's response to such preventive measures. The ability to predict compliance behavior of individuals in response to the COVID-19 crisis could pave the way for designing better communication and intervention strategies to save lives and improve the returns on the economic costs of lockdown.

In planning research on health behavior change strategies, the researcher is faced with a profusion of theoretical frameworks that seek to explain the emergence of self-preventive health behavior. Summarized somewhat differently by different authors [8; 21; 49; 51], these include: the Behavioral Decisions Theory [19], Protection Motivation Theory [46], Health Belief Model [7; 57], Theory of Reasoned Action [28], Theory of Planned Behavior [3], an Integrated Model of Behavior Change [2], Social Cognitive Theory [5], Transtheoretical Model [55], Extended Parallel Process Model, which attempts to integrate the large array of the Fear Appeal Theories [74], among others. One theory that stands out in this ensemble cast, by virtue of the sheer amount of attention it has received from researchers, is the Health Belief Model.

Since Hochbaum [36] first reported in 1958 that 'perceived susceptibility' to TB,

along with other health beliefs, differentiated between those who went for chest X-ray screening and those who did not [1], an extensive and impressive body of research was built upon the role of Risk Perception and other components of the Health Belief Model. Over the last 50 years, the Health Belief Model has been "one of the most widely applied conceptual model in the health behavior domain for both explaining and designing interventions related to health behavior change" [64]. The focus on the Health Belief Model and the role of perceived risk within it continues to this day.

The Health Belief Model (HBM) was developed in the 1950s, in response to the challenge faced by the US public health service in getting people to opt for early detection tests or other preventive steps for asymptomatic diseases [57]. In its original form HBM postulated a set of five factors that were needed to propel people to action. 1) Perceived susceptibility to a disease, 2) Perceived severity of the disease, 3) Perceived benefit in taking the recommended preventive action; 4) Low perceived barrier (e.g., cost, inconvenience, pain, embarrassment, etc.) to taking the recommended preventive action; 5) A trigger (e.g., campaigns by health authorities) to instigate the preventive action.

The model evolved and expanded over time to include other risk perception elements. The original construct of perceived susceptibility comprised a cognitive estimate by the respondents of their likelihood of contracting a disease. Slovic et al., [65] pointed out that risk is perceived in two main ways: A) as a cognitive "analysis" of the probability judgment of danger and B) as an affective element he called 'affect heuristic'; and that decision making involves the integration of "both modes of thought". Within the affective element of risk perception, Loewenstein et al. [45] made a distinction between "an-

tipatory” emotions (e.g., fear or anxiety) about the possibility of harm, and “anticipated” emotions (e.g. regret or guilt) about the “expected consequences of the decision”. Brewer et al., [10] reported that in addition to anxiety and regret, vaccination behavior increased with the increasing ‘feeling at risk’ and as such it could be a better predictor of self-protective behaviors such as vaccination than cognitive judgment of probability of risk. The initial conceptualization and operationalization of the risk perception construct, which was limited to only its analytical, cognitive element to the exclusion of the affective/experiential elements is one of the reasons that many meta-analytic studies, [e.g., 10; 29; 31] found a significant but only modest association between perceived risk, intentions and behavior [21]. In the same meta-analytic review of experimental studies on risk perception, Epton et al., [21] also reported that “messages that successfully heightened more than one of these elements of risk appraisal had larger effects on outcomes than messages that heightened only a single element”.

The current theoretical development emphasizes a further distinction between the affective and the experiential elements of risk perception, as these two elements access and employ different information processing systems. The experiential component of risk perception has been described in the TriRisk model by Ferrer et al., [26] as:

“rapid, heuristic-based judgments that involve “‘gut-level reactions’” and “as neither rule-based, logical assessments nor fully-fledged affective responses; they are outputs of experiential processing that is holistic, based on learned associations, slow to change, relatively crudely differentiated and integrated, and involving concrete images, metaphors, and narratives”.

These descriptions are based on previous conceptualization by other authors [15; 20;

63; 73]. Ferrer and her colleagues [26] do not provide a differential definition of their own. While the description might seem to lack clarity [72], the operationalization of the experiential risk perception the TriRisk model is quite clear. It has been operationalized and measured as a ‘gut-level perception of vulnerability to a given health risk’ [25]. They reported A) better model fit with the TriRisk model compared to single-factor or two-factor models; B) improved predictive validity, and C) important implications for targeting risk perception in health behavior change interventions.

How Do the Three Risk Processes Work?

In addition to asking ‘when’, the second-generation research question [75] also asks ‘How’? How does the process work? “What mediates the effect?” The ‘How’ question is indeed an important one as it is likely to throw further light on how the three different risk perceptions work together to influence self-protective compliance behavior. More importantly, from the translational perspective, any evidence of such mediational effect is likely to have implications in framing communication messages for disease transmission reduction interventions.

Literature is rather sparse in this area. Some evidence was provided by Chapman & Coups [13], who reported that anticipated emotions, regret and worry, mediated the relationship between cognitive risk estimation and vaccination. Slovic et al. [65] summarised some of the major empirical evidence to argue that the analytical processing of risk cannot be effective unless aided and guided by affect and emotion. They suggest a continuous interplay of the experiential, affective and deliberative processes

in what they called “the dance of affect and reason” [27], though they subsumed the affective and the experiential components in a single category, under the “two-mode thinking” conceptualization.

Support for the interplay between the deliberative processes and the experiential-affective processes comes from the neuroscience domain in the form of comparing hemodynamic activity in the brain. Mohr et al. [47] based on their meta-analyses of 30 functional magnetic resonance imaging (fMRI) experiments, suggested that both the affective and the analytical risk-processing mechanisms work together in consort with one another.

Exposure to a risky situation triggers both the cognitive and affective risk assessment processes. Throughout the sequence, the aINS and thalamus (executing the experiential- affective risk estimation) and the dmPFC (executing the cognitive-analytical path) keep talking to each other until the dorsolateral prefrontal cortex (dlPFC) integrates the risk information

with other pertinent information to make an action decision. The results of the meta-analysis, authors note, are consistent with the essential postulates of the risk-as-feelings hypothesis [45]. Yet other investigations in the neurophysiological domain point to the direction of a stronger affect-to-cognitive path than the reverse path from cognitive to affect [41]. But the most direct and unambiguous observation comes from Loewenstein who noted: “Diverse evidence also supports the proposition that affect mediates, at least in part, the relationship between an individual’s cognitive evaluation of risk and his or her behavioral response to it” [45]. One of the clearest reviews of conceptualization and research in this area, Kiviniemi et al., [39] points out the limiting nature of the large body of mainstream research that treats affect and cognition as two isolated groups and attempts to investigate their effects on health behaviors as separately transmitted main effects, ignoring the complex interplay between them.

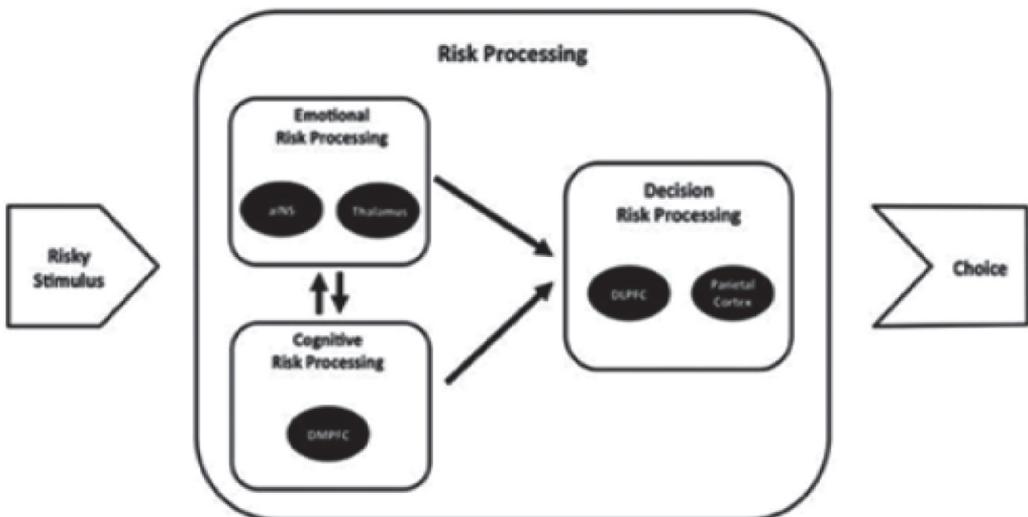

Fig. 1. Risk Processing Mechanism [47] (Reproduced with permission)

Fatalism

“My first encounter with fatalism in practice took place thirty years back when a maidservant who was absent for a week said on her return that her two-year-old son had died of smallpox. When I asked her whether he had been vaccinated against it she said in a piously resigned tone that since the boy was ‘fated’ to die of smallpox no vaccination would have prevented his death. Of course, this attitude is born of ignorance, but what shocked me was her acceptance of the death and the peace and consolation she derived from this acceptance” [7, p. 135].

Another theoretical framework that has been the subject of considerable research in relation to health behaviors is Fatalism. Bhattacharji [7] in her comprehensive treatise, described fatalism essentially as an “emphasis on the incalculable above the predictable” and analysed its interconnected facets that included, among others, predetermination, acceptance of one’s situation, a coping mechanism, and “revolt against intellectualism, especially where rationality or intellectualism fails to solve certain problems”. Other authors have defined fatalism variously, depending on their conceptualization and operationalization perspective, that inter alia includes elements of predetermination [58], external locus of control [71], acceptance of one’s situation [30], lack of personal control over destiny [18], and inevitability of unfortunate events [51].

The divergence in the operationalisation of fatalism has been reflected in the approach to its measurement. Esparza [22] reported the existence of 51 different purported scales of fatalism with little convergence in their operational definitions. To integrate the different dimensions of fatalism, Esparza et al., [23] developed a multidimensional fatalism scale that captured

the different dimensions of fatalism under 5 subscales: fatalism, helplessness, internality, luck, and divine control. According to the authors, the first subscale – fatalism – embodies the core of the fatalism construct and should be the primary target of fatalism research. This subscale measures the “tendency to view all events as fixed in advance and inevitable”, which closely approximates the idea of fatalism as it has existed in the traditional Indian belief system. Bhattacharji [7] expressed the idea eloquently with the oft-repeated Sanskrit saying: “*Niyatih Kena bāddhyate*”, which means “fate is incontrovertible – ... acquiescence to Fate Supreme.”

Fatalism has been studied from diverse perspectives including, anthropological, sociological, and psychological perspectives. Within the health behavior research domain, the role of fatalism vis-à-vis health behaviors have been considered mainly from two explanatory standpoints. The first involves control beliefs and is related to the constructs of locus of control [59], and self-efficacy belief [5]. Authors such as Straughan, [68], proposed that fatalism influences self-efficacy, which in turn affects health behavior. They also argued that the social cognitive theory [5] provided a more useful model for studying health behavior than rational choice models. The second standpoint, advanced by authors like Powe [52; 53], Lange & Piette [40], has treated fatalism as a potential barrier to health behavior that needs to be modified for health behavior change interventions. Looked at from either standpoint, fatalism appears to be a useful construct to investigate together with HBM in attempts to predict self-protective health behavior. It is becoming increasingly more common for researchers to integrate constructs from different theoretical models in investigations involving HBM [64].

The present study

While both the HBM, and to a somewhat lesser degree, the construct of fatalism have been tested and applied in a wide range of diseases and health issues, the COVID-19 disease presents a very different set of dynamics, unlike anything hitherto known or seen. A disease, where the recommended health behaviors limit lives and livelihoods of people en masse by requiring extensive social isolation with its inevitable economic and emotional fallouts. This vastly different dynamics of the COVID-19 disease make it imperative to examine afresh the applicability of a model like HBM that has been applied in a wide variety of other health issues. Thus, the present study:

1. Has a predominantly translational focus: to examine the applicability/transferability of the constructs of the HBM, the TriRisk model [26], and fatalism-belief in the context of the COVID-19 disease, specifically to test if they help us predict preventive compliance behavior.

2. We also bring together the constructs of the HBM, TriRisk model, and fatalism under the same investigative umbrella for the first time, to the best of our knowledge.

Furthermore, we examine through mediation analysis how the three components of the TriRisk model work together, again for the first time, to the best of our knowledge.

3. With the translational goal in mind, we have consciously desisted from constructing elaborately formal hypotheses and making narrowly formulated a priori predictions, replacing them with testing expectations in relatively broader general directions, which are listed below:

We expect the basic components of HBM, the TriRisk model and fatalism to apply in the context of the COVID-19 disease. Specifically, and additionally:

1. All three risk components, viz., deliberative, affective, and experiential to be positively associated with and predict compliance behavior.

2. Benefits to be positively associated and barriers negatively, with compliance behavior.

3. Fatalism to be negatively associated with compliance behavior.

4. Finally, we intend to examine the interplay among the three risk perception components in the light of existing theoretical directions and available evidence.

Methods and materials

Participants

357 Participants from different parts of India responded to an invitation circulated through different online platforms that included social networking media and communication channels, such as LinkedIn, Facebook, Twitter, WhatsApp, email, etc., to participate in an online survey using the online google platform. The age range of participants were 15–78 years ($M=47.64$, $SD=14.46$), 41.5% of whom were men and 58.5% were women. Approximately 39% of the participants were from containment zones (hotspots) and 61% were from non-containment zones. The data were collected during May and June 2020, the complete lockdown phase in India. The demographic details of the participants [$N=357$] are available on request.

Measures

Both multi-item and single-item scales were used in the present study. Though multi-item scales are generally preferred, we wanted to reduce the burden on respondents as much as possible, as the study was conducted during the complete nationwide lockdowns when peoples' lives were

in a state of complete economic and psychological topsy-turvy. Hence, we decided to use single-item scales wherever possible. Use of single-item scales has been found to be justified on grounds of practicality, reduced burden, cost, and ease of interpretation [9]. Weinstein et al., [70] specifically investigated the ability of several types of risk perception measures and of other constructs from health behavior theories to predict self-protective compliance behavior. They also compared single-item and multi-item scales to investigate their relative performance. Their conclusion was: “*In this domain, a well-chosen single item scale can predict just as well as multi-item scale*” [70, p. 150]. Single-item scales in this area have been used by other researchers e.g., Ferrer et al. [24], as well. The scales used are described below. A full list of the items is available on the Appendix.

1. *Deliberative risk perception*: Diefenbach et al. [17] and Weinstein et al. [70] reported that the 7-point scale performed best in assessing risk magnitude when compared to dichotomous item, percentage item and 6-point forced-choice item scales. Based on this evidence, a single item 7-point scale was used that required participants to estimate the degree of risk probability by choosing from options that ranged from “almost zero” (=1) to “almost certain” (=7).

2. *Experiential risk perception*: Experiential risk perception measured the ‘gut-level feeling of being at risk’, assessed by a single-item 5-point scale.

Affective risk perception: Affective risk perception measured the elements of anxiety, fear (of putting family members at risk), and anticipated regret with a multi-item 5-point scale. Item scores were added to generate a composite affective risk perception score. Cronbach’s alpha is not an appropriate statistic in this case, as it is highly sensitive to the length of a scale. Mean inter-item corre-

lation can give a better estimate of internal consistency and an optimal range from .20 to .40 has been suggested [11]. The mean inter-item correlation of the affective risk perception scale is .27.

3. *Perceived severity*: captured the perceived seriousness of the consequences (hospitalization, being put on ventilation, etc.) of contracting COVID-19. A single item scale with 5 response categories was used to assess perceived severity.

4. *Perceived Barriers*: This scale assessed the perceived obstacles (difficulty) in complying with the recommended preventive measures on a single-item 5-point scale.

5. *Perceived Benefit*: Participants responded to a single question on the effectiveness of the recommended lockdown and social distancing guidelines in preventing the COVID infection by choosing from options that ranged from “not at all effective” (=1) to “very effective” (=5).

6. *Fatalism*: The six-item ‘Fatalism’ scale, a subscale of the Multidimensional Fatalism Measure developed by O.A. Esparza et al. [23], was used to measure the fatalism dimension. The authors describe this scale as measuring the “tendency to view all events as fixed in advance and inevitable”. The scale has 6 items requiring a response on a 5-point “strongly disagree” (=1) to “strongly agree” (=5) scale. The Cronbach alpha for the present study sample was found to be .89.

7. *Compliance behavior*: is the dependent variable in the present study. It comprised 7 items that measured the extent to which respondents had been complying with the various guidelines on lockdown-related preventive measures issued by the government, such as staying at home, social distancing, wearing masks in public, maintaining personal hygiene, etc. Response options for each item ranged from “Not at all” (=0) to “completely” (=10). The composite compliance behavior score was derived by

adding all the item scores. The Cronbach's alpha for the sample was .83. Factor analysis, using principal axis factoring yielded a single factor solution that explained 44.24% of the variance.

8. *Demographic variables*: captured gender, age, education, income, and COVID hotspot status.

Results and discussion

The descriptive statistics and correlations between (a) components of the TriRisk model, perceived severity, benefits, barriers, and Fatalism; and (b) compliance behavior, are presented in Table 1.

The correlations show that the risk perceptions, HBM components, and fatalism are associated with preventive health behavior, as expected. All the three dimensions of TRIRISK model are positively and significantly associated with compliance behavior with experiential risk perception having the strongest association, followed by affective, and deliberative. Perceived benefits are also significantly and positively correlated to compliance behavior while

perceived barriers are significantly and negatively associated with compliance behavior, as expected. Very small relationship was observed between perceived severity and compliance behavior – an observation that has been consistently reported in the literature [12; 33]. Fatalism was found to be significantly and negatively associated with compliance behavior, as expected. Overall, the patterns of associations between these predictors and health behavior appear to hold good for the COVID-19 pandemic.

Predicting Compliance from TriRisk Model, HBM and Fatalism

The results (significant predictors) are presented in the following tables:

Only three variables, experiential risk perception, perceived barriers, and gender significantly predicted compliance behavior (Table 2). Together, they accounted for some 24% of the total variance. Experiential risk perception was the strongest predictor, followed by barriers, and gender. When the variables were entered in hierarchical models, experiential risk accounted for 17% of the variance. Incorporation of barriers in the equation explained another

Table 1
Descriptive statistics and zero-order correlations between (a) components of the TriRisk model, perceived severity, benefits, barriers, and Fatalism; and (b) compliance behavior

Variables	Mean	SD	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Compliance Behavior	60.78	9.41	--	.21**	.41**	.24**	.08	.15**	-.28**	-.10*
2. Deliberative	5.56	1.30		--	.46**	.36**	.15**	.11*	-.09	-.15**
3. Experiential	4.45	0.75			--	.55**	.17**	.27**	-.10*	-.17**
4. Affective	12.03	2.07				--	.20**	.30**	-.02	-.21**
5. Severity	2.67	1.33					--	.05	-.05	-.17**
6. Benefits	4.14	0.84						--	-.07	-.19**
7. Barriers	2.87	1.07							--	.13*
8. Fatalism	16.25	5.49								--

Note: ** $p < .01$, * $p < .05$.

Table 2

**Multiple regression analyses predicting compliance behavior
from different Predictors**

Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	SE [HC4]	Beta		
[Constant]	41.67	4.55		9.16	.00
Experiential	4.02	.76	.32	5.31	.00
Barriers	-1.98	.42	-.23	4.74	.00
Gender	-2.87	.94	.15	3.06	.00

Note: Dependent Variable: Compliance behavior; Gender (Women=0, Men=1) $R^2=.274$ and Adjusted $R^2=.242$.

additional 5%, and finally, introduction of gender in the model explained a further 2% of the variance.

The fact that deliberative risk perception did not turn out to be a significant predictor of compliance behavior is consistent with Carpenter's [12] findings, who in his meta-analysis reported that "susceptibility was a weak predictor of behavior". That experiential risk perception would predict preventive health behavior was expected and is consistent with evidence available from several studies [24; 25; 26; 71]. However, the elements of affective risk perception, viz., anxiety, fear and anticipated regret that have been previously found to be predictors of self-protective behavior and or intentions [13; 25; 26; 70] did not turn out to be so in the present study. Any discussion about the reason for this divergent finding would be speculative until we know more about the psychological dynamics of the COVID-19 disease.

Though benefits had a statistically significant association ($p<.01$) with compliance behavior, the effect size was rather small – a finding that is somewhat unexpected as the literature indicates a stronger association [12]. Also, we did not find benefits to be a significant predictor of compliance behavior. Again, at the cost of being speculative, it appears that the link between perceived benefits and compliance behavior

could be somewhat tenuous during those early phases when the prevention guidelines were received possibly with incredulity, yet uncritically (the scepticism and the denial would come later); and compliance was to an extent externally enforced.

Barriers have consistently been found to be one of the strongest predictors of both behavior and intention [12; 37; 57]. Though barriers in the context of COVID-19 presented health behavior challenges of a rather unique kind – social isolation – it was found to be a significant predictor of compliance behavior in the present study, as expected. Gender was also found to be a successful predictor of compliance behavior, wherein women were associated with a significant increase in compliance behavior, compared to men.

Besides experiential risk perception, barriers, and gender, the only other variable that accounted for some additional variance was income. Better health compliance has been shown to be associated with higher income levels in many studies [32; 49]. Our results, however, indicate that the relationship may not be as straightforward as it might otherwise seem. Only two income categories (₹ 60,000 to ₹ 100,000; and > ₹ 150,000 per month) significantly predicted an increase in the compliance behavior, while the middle category (₹ 100,000 to ₹ 150,000) was not a statistically significant predictor.

Fatalism as a construct has been gaining currency and popularity in the last fifty years or so, and has been the subject of a large body of research involving health behavior. Fatalism has been implicated in failure to adopt self-protective behaviors in a wide variety of health-related areas [16; 62]. Cohn & Esparza [14] reported that 65% percent of the 46 studies, included in their meta-analysis found “at least one significant relationship in the predicted direction between fatalism and health behavior”. Kishore et al., [38] reported that in a sample of Indian cancer patients that comprised semi- skilled and skilled workers with no formal education, the majority held some form of fatalistic belief about cancer and its treatment; and that the average time to seek treatment after the disease had been first suspected, was 2 years. Several researchers, [e.g., 40; 53; 54; 69], have suggested that to successfully modify health behaviors, fatalism related beliefs need to be considered.

However, in the present study, though there was a statistically significant negative relationship between fatalism and compliance behavior, fatalism was a weak and non-significant predictor of compliance. In a recent meta-analytic study of fatalism and health behavior, Cohn and Esparza [14] reported that the average effect size was small ($d=0.26$) equivalent to a point-biserial correlation of approximately 0.13. They concluded that the relationship between fatalism and health behavior is possibly much smaller than previously thought or expected.

Mediation Analysis

Kiviniemi et al., [39] recommended that in the interest of building more realistic models, researchers routinely investigate mediating and moderating effects even if such investigations are done post hoc and were not a part of a priori expectations. In addition to multiple linear regression analyses and hierarchical re-

gression models, we conducted exploratory mediation analyses to examine if our data revealed a similar mediational pattern as could be expected from the literature.

To test the mediational interplay of the risk processes, we built three separate parallel mediation models ($N=357$), using ordinary least square path analysis. In each of the three models, all the predictor variables other than the ones in that model were controlled by entering them as covariates. X by M interactions were included in the equations to test the no-interaction assumption. In line with the current theory and practice [34; 35; 60], the estimation of indirect effects and bootstrap confidence intervals, based on 5,000 bootstrap samples, were used to test the mediation effects. All analyses were conducted using SPSS macro, PROCESS, version 3.5. To ensure heteroskedasticity-robust inference testing, we applied HC4 [Cribari-Neto] heteroskedasticity-consistent standard error estimator for OLS regressions in our regression analyses.

In the first model (Figure 2), the total effect of deliberative component on Compliance behavior was positive and significant ($c=1.17, p=.009$). However, the direct effect was not statistically significant ($c'=0.16, p=.676$). The first indirect effect between deliberative risk perception and Compliance behavior, mediated through experiential risk perception M1 ($a1b1=0.94$) while controlling for affective risk perception M2, was entirely above zero, 95% CI (0.357 to 1.628). However, the second mediating variable M2 mediated an indirect effect between deliberative risk perception and Compliance behavior that was ($a2b2=0.07$) non-significant, 95% CI (-0.195 to 0.372). Results of X by M interaction tests: $M1*X, F^{HC4}(1, 339)=0.01, p=.919$ and $M2*X, F^{HC4}(1, 339)=0.12, p=.730$, support the assumption of no interaction between X and either mediator in this parallel mediator model.

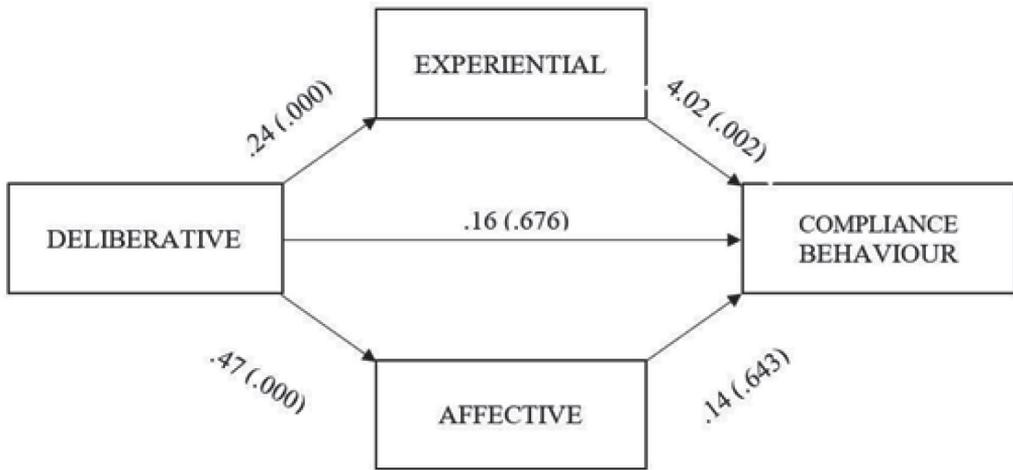

Figure 2: Parallel Mediation Model 1

Note: Showing unstandardized coefficients and observed significance levels

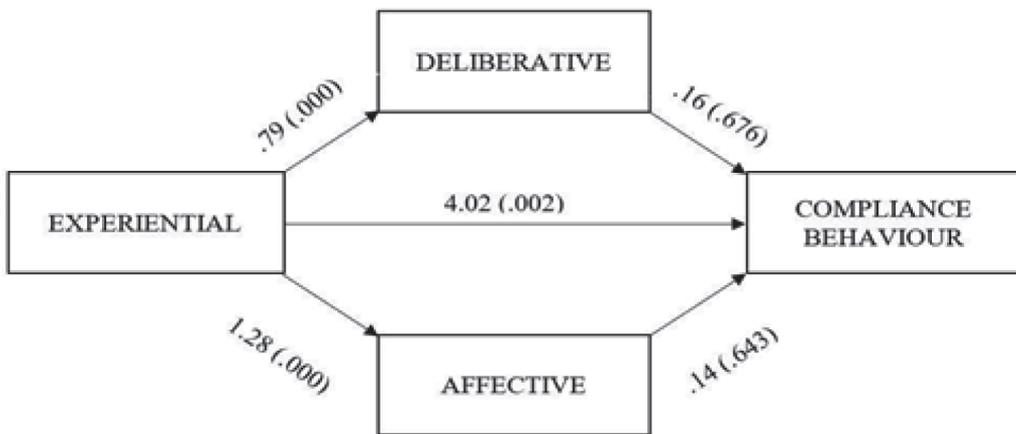

Figure 3: Parallel Mediation Model 2

Note: Showing unstandardized coefficients and observed significance levels

In the second model (Figure 3), almost the entire total effect of experiential risk perception on Compliance behavior ($c=4.33, p=.000$), was direct effect ($c'=4.02, p=.002$). There was no evidence

of indirect mediation through deliberative risk perception M1 ($a1b1=0.13$, bootstrap 95% CI: $-0.417, 0.765$) or through affective risk perception M2 ($a2b2=0.18$, bootstrap 95% CI: $-0.506, 1.015$). Results of X by M

interaction tests: $M1*X$, remaining the same as reported in the previous model, and $M2*X$, $F^{HC4}(1, 339)=0.11, p=.741$, support the assumption of no interaction between X and either mediator in this parallel mediator model.

Finally, in the third model (Figure 4), we regressed Compliance behavior on the remaining non-analytical risk perception variable, viz., affective risk perception, and entered deliberative and experiential risk perceptions as proposed mediating variables, $M1$ and $M2$, respectively. While the total effect of affective risk perception on compliance behavior was positive and statistically significant ($c=0.90, p=.001$), it was not through direct effect, which was non-significant ($c=0.14, p=.643$). Again, there was no evidence of deliberative risk perception, $M1$, mediating the relationship between affective risk perception and compliance behavior ($a1b1=0.04$, bootstrap 95% CI: $-0.120, 0.230$). That experiential risk perception, $M2$, mediated the association between affective risk perception and compliance behavior was established

through the indirect effect ($a2b2=0.72$, 95% bootstrap CI: $0.285, 1.126$).

The finding that experiential risk evaluation mediated the association between deliberative risk evaluation and Compliance behavior is consistent with the causal flow suggested by Loewenstein [45].

However, the finding that the affective component in the present study that measured both experienced (anxiety, fear) and anticipated (regret) elements of the non-cognitive risk evaluation path did not similarly mediate cognitive risk evaluation, which was putatively expected, merits further investigation in future research.

Limitations

The primary limitation of this study involves the representational aspect of the sample. The data were collected from a convenience sample drawn, using Internet-based channels. In the absence of probability sampling generalisability remains an issue. However, generalisability, as a blanket requirement has been brought into question by several authors who essentially have as-

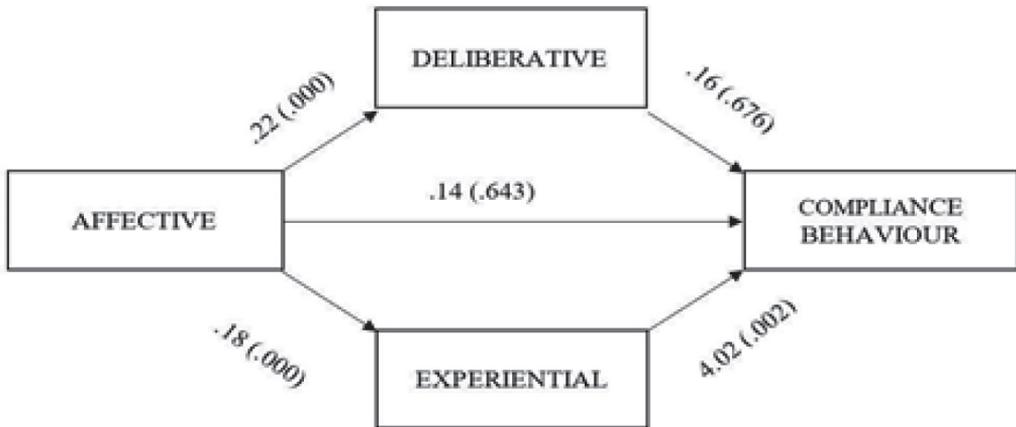

Figure 4: Parallel Mediation Model 3

Note: Showing unstandardized coefficients and observed significance levels

sented that representativeness of samples used need not be a necessary requirement if testing predictions rather than making them is the objective [47], and that population inference is often not the objective of a study [34]. The same logic applies to the present study.

Another limitation related to the previous one is that the sample included only those respondents who have access to the Internet and can read English. Though English is one of the two national level official language in India and the second most widely spoken second language in India after Hindi [56], its use is linked with education and income levels [4]. Thus, those from the lower socioeconomic strata, and those who cannot read English, did not get included in the sample. Using verbal response scales in Hindi or other regional languages in future research would help overcome this limitation, which was not possible during a nation-wide lockdown when the data for the present study were collected.

Concluding Remarks

The essential findings of the present study are:

1. There were only three variables, amongst those we studied, that statistically significantly predicted COVID-related compliance behavior: experiential risk perception, perceived barriers, and gender.

2. Out of these, experiential risk perception was the strongest; it accounted for 17% of the variance in compliance behavior, followed by perceived barrier which explained another 5% variance. Gender accounted for about 2% of the total variance.

3. Though deliberative risk perception, 'susceptibility' in HBM, and affective risk perception both significantly and positively correlated with compliance behavior, neither of these two turned out to be statistically significant predictors of compliance behavior.

4. Evidence suggested that experiential risk perception mediated the path between cognitive risk assessment and compliance behavior, not vice versa.

If the present study roughly corresponds to a stage somewhere between T0 and T1 in the translational research framework, point numbers 1 through 3 above, have implications for designing and trying out compliance enhancement interventions in the next stage. Use of appropriate experiential risk content in designing public campaigns and advisories is a strategy that merits further attention. No doubt, the hardest of barriers is economic in nature and structural support from governments by way of economic packages and other similar measures are needed to tide over the life versus livelihood conundrum. However, Reduction of perceived barriers through reassurances, dispelling misinformation, and providing assistance [64] will potentially supplement the structural support.

Our findings — that experiential risk perception mediated the cognitive risk path to compliance — (point number 4), helps in understanding the nature of interplay between gut level sensing of risk and analytical risk assessment, vis-à-vis self-protective behavior. Loewenstein et al., [45] noted that "...these rapid emotional reactions serve as a mechanism to interrupt and redirect cognitive processing toward potentially high-priority concerns, such as imminent sources of danger." Considering the fact that threat from infectious diseases has had a long history and has played a role in human evolution for more than 5 million years [60], it stands to reason that a deadly pandemic like COVID could activate what LeDoux [42; 43] called the "survival circuit". A process that kicks in, when significant challenges or opportunities in the environment are detected, and initiate actions to help self-preservation.

In conclusion, we are aware that cross-sectional design and correlational analyses do not provide sufficient basis for making causal inferences. And that was not the objective of the present study. We attempted to discern patterns in the available data — patterns that could provide some clue in designing campaigns to promote social distancing and related preventive measures. Establishing cause-effect relationships is the holy grail of science. Doing that even through a series of experimental manipulations may not always be fool proof as establishing equivalence convincingly between two experiments in a series may not be possible [66]. The present study

was conducted during the first complete lockdown in India when the entire country was shut down 24x7 for more than two months, which put severe constraints on data collection and alternate designs. But as Hayes [35] commented, “we should not let the limitations of our data collection efforts constrain the tools we bring to the task of trying to understand what our data might be telling us about the processes we are studying.” The practical implication of our findings points towards an increased importance that experiential risk perception merits in designing campaigns to promote social distancing and related preventive measures.

References

1. Abraham C., Sheeran P. The health belief model. *Predicting health behavior*, 2005, no. 2, pp. 28–80.
2. Ajzen I., Fishbein M. Attitudes and the Attitude-Behavior Relation: Reasoned and Automatic Processes. *European Review of Social Psychology*, 2000. Vol. 11, no. 1, pp. 1–33.
3. Ajzen I., Madden T.J. Prediction of goal-directed behavior: Attitudes, intentions, and perceived behavioral control. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1986. Vol. 22, no. 5, pp. 453–474.
4. Annamalai E. Nativization of English in India and its effect on multilingualism. *Journal of Language and Politics*, 2004. Vol. 3, no. 1, pp. 151–162.
5. Bandura A. Fearful Expectations and Avoidant Actions as Coeffects of Perceived Self-Inefficacy. *American Psychologist*, 1986. Vol. 41, no. 12, pp. 1389–1391.
6. Becker G.S. A Theory of Social Interactions. *Journal of Political Economy*, 1974. Vol. 82, no. 6, pp. 1063–1093. DOI:10.1086/260265
7. Bhattacharji S. Fatalism—Its roots and effects. *Journal of Indian Philosophy*, 1982. Vol. 10, no. 2, pp. 135–154.
8. Biddle S.J., Nigg C.R. Theories of exercise behavior. *International Journal of Sport Psychology*, 2000. Vol. 31, no. 2, pp. 290–304.
9. Bowling A. Mode of questionnaire administration can have serious effects on data quality. *Journal of Public Health*, 2005. Vol. 27, no. 3, pp. 281–291.
10. Brewer N.T., Chapman G.B., Gibbons F.X., Gerrard M., McCaul K.D., Weinstein N.D. Meta-analysis of the relationship between risk perception and health behavior: The example of vaccination. *Health Psychology*, 2007. Vol. 26, no. 2, pp. 136–145.
11. Briggs S.R., Cheek J.M. The role of factor analysis in the development and evaluation of personality scales. *Journal of Personality*, 1986. Vol. 54, no. 1, pp. 106–148. DOI:10.1111/j.1467-6494.1986.tb00391.x
12. Carpenter C.J. A meta-analysis of the effectiveness of health belief model variables in predicting behavior. *Health Communication*, 2010. Vol. 25, no. 8, pp. 661–669. DOI:10.1080/10410236.2010.521906
13. Chapman G.B., Coups E.J. Emotions and preventive health behavior: Worry, regret, and influenza vaccination. *Health Psychology*, 2006. Vol. 25, no. 1, pp. 82–90. DOI:10.1037/0278-6133.25.1.82

14. Cohn L.D., Esparza del Villar O.A. Fatalism and health behavior: A meta-analytic review. *Ciudad Juárez, México: Universidad Autónoma de Ciudad Juárez*, 2015. 47 p. DOI:10.13140/RG.2.2.10843.98085
15. Damasio A.R. *Descartes' error: Emotion, rationality and the human brain*. New York, . 1994, pp. 165–201.
16. De Los Monteros K.E., Gallo L.C. The relevance of fatalism in the study of Latinas' cancer screening behavior: A systematic review of the literature. *International Journal of Behavioral Medicine*, 2011. Vol. 18, Issue 4, pp. 310–318. Springer. DOI:10.1007/s12529-010-9119-4
17. Diefenbach M.A., Weinstein N.D., O'reilly J. Scales for assessing perceptions of health hazard susceptibility. *Health Education Research*, 1993. Vol. 8, no. 2, pp. 181–192. DOI:10.1093/her/8.2.181
18. Drew E.M., Schoenberg N.E. Deconstructing Fatalism: Ethnographic Perspectives on Women's Decision Making about Cancer Prevention and Treatment. *Medical Anthropology Quarterly*, 2011. Vol. 25, no. 2, pp. 164–182. DOI:10.1111/j.1548-1387.2010.01136.x
19. Edwards W. Behavioral Decision Theory. *Annual Review of Psychology*, 1961. Vol. 12, no. 1, pp. 473–498. DOI:10.1146/annurev.ps.12.020161.002353
20. Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H. Individual Differences in Intuitive-Experiential and Analytical-Rational Thinking Styles. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 71, no. 2, pp. 390–405. DOI:10.1037/0022-3514.71.2.390
21. Epton T., Norman P., Sheeran P., Harris P.R., Webb T.L., Ciravegna F., Brennan A., Meier P., Julious S.A., Naughton D., Petroczi A., Dadzie A.S., Kruger J. A theory-based online health behavior intervention for new university students: Study protocol. *BMC Public Health*, 2013. Vol. 13, no. 1, p. 107. DOI:10.1186/1471-2458-13-107
22. Esparza O.A. Factors derived from fatalism scales and their relationship to health-related variables. The University of Texas at El Paso, 2005., pp. 1–2.
23. Esparza O.A., Wiebe J.S., Qui ones J. Simultaneous Development of a Multidimensional Fatalism Measure in English and Spanish. *Current Psychology*, 2015. Vol. 34, no. 4, pp. 597–612. DOI:10.1007/s12144-014-9272-z
24. Ferrer R.A., Klein W.M.P. Risk perceptions and health behavior. *Current Opinion in Psychology*, 2015. Vol. 5, pp. 85–89. Elsevier. DOI:10.1016/j.copsyc.2015.03.012
25. Ferrer R.A., Klein W.M.P., Avishai A., Jones K., Villegas M., Sheeran P. When does risk perception predict protection motivation for health threats? A person-by-situation analysis. *PLOS ONE*, 2018. Vol. 13, no. 3, p. e0191994. DOI:10.1371/journal.pone.0191994
26. Ferrer R.A., Klein W.M.P., Persoskie A., Avishai-Yitshak A., Sheeran P. The Tripartite Model of Risk Perception (TRIRISK): Distinguishing Deliberative, Affective, and Experiential Components of Perceived Risk. *Annals of Behavioral Medicine*, 2016. Vol. 50, no. 5, pp. 653–663. DOI:10.1007/s12160-016-9790-z
27. Finucane M.L., Peters E., Slavic P. Judgment and Decision Making: The Dance of Affect and Reason. *Emerging perspectives on judgment and decision research*, 2003. 327 p.
28. Fishbein, Martin, and Icek Ajzen. *Predicting and changing behavior: The reasoned action approach*. Psychology press, 2011., pp. 20–27.
29. Floyd D.L., Prentice-Dunn S., Rogers R.W. A meta-analysis of research on protection motivation theory. *Journal of Applied Social Psychology*, 2000. Vol. 30, no. 2, pp. 407–429. DOI:10.1111/j.1559-1816.2000.tb02323.x
30. Futa K.T., Hsu E., Hansen D.J. Child Sexual Abuse in Asian American Families: An Examination of Cultural Factors That Influence Prevalence, Identification, and Treatment. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 2006. Vol. 8, no. 2, pp. 189–209. DOI:10.1093/clipsy.8.2.189
31. Gerrard M., Gibbons F.X., Bushman B.J. Relation Between Perceived Vulnerability to HIV and Precautionary Sexual Behavior [Electronic resource]. *Psychological Bulletin*, 1996. Vol. 119, Issue 3, pp. 390–409. Psychological Association, Inc. URL: <https://psycnet.apa.org/journals/bul/119/3/390.html?uid=1996-01402-004> (Accessed 10.03.2021)

32. Habib F., Durrani A.M. Impact of dietary pattern on glycemic level among type 2 diabetic patients. *Current Research in Nutrition and Food Science*, 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 120–126. DOI:10.12944/CRNFSJ.6.1.13
33. Harrison J.A., Mullen P.D., Green L.W. A meta-analysis of studies of the health belief model with adults. *Health Education Research*, 1992. Vol. 7, no. 1, pp. 107–116. DOI:10.1093/her/7.1.107
34. Hayes A.F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. Guilford publications, 2017., pp 64–65, 97–106.
35. Hayes A.F., Rockwood N.J. Regression-based statistical mediation and moderation analysis in clinical research: Observations, recommendations, and implementation. *Behavior Research and Therapy*, 2017. Vol. 98, pp. 39–57. DOI:10.1016/j.brat.2016.11.001
36. Hochbaum G.M. Public participation in medical screening programs: A socio-psychological study (No. 572). US Department of Health, Education, and Welfare, Public Health Service, Bureau of State Services, Division of Special Health Services, Tuberculosis Program. 1958., pp. 4–23.
37. Janz N.K., Becker M.H. The health belief model: A decade later. *Health education quarterly*, 1984. Vol. 11, no. 1, pp. 1–47.
38. Kishore J., Ahmad I., Kaur R., Mohanta P.K. Beliefs and perceptions about cancers among patients attending radiotherapy OPD in Delhi, India. *Asian Pac J Cancer Prev*, 2008. Vol. 9, no. 1, pp. 155–158.
39. Kiviniemi M.T., Ellis E.M., Hall M.G., Moss J.L., Lillie S.E., Brewer N.T., Klein W.M.P. Mediation, moderation, and context: Understanding complex relations among cognition, affect, and health behavior. *Psychology and Health*, 2018. Vol. 33, no. 1, pp. 98–116. DOI:10.1080/08870446.2017.1324973
40. Lange L.J., Piette J.D. Personal Models for Diabetes in Context and Patients' Health Status. *Journal of Behavioral Medicine*, 2006. Vol. 29, no. 3. pp. 239–253 DOI:10.1007/s10865-006-9049-4
41. LeDoux J. The emotional brain. New York: Simon & Schuster, 1996., pp. 267–282.
42. LeDoux J. Rethinking the Emotional Brain. *Neuron*, 2012. Vol. 73, Issue 4, pp. 653–676. Cell Press. DOI:10.1016/j.neuron.2012.02.004
43. LeDoux J.E. Coming to terms with fear. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2014. Vol. 111, Issue 8, pp. 2871–2878. National Academy of Sciences. DOI:10.1073/pnas.1400335111
44. Liu T., Hu J., Kang M., Lin L., Zhong H., Xiao J., He G., Song T., Huang Q., Rong Z., Deng A., Zeng W., Tan X., Zeng S., Zhu Z., Li J., Wan D., Lu J., Deng H., ... Ma W. Transmission dynamics of 2019 novel coronavirus (2019-nCoV). *BioRxiv*, 2020. Preprint. DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.01.25.919787>
45. Loewenstein G.F., Hsee C.K., Weber E.U., Welch N. Risk as Feelings. *Psychological Bulletin*, 2001. Vol. 127, no. 2, pp. 267–286. DOI:10.1037/0033-2909.127.2.267
46. Maddux J.E., Rogers R.W. Protection motivation and self-efficacy: A revised theory of fear appeals and attitude change. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1983. Vol. 19, no. 5, pp. 469–479. DOI:10.1016/0022-1031(83)90023-9
47. Mohr H.M., Zimmermann J., Röder C., Lenz C., Overbeck G., Gräbhorn R. Separating two components of body image in anorexia nervosa using fMRI. *Psychological medicine*, 2010. Vol. 40, no. 9, p. 1519.
48. Mook D.G. In defense of external invalidity. *American Psychologist*, 1983. Vol. 38, no. 4, pp. 379–387. DOI:10.1037/0003-066X.38.4.379
49. Mukherjee S., Sarkar B.S., Das K.K., Bhattacharyya A., Deb A. Original article compliance to anti-diabetic drugs: Observations from the diabetic clinic of a medical college in Kolkata, India. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*, 2013. Vol. 7, no. 4, pp. 661–665. DOI:10.7860/JCDR/2013/5352.2876
50. Murray-Johnson L., Witte K., Boulay M., Figueroa M.E., Storey D., Tweedie I. Using Health Education Theories to Explain Behavior Change: A Cross-Country Analysis. *International*

- Quarterly of Community Health Education*, 2005. Vol. 25, no. 1, pp. 185–207. DOI:10.2190/1500-1461-44GK-M325
51. Ngueutsa R., Kouabenan D.R. Fatalistic beliefs, risk perception and traffic safe behaviors. *European review of applied psychology*, 2017. Vol. 67, no. 6, pp. 307–316.
52. Noar S.M., Zimmerman R.S. Health Behavior Theory and cumulative knowledge regarding health behaviors: Are we moving in the right direction? *Health Education Research*, 2005. Vol. 20, Issue 3, pp. 275–290. Oxford Academic.
53. Powe B.D. Cancer fatalism – Spiritual perspectives. *Journal of Religion and Health*, 1997. Vol. 36, Issue 2, pp. 135–144. Kluwer Academic/Human Sciences Press Inc.
54. Powe B.D. Cancer fatalism among elderly African American women: Predictors of the intensity of the perceptions. *Journal of Psychosocial Oncology*, 2001. Vol. 19, no. 3–4, pp. 85–95.
55. Prochaska J.O., DiClemente C.C. Stages and processes of self-change of smoking: Toward an integrative model of change. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1983. Vol. 51, no. 3, pp. 390–395. DOI:10.1037/0022-006X.51.3.390
56. Registrar general, I. *CENSUS OF INDIA, 2011*.
57. Rosenstock I.M. Historical Origins of the Health Belief Model. *Health Education Monographs*, 1974. Vol. 2, no. 4, pp. 328–335. DOI:10.1177/109019817400200403
58. Ross M.E., Ross C.L. Mothers, Infants, and the Psychoanalytic Study of Ritual. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 1983. Vol. 9, no. 1, pp. 26–39.
59. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological monographs*, 1966. Vol. 80, Issue 1, pp. 1–28.
60. Rucker D.D., Preacher K.J., Tormala Z.L., Petty R.E. Mediation Analysis in Social Psychology: Current Practices and New Recommendations. *Social and Personality Psychology Compass*, 2011. Vol. 5, no. 6, pp. 359–371. DOI:10.1111/j.1751-9004.2011.00355.x
61. Rumyantsev S. Where and When Human Viral Epidemics First Emerged. *British Journal of Medicine and Medical Research*, 2012. Vol. 2, no. 4, pp. 647–661. DOI:10.9734/bjmmr/2012/1692
62. Shen L., Condit C.M., Wright L. The psychometric property and validation of a fatalism scale. *Psychology and Health*, 2009. Vol. 24, no. 5, pp. 597–613. DOI:10.1080/08870440801902535
63. Sinclair M., Ashkanasy N.M., Chattopadhyay P. Affective antecedents of intuitive decision making. *Journal of Management and Organization*, 2010. Vol. 16, no. 3, pp. 382–398. DOI:10.5172/jmo.16.3.382
64. Skinner C.S., Tiro J., Champion V.L. Background on the health belief model. *Health behavior: Theory, research, and practice*, 2015, p. 75–94.
65. Slovic P., Finucane M.L., Peters E., MacGregor D.G. Risk as Analysis and Risk as Feelings: Some Thoughts about Affect, Reason, Risk, and Rationality. *Risk Analysis*, 2004. Vol. 24, Issue 2, pp. 311–322. John Wiley & Sons, Ltd. DOI:10.1111/j.0272-4332.2004.00433.x
66. Slovic P., Peters E., Finucane M.L., MacGregor D.G. Affect, risk, and decision making. *Health Psychology*, 2005. Vol. 24, Issue 4 SUPPL, pp. 35–40. DOI:10.1037/0278-6133.24.4.S35
67. Spencer S.J., Zanna M.P., Fong G.T. Establishing a causal chain: Why experiments are often more effective in examining psychological process than meditational analyses. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005, no. 89, pp. 845–851. DOI:10.1037/0022-3514.89.6.845
68. Straughan P.T. Fatalism Reconceptualized: A Concept to Predict Health Screening Behavior. *Journal of Gender, Culture, and Health*, 1998. Vol. 3, no. 2, pp. 85–100. DOI:10.1023/A:1023278230797
69. Unger J.B., Ritt-Olson A., Teran L., Huang T., Hoffman B.R., Palmer P. Cultural values and substance use in a multiethnic sample of California adolescents. *Addiction Research & Theory*, 2002. Vol. 10, no. 3, pp. 257–279.
70. Weinstein N.D., Kwitel A., McCaul K.D., Magnan R.E., Gerrard M., Gibbons F.X. Risk perceptions: Assessment and relationship to influenza vaccination. *Health Psychology*, 2007. Vol. 26, no. 2, pp. 146–151. DOI:10.1037/0278-6133.26.2.146

71. Wheaton B. Stress, personal coping resources, and psychiatric symptoms: An investigation of interactive models. *Journal of Health and Social Behavior*, 1983. Vol. 24, no. 3, pp. 208–229. DOI:10.2307/2136572
72. Wilson R.S., Zwickle A., Walpole H. Developing a Broadly Applicable Measure of Risk Perception. *Risk Analysis*, 2019. Vol. 39, no. 4, pp. 777–791. DOI:10.1111/risa.13207
73. Windschitl M. Framing Constructivism in Practice as the Negotiation of Dilemmas: An Analysis of the Conceptual, Pedagogical, Cultural, and Political Challenges Facing Teachers. *Review of Educational Research*, 2002. Vol. 72, no. 2, pp. 131–175. DOI:10.3102/00346543072002131
74. Witte K. Fear control and danger control: A test of the extended parallel process model (EPPM). *Communication Monographs*, 1994. Vol. 61, no. 2, pp. 113–134. DOI:10.1080/03637759409376328
75. Zanna M.P., Fazio R.H. The attitude-behavior relation: Moving toward a third generation of research. *Consistency in social behavior: The Ontario symposium*, 1982. Vol. 2, pp. 283–301.

Information about the authors

Sugato Lahiry, President, ThinkTank-Peopleprofit, Kolkata, India, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9631-5899>, e-mail: sugato@peopleprofit.in

Rita Karmakar, PhD, Assistant Professor in Applied Psychology, Amity Institute of Psychology & Allied Sciences, Amity University Kolkata, Kolkata, India, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0826-8816>, e-mail: rk_r80@rediffmail.com

Swathy Parameswaran, Research Scholar, Engineering Design Department, Indian Institute of Technology; Research Associate, TTMS-PeopleProfit, Chennai, India, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4863-9896>, e-mail: swathy0406@gmail.com

Информация об авторах

Лахири Сугато, президент, консалтинговая фирма PeopleProfit, г. Калькутта, Индия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9631-5899>, e-mail: sugato@peopleprofit.in

Кармакар Рита, PhD, доцент кафедры прикладной психологии, Институт психологии и смежных наук, Университет Амита, г. Калькутта, Индия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0826-8816>, e-mail: rk_r80@rediffmail.com

Парамешваран Свати, ученый-исследователь, отдел инженерного проектирования, Индийский Технологический Институт; научный сотрудник, TTMS-PeopleProfit, г. Ченнаи, Индия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4863-9896>, e-mail: swathy0406@gmail.com

Получена 11.05.2021

Received 11.05.2021

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Практики работы с бездомными: перспектива возвращения «невидимой» личности

Витко Ю.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9375-2647>, **e-mail:** uliyvitko18@gmail.com

Лебедева А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, **e-mail:** anna.alex.lebedeva@gmail.com

Цель. Анализируются практики помощи бездомным и возможности развития методологического подхода, где восстановление утраченной субъектности личности станет одним из методологических оснований психологии бездомности.

Контекст и актуальность. Проблема бездомности актуальна как в России, так и за рубежом. Повышение эффективности работы по ресоциализации людей, живущих на улице, предполагает более глубокое понимание психологии бездомного со стороны социальных служб.

Используемая методология. В методологических основаниях работы используются историко-эволюционный подход (А.Г. Асмолов), подход к анализу культурно-личностного развития с точки зрения хронотопа (Н.Н. Толстых), принцип надситуативной активности (В.А. Петровский), идея затрудненных условий развития (Д.А. Леонтьев) и др.

Основные выводы. Делается вывод о том, что помощь бездомным носит ситуативный характер и преимущественно касается предоставления материальной и экстренной помощи. Предлагается комплексная модель, основанная на идее возвращения субъектности бездомного и утверждающая следующие принципы: 1) удержание активности на стороне субъекта, 2) усилие со стороны субъекта, 3) поддержание надситуативной активности, 4) опора на личность, ее потенциал и возможности, 5) поддержка и организация социальных отношений, 6) полисистемность.

Ключевые слова: бездомные, модели работы с бездомными, психология бездомности, личность бездомного, затрудненные условия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-113-50680.

Для цитаты: Витко Ю.С., Лебедева А.А. Практики работы с бездомными: перспектива возвращения «невидимой» личности // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 146–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120409>

Practice with Homeless Persons: the Prospect of the “Invisible” Personality Return

Julia S. Vitko

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9375-2647>, e-mail: uliyvitko18@gmail.com

Anna A. Lebedeva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Objective. *The article analyzes the practices of homeless assistance programs and the possibility of developing a methodological approach, where the restoration of the lost subjectivity of the individual will become one of the methodological foundations of the psychology of homelessness.*

Background. *The problem of homelessness is urgent both for Russia and foreign countries. Improving the effectiveness of the re-socialization practices for people living on the street implies a deeper understanding of the psychology of the homeless by social services.*

Methodology. *This article considers the methodological principles of the historical-evolutionary approach (A.G. Asmolov), the approach to the analysis of cultural and personal development from the viewpoint of the chronotope (N.N. Tolstykh), the principle of supra-situational activity (V.A. Petrovsky), the idea of personality development pathways in challenging conditions (D.A. Leontiev), etc.*

Conclusions. *It is concluded that assistance to the homeless is of an ad hoc nature and mostly includes the provision of material and emergency support. The authors propose a comprehensive model based on the idea of the homeless personality returning and upholding the following principles: 1) retention of activity on the side of the person, 2) effort on the part of the person, 3) maintenance of oversituational activity, 4) reliance on the personality, its potential, 5) support and organization of social relations, 6) polysystem.*

Keywords: *homeless people, models of working with homeless people, psychology of homelessness, a homeless person, difficult conditions.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-113-50680.

For citation: Vitko Y.S., Lebedeva A.A. Practice with Homeless Persons: the Prospect of the “Invisible” Personality Return. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 146–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120409> (In Russ.).

Введение

На протяжении многих лет люди, лишившиеся крова, представляют собой маргинальную группу населения, исключенную из социальной структуры общества: данные по множеству бездомных отсутствуют в базах государственной статистики, значительная их часть не имеет основных документов типа паспорта и медицинского полиса. Это становится

серьезным барьером на пути получения людьми без крова юридической и медицинской помощи [12; 39]. Дискурс, рассматривающий бездомность как особый тип социальной патологии, встречается довольно часто и акцентирует внимание на том, что бездомные движутся по нисходящему пути «моральной карьеры» [9], утрачивают прежние социальные нормы и ценности в обмен на новые, присущие этой «особой» группе населе-

ния [33]. Работы, выполняемые в логике этого дискурса, чаще фокусируются на анализе обстоятельств, в которые «попал» человек, связывая его положение с различными внешними причинами. Например, в социальных науках основной причиной бездомности признается бедность [13; 46; 61], отсутствие системной государственной поддержки бездомным и группе риска, социальная «невидимость» тех, кто уже проживает на улице, а также повышенная уязвимость отдельных групп населения, например, женщин [19; 54; 56].

Социальная помощь, оказываемая бездомным, характеризуется малой эффективностью по причине недостаточной развитости специализированных учреждений [5; 15]. Одной из ключевых причин сложившейся ситуации признается отсутствие единой модели работы с бездомными, отсутствие разработанной методологической основы, на которую можно опираться организациям [27]. Как отечественные, так и зарубежные государственные программы делают основной упор на улучшение внешних по отношению к субъекту условий: предоставление временного проживания, пункты питания, раздача одежды, бесплатные душевые и т.д. Зачастую в основе подобных практик работы с бездомными лежит социальная парадигма, которая рассматривает проблему бездомности через призму социально-экономических и правовых аспектов.

Особенностью большинства социальных проектов является их сосредоточенность на жизнеобеспечении бездомного в текущей ситуации, оставляя ее неизменной и не преследуя цели вернуть бездомного обратно в социум [8]. Примерами подобной работы являются дорогостоящие программы помощи бездомным в США, которые, однако, не приносят

должных результатов [51]. Во многом эффективность организации практик помощи бездомным связывают с низким уровнем социально-психологической безопасности данной группы населения [41]. Поскольку бездомные не защищены, они часто пропадают без вести, погибают от болезни или насилия.

Среди причин недостаточной результативности применяемых практик можно указать систематическое игнорирование психологического аспекта помощи бездомным. Довольно часто волонтеры и сотрудники помогающих организаций сообщают о том, что бездомные пользуются их услугами, но затем снова возвращаются к прежней жизни: теряют восстановленные документы, продают выданную им одежду с целью выручки денег на покупку алкоголя и т.д. Вероятно, такое отношение к получаемой помощи со стороны бездомных связано с тем, что они зачастую лишь удовлетворяют собственные потребности, ориентируясь на краткосрочную перспективу. Поскольку организации, оказывающие помощь бездомному, как правило, тоже ориентированы на краткосрочную перспективу и не делают мишенью своей работы его возвращение в социально активную жизнь, система поддержки превращается в замкнутый круг «улица-помощь-улица». В результате ни сторона, оказывающая поддержку, ни сторона, ее принимающая, не остаются довольны. Специалисты страдают от эмоционального выгорания, а сами бездомные разочаровываются в тех, кто им помогает. Возвращение в нормальную активную жизнь требует от личности бездомного крайне серьезных вложений, которые если и есть, то неизбежно рассыпаются о реалии. Ответом на подобный вызов может стать разработка таких методологических оснований и стратегий работы с

людьми без крова, которые бы учитывали в своей философии и методах работы, что получение бездомным помощи должно быть так или иначе сопряжено с фасилитацией его активности и его субъектного отношения к собственной жизни.

Иными словами, существует актуальный запрос на более углубленное понимание психологии бездомного. На наш взгляд, продвижение в данной теме может быть основано на современных методологических разработках в социальной психологии и психологии личности, посвященных существованию человека в особых ситуациях (экстремально трудных жизненных обстоятельствах).

В данной работе бездомность предлагается рассматривать как особый хронотоп, который, согласно работам Н.Н. Толстых, характеризуется деформацией пространственно-временной перспективы, произошедшей вследствие распада культурно обусловленной «сетки координат» образа мира субъекта [40]. Поскольку хронотоп определяет способности человека к целеполаганию и использованию существующих возможностей для достижения поставленных задач, восстановление у бездомного утраченной временной перспективы подразумевает возвращение *субъектности* [23], способности быть активным участником собственной жизни и принимать оказываемую ему помощь.

Иными словами, помимо предложения помощи человеку без крова (юридической, медицинской, материальной и т.д.), внешней по отношению к нему как субъекту, необходимо обращаться к его внутренним ресурсам с целью их мобилизации. Вопросы, связанные с отягощением положения личности бездомного — алкоголизм, наркомания, психические и физические заболевания, нарушения социальных связей и т.п., — при таком под-

ходе отходят на второй план и становятся отягчающими обстоятельствами его развития, затрудненными условиями [24].

Данная статья посвящена обзору существующих российских и зарубежных практик помощи бездомным, а также ставит перед собой цель обосновать некоторые методологические принципы комплексной модели работы с бездомным, на которые в будущем могли бы опираться исследователи, социальные службы и практические психологи.

С целью разработки комплексной теоретической модели помощи обратимся к анализу существующих практик и моделей работы с бездомными.

Модели работы с бездомными

В реалиях российской науки проблематика бездомности получила свое освещение примерно в 80-е годы предыдущего столетия. В 90-е годы бездомность встала как острая социальная проблема в форме резкого повышения количества людей, оказавшихся на улице, что было вызвано тяжелой экономической ситуацией в постсоветском обществе [3]. Исследования отечественных социологов происходили в первую очередь из поля запросов практики [31; 37] и проходили вдоль тем алкогольной зависимости [4], возможностей психосоциальных моделей помощи [34] и бедности [36].

В своей статье О.В. Плешакова [34] рассматривает четыре типа моделей психосоциальной помощи людям без определенного места жительства: (1) *когнитивную* (трансформация установок и убеждений); (2) *профорориентационную* (исследование профессиональных склонностей и помощь в поиске работы); (3) *сетевую модель* (помощь в построении новой сети социальных контактов

бездомного); (4) *модель самопомощи* (организация процесса помощи бездомных друг другу в разных аспектах: материальном, эмоциональном, досуговом, информационном и др.).

Предлагаемые модели охватывают широкий круг проблем бездомных, обобщают эффективные практики, однако не могут претендовать на системное понимание бездомности, так как не имеют единого общего условия в своих основаниях. Мы предполагаем, что проработка установок, с которыми специалист подходит к проблеме бездомности, могла бы позволить предоставлять помощь не только «точно», но и системно.

Рассмотрим более детально существующие практики с целью разобраться, какие принципы могли бы лечь в основу организации помощи бездомному.

Предоставление материальных ресурсов

Наиболее распространенной сегодня моделью помощи бездомным за рубежом является так называемая политика Housing First («Вначале — дом»), которая предполагает предоставление жилья с возможностью краткосрочного или длительного пребывания [14].

Примером применения вышеописанного подхода к бездомности на практике является некоммерческая организация Mad Housers Inc. (США, Атланта). Работа организации заключается в строительстве двух типов жилищ для людей без определенного места жительства: хижин и лоурайдеров. В предыдущей работе мы описали, как устроено проживание бездомных в рамках этого проекта: «Хижинки представляют собой прочные деревянные конструкции, в каждой из которых есть спальный чердак, запира-

ющаяся дверь и дровяная печь для отопления и приготовления пищи. Данные сооружения не предназначены для постоянного проживания, они выполняют функцию убежища во время стихийных бедствий, обеспечивая бездомному безопасность. Лоурайдеры представляют собой постройки для полноценного проживания, к ним прилагаются отдельные хранилища для вещей бездомного. Волонтеры Mad Housers убеждены, что если у человека есть пространство, в котором он чувствует себя в безопасности, то он в большей степени способен найти ресурсы, чтобы справиться со своим трудным положением» [10, с. 20].

В России такая практика еще не получила должной реализации, в основном помогающие организации предоставляют бездомным услуги питания, медицинской, юридической помощи или помогают в поиске работы. Тем не менее сама по себе идея домов призрения, практикующих временное предоставление жилья при больницах и монастырях, используется со времен дореволюционной России [7]. В советском периоде можно отметить систему общежитий, которые косвенно способствовали тому, чтобы у людей была «крыша над головой». Среди подобных практик помощи бездомным в современной России можно отметить, например, Дом трудолюбия «Ной», о котором более подробно будете сказано ниже.

В научном контексте тема жизненного пространства подробно рассматривается в работах С.К. Нартовой-Бочавер: «Дом — метафора личности, результат жизнетворчества субъекта и в то же время — источник его изменения» [28, с. 71]. Иными словами, личность выражается в доме, в его содержании; человек может понимать себя, глядя на свой дом или вопрошая о его отсутствии. Состояние

бездомности в этом смысле не говорит о том, что личность у бездомного отсутствует, но фиксирует в факте отсутствия дома психологический смысл сложившейся «беспутности» жизни, когда негде укрыться и некуда вернуться. А.Н. Леонтьев вслед за Л.С. Выготским говорит, что личность определяется природой отношений, в которые она вступает [22]. Продолжая эти идеи, можно рассуждать о доме как об особом пространстве отношений, в которых буквально порождается то личностное образование, которое в дальнейшем и будет «носить с собой» человек. Рассмотренный генетически дом является прообразом личности. Метафорически дом — это гнездо, которое можно покинуть, чтобы свить новое, или из которого можно выпасть и исчезнуть в большом мире. Таким образом, ситуация бездомности скорее напоминает то самое случайное выпадение из гнезда в результате различных обстоятельств. Предоставление временного убежища открывает человеку возможность возвращения в безопасное пространство, откуда он теперь может самостоятельно выйти в мир, приняв это как свой выбор и взяв на себя ответственность за это действие. Переживание места временного пребывания как «своего дома» возможно через восстановление соответствующего хронотопа; новые социальные отношения способны стать базисом для нового рождения, метафорой новой личности.

Формирование социальных связей

Следующая практика помощи бездомным ставит основной акцент на социальном аспекте жизни бездомного через трансформацию и образование социальных сетей как горизонтального (между бездомными), так и вертикального типа

(между бездомными и иными группами населения). Эффективность социально ориентированного подхода к помощи бездомным подтверждается исследованиями [42], согласно которым высокий уровень включенности бездомного в сеть межличностных отношений связан с большим доступом к получению услуг помощи [59], более низким уровнем встречаемости депрессии и физических недугов [63]. Последнее может быть объяснено медиативным влиянием социальных ресурсов на уровень воздействия стрессовых факторов на здоровье людей без определенного места жительства [44].

В России социально ориентированный подход к проблеме бездомности реализован организацией «Серебряные волонтеры Екатеринбурга», которая организует праздничные мероприятия для людей без крова (Пасха, масленица и т.д.). Основной целью мероприятий и встреч является создание социальных связей как между бездомными, так и между населением и людьми без определенного места жительства — жители города узнают о проблемах и потребностях бездомных, могут оказать им помощь и поддержку.

Еще одним видом социально ориентированной практики работы с бездомными является организация бесплатных столовых. Несмотря на то, что речь идет о пунктах общественного питания, основной упор делается на социализацию бездомного человека. Бесплатная столовая играет роль «гостиной», в которой протекает общественная жизнь: бездомные общаются друг с другом, с волонтерами [54]. Пример такой практики можно найти в работе благотворительного общества «Каритас». Надежда Клюева, координатор проекта, отмечает, что одной из важнейших задач, реализуемых бесплатными пунктами общественного питания, явля-

ется именно включение бездомного в сеть социальных связей [16].

Социализация бездомных средствами искусства

Обращение к искусству представляет собой особую модель помощи бездомным. Мотивация заниматься искусством может помогать бездомному вернуть потерянные эмоции, вкус к жизни [50]. Хорошим примером подобного подхода является проект с двадцатью женщинами-бездомными, в котором участвовали художники, исполняющие роль фасилитатора процессов самовыражения у испытуемых. Кроме того, в рамках проекта проводились регулярные собрания, в ходе которых участницы делились друг с другом своими переживаниями от творческого процесса. В результате творческие материалы бездомных женщин были представлены на выставке. Участницы отмечали, что за время проекта им стало легче доверять окружающим, выражать себя, открываться, вступать в отношения с миром и быть услышанными через искусство [47].

В России тоже можно найти интересные проекты, которые используют творческую самореализацию как инструмент помощи бездомным. Так, Всеволод Лисовский в результате многолетней подготовительной работы собрал труппу из инициативных бездомных. Совместными усилиями они поставили спектакль «Пещера» и разыграли диалоги Платона на престижных площадках Москвы. Стоит сказать, что, несмотря на успех спектакля, сам Всеволод признается: «Я несколько лет ходил по центрам социальной адаптации и “вербовал” участников в проект. Водил с собой философов и поэтов, которые читали лекции.

Заинтересовались человек пять. Двое умерли, один вернулся на улицу, двое уехали в удаленные места. В конце концов нашлись трое, у которых хватило терпения довести проект до конца. К сожалению, опыт показывает, что участие в такого рода проектах не может изменить ни жизнь бездомных, ни их внутреннее состояние. Просто какое-то странное, возможно, радостное событие в жизни. Но, видимо, без последствий. Это очень грустно». Несмотря на озвученное разочарование, следует признать, что подобные творческие проекты все же смогут иметь эффективность, если они будут предполагать долгосрочные и систематические интервенции, а также будут учтены в методических рекомендациях для разработки программ социально-психологической реабилитации [10].

Практики духовного просвещения в работе с бездомными

Нередко можно встретить позицию, согласно которой духовные потребности бездомных являются крайне ограниченными [30]. Однако современные исследования показывают, что духовность и религиозность можно рассматривать как механизмы выживания бездомных [45]. Так, исследование показало, что пребывание на улице заставляет людей задавать себе экзистенциальные вопросы и обращаться за помощью к Богу напрямую: «Когда мы чувствуем себя одинокими, то хотим за что-то держаться, за что-то ухватиться», а «Когда жизнь прекрасна ... вы ни о чем не просите Бога, вы, наверное, даже не благодарите Его» [45, с. 18].

В России на текущий момент можно встретить ряд приютов и домов трудолюбия, которые выстраивают свою работу с бездомными вокруг духовного

аспекта жизни. Примерами реализации данного типа работы являются приюты «Теплый прием» и «Дом трудолюбия Ной», расположенные в Москве, а также созданный верующими иркутский «Дом милосердия» и др. Подобная работа ведется практически во всех регионах Российской Федерации. Большая часть таких инициатив поддерживается Русской Православной Церковью, часть из них получает грантовое финансирование, другая — существует на пожертвования. Отдел по церковной благотворительности и социальному служению сообщает о работе 95 православных приютов для бездомных и 10 мобильных пунктов помощи бездомным (автобусов милосердия) по всей России.

Христианский приют для бездомных «Дом трудолюбия Ной» имени Иоанна Кронштадтского создавался исключительно на основе религиозных принципов, при этом организация открыта к сотрудничеству с научными. Особенностью этого приюта является то, что бездомному не только помогают восстановить документы, но и предоставляют работу в той же организации, обеспечивают местами проживания в домах для нетрудоспособных, рабочих домах и домах для женщин с детьми. Организация уделяет большое внимание установлению дисциплины и порядка через введение трезвого образа жизни и участия в трудовой деятельности в качестве обязательных условий проживания в приюте. Кроме того, бездомный получает помощь в трудоустройстве за пределами дома трудолюбия, а также участвует в духовно-просветительских мероприятиях приюта (беседы, чтение духовной литературы и т.п.).

Социально-реабилитационный центр «Теплый прием» [20] отличается наличием программы ресоциализации бездомного по разным аспектам: помощь в

решении бытовых и материальных задач (например, одежда, еда и др.); юридическая и социальная помощь (восстановление документов, поиск родственников и др.); информационная поддержка (поиск работы с помощью интернета в приюте); организация досуга (киноклуб).

Помимо удовлетворения утилитарных потребностей приют активно содействует и духовному развитию проживающих. «Теплый прием» предоставляет бездомным многочисленную религиозную литературу, обеспечивает их общение с церковнослужителями, которые проводят с ними как публичные проповеди, так и личные беседы, помогая проживающим осмыслить свою непростую жизнь через обращение к Богу.

Особенности помощи бездомным от некоммерческих организаций

Стоит отметить, что в отечественных работах, которые осмысливают и суммируют опыт российских НКО в решении проблемы бездомности, выделяются преимущественно материальные, социальные и юридические аспекты ресоциализации. К примеру, Е.А. Коваленко [17] среди функций НКО перечисляет экстренную помощь по поддержанию жизнедеятельности (обеспечение одеждой, едой, госпитализация и т.д.), информирование, правозащитную деятельность, а также выделяет функцию социальной интеграции, куда входят: трудоустройство, оказание психологической помощи, оказание юридической помощи, поиск жилья на длительный срок. В методическом пособии директора приюта «Теплый прием» И. Кускова [20] подробно описаны различные аспекты создания подобного проекта, начиная с особенностей организации жилого пространства и

алгоритма проведения первичного медицинского осмотра и заканчивая замечаниями по поводу досуговой активности и духовной помощи.

Из всех рассмотренных выше практик и тактик работы с бездомными видно, как мало внимания уделяется теме психологической поддержки и реабилитации. В реальности психологический аспект работы с бездомными оказывается частным пунктом работы, считается факультативным и чаще всего вообще не представлен в работе НКО. Игнорирование данного аспекта может быть связано как с недостатком финансирования и нехваткой кадров (психологов-практиков) в этой отрасли, так и с недостатком научных исследований данной темы со стороны академического сообщества психологов.

Между тем, Е.А. Коваленко [17] анализирует причины неудачных случаев работы с бездомными, среди которых почти треть пунктов относятся к психологическим аспектам: ощущение бездомными безнадежности попыток вернуть свое прежнее социальное положение, отсутствие желания прикладывать усилия, психологический барьер со стороны работников НКО, которые негативно относятся к бездомным на местах помощи, а также их эмоциональное выгорание.

По всей видимости, именно социально-психологический аспект на сегодня нуждается в существенной проработке на основе современных взглядов на качество жизни и психологические особенности бездомных. Мы считаем, что «прецедентная», разовая работа с людьми без определенного места жительства должна быть научно отрешевлена и переосмыслена для того, чтобы превратиться в методологически обоснованную технологию помощи и возвращения бездомного в экономически и психологически активную жизнь.

Возможности усовершенствования практик помощи бездомным

Рассмотренные нами выше практики можно дополнить предложениями М. Шэридана и коллег [62], которые они выдвигают на основе результатов трехлетнего исследования. По их мнению, эффективными могут считаться такие принципы организации социальной практики с бездомными, как клиентоориентированная практика; идентификация систем естественной поддержки и социальных сетей; расширение прав и возможностей клиентов, вовлечение их в принятие решений; гибкие, креативные и проактивные сервисные подходы; создание новых служб там, где их недостаточно.

Достоинство такой модели состоит в том, что она ставит целью мобилизацию ресурсов бездомных и предполагает работу с ними как с полноценными личностями, способными на принятие автономных решений и активные действия.

Очередная интересная модель работы с бездомными, осуществленная в русле подхода расширения возможностей, представлена А. Маллендером и Д. Уордом [57] и ориентирована на социальные действия и самостоятельную работу группы. Модель выдвигает шесть практических принципов: 1) избегание ярлыков; 2) соблюдение прав членов группы; 3) достижение коллективной силы путем объединения в группы; 4) устранение угнетения через практическую деятельность; 5) идея того, что работники должны способствовать процессам, но не руководить ими.

На основе представленного выше подхода сложился новый практический инструмент — «группы, расширяющие возможности». Он активно применяется в наши дни для работы с бездомными на Западе и показывает положительные

результаты (см., например, [52; 58]). Предлагаемый инструмент представляет собой создание бездомными групп, работа которых направлена на достижение общественно полезных целей, отражающих потребности включенных в работу людей. Так, разные авторы описывают группы по приготовлению ужина, по проблемам женского здоровья, группы деятельности в женском приюте и др. Эти группы охватывают частные проблемы, которые, тем не менее, выражают схожие социальные мотивы: забота о себе, самопомощь, взаимопомощь [48]. Отдельно стоит отметить практическую значимость работ Джудит Ли, которая укоренила использование подхода, создав группы бездомных в Нью-Йорке, Хартфорде, Форт Майерсе (США) и Гайане (Южная Америка) [53].

В Орегоне существует проект «Dignity Village», который представляет собой обустроенный лагерь из 43 жилых строений. Малый размер и простота жилых помещений позволяют не тратить много сил и времени на поддержание чистоты и порядка, что освобождает человека для различных видов времяпровождения, например, для работы или общения. Дома оснащены всеми необходимыми удобствами. Некоторые жильцы особое внимание уделяют внешнему облагораживанию места своего проживания: делают рисунки на стенах, добавляют импровизированные элементы декора. В «Dignity Village» есть свой общественный сад, компьютерная комната, автостоянка. Каждый претендент на статус официального жильца деревни должен принять правила коммуны, которые включают в себя, к примеру, запрет на употребление наркотиков и спиртных напитков, а также прожить месяц испытательного срока. Жильцы «Деревни достоинства» в обязательном порядке

проводят не менее 10 часов в неделю на общественных работах на благо деревни. В целом можно сказать, что жители обладают более высокой степенью удовлетворенности своими социальными связями, а также демонстрируют низкие показатели по параметру «Печаль», однако имеют низкий общий показатель удовлетворенности жизнью [46].

На пути к разработке оснований для новой методологии обратимся к статье Е.Р. Ярской-Смирновой и коллег, посвященной анализу опыта поддержки бездомных волонтерами православного храма [42]. Работа с бездомными рассматривается авторами в негативном, нейтральном и позитивном аспектах. Негативный аспект высвечивает проблемы, связанные, например, с тем, что бездомный становится «невидимым» для социального работника, поскольку последний не осознает потребностей бездомного и находится в позиции ожидания просьбы или запроса. В таком случае работник слепо следует регламентам. Нейтральный аспект фокусируется на том, что помощь бездомным — это «рутинный процесс социального вспомоществования, обеспечивающий выживание нуждающихся категорий населения» [42, с. 47]. И наконец, позитивный аспект предполагает, что система помощи берет на себя функцию удовлетворения потребностей бездомного, что прописывается в нормативных документах.

Описанная стратегия хорошо фиксирует проблемные поля с трех сторон, оставаясь, однако, ориентированной на удовлетворение исключительно базовых потребностей, и не предполагает ни изменения их структуры, ни заботы о так называемой «метамотивации» [55]. «Бездомные адаптируются к невыносимым условиям существования, они умеют с ними справляться, но это ведет к тому,

что люди посвящают себя постоянному выживанию, не предпринимая каких-либо попыток значительно изменить свое положение» [35, с. 3]. Дефицитарные стратегии работы с бездомными закольцовываются в «порочном круге», где удовлетворенная потребность (в пище, одежде) или решенная проблема (восстановление документов) снова переходят в состояние неудовлетворенной нужды (голод) или появления повторной проблемы (утрача документов).

На противоположном полюсе работы выделяются стратегии, которые можно было бы назвать «ценностно-ориентированными». Они направлены на окультуривание бездомного, приобщение его к творчеству и духовным практикам. Вместе с этим использование исключительно таких стратегий ресоциализации также может оказаться неэффективным в долгосрочной перспективе. Это связано с тем, что бездомные, находясь в плену неудовлетворенных базовых потребностей, не имеют возможности покинуть логику выживания и возвыситься над условиями своей жизни, проявив тем самым «надситуативную активность» [32]. Учет этой необходимости в рамках разработки новой методологии помощи позволил бы сохранить личность бездомного в качестве субъекта, а не объекта помощи, т.е. есть оставлять ему возможность активной позиции.

Психологический аспект должен присутствовать в разрабатываемой методологии не просто как отдельный вид работы с бездомным (например, психологические консультации), но и пронизывать остальные аспекты помощи.

К примеру, место временного проживания, которое предоставляют людям без крова, должно обладать *дружественностью*, под которой понимается «мера соответствия существующих и воспри-

нимаемых возможностей среды потребностям находящегося в ней субъекта» [28, с. 73]. По степени дружелюбности автор выделяет четыре типа среды: *угрожающую, безопасную, дружественную и психотерапевтическую*. Наиболее удачной признается сочетание дружелюбной и психотерапевтической жизненной среды, подобный тип предполагает удовлетворение потребности «быть личностью», о которой рассуждает В.А. Петровский в своих работах [32, с. 147]. Реализация потребности в персонализации позволяет оценить, как группа или общество в целом влияют и регулируют развитие личности [18]. С.К. Нартова-Бочавер [29] говорит о том, что персонализация жизненного пространства является собой процесс изменения мира сообразно своим потребностям, такая форма организации жизни предполагает, что личность стремится выйти за рамки своего конечного бытия, оставить после себя след путем выражения себя через созидание. Иными словами, содействие формированию персонализированной социальной среды для бездомного крайне важно, потому как такая среда будет способствовать его изменениям, актуализируя потребности в самотрансценденции, созидании и развитии. Вероятно, хронотоп социальной ситуации бездомности может быть изменен путем актуализации у бездомного потребности в персонализированной социальной среде, а также путем ее реализации в программах помощи.

Принципы новой методологии комплексной системы помощи бездомному

Учета психологических эффектов того или иного вида помощи все же недостаточно для того, чтобы можно было

говорить о полноценной эффективной методологии. Поэтому необходима более детальная проработка методологических оснований.

На наш взгляд, понимание бездомности существенно расширит свои возможности благодаря использованию концепции хронотопа. Современные исследования хронотопа в обучении и образовании показывают, что на начальном этапе следует продумать и сделать более явным обоснование подходящих единиц анализа, поскольку такая теоретическая работа позволит «сделать видимыми» процессы, которые прежде могли ускользать от исследователей. Дж. Рителла и его коллеги указывают на специфические измерения хронотопа, такие как динамичность и дискурсивность [60]. Авторами особо подчеркивается взаимозависимость материальных и дискурсивных процессов, которые в нашей работе могут выражаться через социально-психологические категории «жилище», «дом» и связанные с ними динамические процессы «возвращения домой», «покидания дома» и др. В ответ на преобладающий в исследованиях бездомности дискурс ограничения внешних условий мы предлагаем опираться на *дискурс поиска возможностей социально-психологической ситуации*. Наконец, концептуализация единиц анализа, которые организуют работу пространственно-временных связей системы социальной ситуации бездомности, может быть реализована через обоснование психологических мишеней, влияющих на поведение бездомного.

В этой связи мы предлагаем опираться на методологические разработки Н.Н. Толстых [40], которые позволяют нам выделить следующие единицы анализа бездомности. Во-первых, ситуация социального неблагополучия человека, оставшегося без крова, приводит к раз-

рушению у него временной перспективы в виде искажения культурно сформированных представлений о времени (переживание вневременности). Во-вторых, в связи с утратой социальных связей и культурных способов проживания жизни у бездомного происходит расщепление мотивационно-смысловой системы личности (обесмысливание). В-третьих, вследствие физических и психологических травм, принятия алкоголя и наркотиков, плохого питания и т.п. у бездомного происходит распад саморегуляции и, как следствие, снижение воли как «психического органа будущего» (безволие) [40, с. 95]. В-четвертых, поскольку единицей анализа могут становиться и сами пространственно-временные отношения [60], бездомность представляет собой особый хронотоп, самоорганизующийся в ответ на реализацию таких узнаваемых «предлагаемых обстоятельств» («без крыши над головой»), в которых личность становится как бы заложником законов данной пространственно-временной системы.

Распад прежнего хронотопа существования личности (до бездомности) приводит к снижению ее адаптации и устойчивости, затрудняя или вовсе отключая возможность использования собственных ресурсов (психологических, предметно-материальных, социальных). Хронотоп бездомности предполагает, что жизнь, говоря словами Б. Акунина, повисает в «вечном сейчас». Это отсутствие «завтра» утверждает, с одной стороны, закрытость будущего, а с другой стороны, открывает субъекту переживание свободы. В этом смысле задача поддержки бездомного человека не может сводиться только лишь к предоставлению ему тех или иных материальных благ и иных видов инструментальной помощи. Комплексная реабилитация бездомного должна быть призвана

вернуть ему его жизнь с ее прошлым, настоящим и будущим, а также восстановить его переживание ответственности и осознанности в отношении собственных поступков и решений. Предлагаемый взгляд на бездомность возвращает «невидимую» личность и позволяет рассматривать ее как активного субъекта хронотопа бездомности.

Здесь мы предлагаем обратиться к идеям Л.С. Выготского о развитии в ситуации инвалидности [11], которые получили свое продолжение в работах Д.А. Леонтьева и коллег. Речь идет о том, что ситуация бездомности может быть рассмотрена в ряду затрудненных условий развития (ЗУР), то есть в качестве обстоятельств, при которых биологические и/или социальные предпосылки развития личности оказываются по каким-то причинам ниже оптимального уровня [2; 21; 24]. Благодаря такому ракурсу мы можем рассматривать ситуацию бездомности как внешнюю по отношению к личности, как ситуацию, которая может быть преодолена через обращение к ресурсам, в том числе к психологическим ресурсам личности [25]. Подобный методологический прием позволяет нам также «вынести за скобки» субъекта бездомности, открыв ему возможность творческой свободы по отношению к своей жизни. Данная возможность открывается субъекту с особой жизненной позицией.

Согласно Д.А. Леонтьеву [26], жизненная позиция наряду с объективными предпосылками определяет тип качества жизни (далее — КЖ). В случае бездомного внешние условия существования (низкий социальный статус, затрудненный доступ к предметам удовлетворения базовых потребностей и т.п.) определяют низкие возможности среды к обеспечению высокого качества жизни.

Однако субъект обладает определенной степенью свободы в том, каким образом он ответит на вызовы неблагоприятных внешних условий: займет ли он более пассивную позицию, минимизируя усилия (дефицитарное КЖ), или проявит готовность к активному действию и инициативе (компенсированное КЖ). В случае компенсированного КЖ речь идет об активации ресурсов субъектности, под которыми можно понимать личностный потенциал бездомного.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее эффективными являются организации, использующие комплексный подход к решению проблемы бездомности и опирающиеся на результаты современных социально-психологических разработок в области пространственно-временной организации образа мира субъекта [40]. На основании анализа практик работы с бездомными предлагается комплексная модель помощи, реализующая идею возвращения субъектности бездомному:

1. *Принцип удержания активности на стороне субъекта.* Данный принцип предполагает, что запрос должен предшествовать акту получения помощи. На уровне реальной практики это реализуется в том, что бездомный определяет и озвучивает собственные нужды, а также предпринимает активные действия для их удовлетворения. Со стороны организации требуется обеспечение условий, в которых та или иная потребность может быть удовлетворена, однако субъект получения помощи должен оставаться в активной позиции [23; 26]. В качестве примера можно привести такую организацию психологической работы, в рамках которой на базе приютов или иных организаций с бездомными проводятся серии лекций по психологической самопомощи с целью обучения их элементарным на-

выкам психологической работы с собой. В результате бездомные самостоятельно определяют то, каким образом они будут в дальнейшем использовать полученные навыки самопомощи. Такой вид работы может быть организован через объединения с университетами, студентам которых требуется пройти обязательную производственную практику, что является экономически выгодным вариантом и не требует поиска и привлечения сотрудников-психологов для работы на постоянной основе.

2. *Принцип усилия со стороны субъекта.* Данный принцип предполагает формирование (или восстановление) у бездомного новых потребностей путем использования обходных путей — дополнительных условий, предполагающих, что субъект прикладывает усилия для достижения своей первоначальной цели. При этом совершаемое усилие не выходит за рамки актуальных возможностей, но бросает личности вызов, оптимальный имеющимся силам и ресурсам [24; 25]. К примеру, для получения порции обеда в пункте общественного питания работники могут попросить посетителя в обязательном порядке постирать и высушить свои вещи в специально оборудованной комнате. Выполнение этой деятельности, в свою очередь, создает такую ситуацию, в которой условие удовлетворения текущей потребности (постирать вещи) может стать контекстом формирования новой потребности более высокого порядка (гигиенические нужды). Преобразование ситуации пассивного удовлетворения потребности (в пище) в ситуацию, требующую включения в активную деятельность, предполагает возвращение утраченного культурного средства (гигиена), что в последующем может приводить к трансформации структуры мотивов (превращению средства в цель [43],

сдвигу мотива на цель [22]) и далее — к личностным изменениям. По аналогии с этим можно предлагать бездомному реализовывать различные общественно полезные практики — помогать на кухне, заниматься уборкой столов и т.д.

3. *Принцип поддержания надситуативной активности* [32]. Несмотря на то, что помощь в удовлетворении базовых потребностей является несомненной задачей для многих организаций помощи бездомным, этого оказывается недостаточно для возвращения человека с улицы. Немаловажную роль играет стимулирование и обеспечение условий для проявления бездомным активности, которая выходит за пределы наличной ситуации, позволяет творчески относиться к текущей реальности, выступить субъектом смыслообразования. «Надситуативный уровень устремленности характеризуется более полным, избыточным по отношению к смысложизненным ситуациям самоосуществлением; трансцендентностью» [1, с. 4]. Тяжелые внешние условия жизни, не благоприятствующие высокому качеству жизни и субъективному благополучию, могут быть скомпенсированы осмысленностью жизни, реализацией творческого потенциала [26]. Примером проявления надситуативной активности может выступить использование духовных практик (молитва, медитация), а также вовлечение в творческую деятельность. В обоих случаях личность получает возможность выйти из контекста, в котором смыслообразование заходит в тупик, и обратиться к другой системе координат, из которой возможно осмыслить текущее положение дел в ином ключе, обнаружить новые возможности отношения к ситуации.

4. *Принцип опоры на личность, ее потенциал и возможности.* Важной установкой, которую необходимо иметь при

разработке программы помощи бездомным, должен стать переход от логики центрации на обездоленности к логике раскрытия личностного потенциала человека. В той ситуации, когда отношения с миром выстраиваются вокруг собственных целей и задач, поставленных личностью, то и ограничения, задаваемые внешними причинами (бездомностью), могут быть рассмотрены в терминах преодоления. Тогда и компенсация негативных последствий бездомности способна повернуть на путь раскрытия потенциала личности [21]. На практике данный принцип предполагает индивидуальный подход, выявляющий ресурсы [45] и сильные стороны личности бездомного [49]. Например, привлечение к общественно полезной деятельности может реализовываться не только в поиске места работы вне организации помощи, но в формате включения активных бездомных в деятельность коммуны проживающих приюта. Так, бездомные в дальнейшем могут получить официальное трудоустройство в приюте или даже занять административные должности в рамках организации по ресоциализации бездомных.

5. *Принцип поддержки и организации социальных отношений.* Эффективность социальной реабилитации бездомного во многом может определяться изменением социальных связей и отношений человека [38]. Во многом это подразумевает перестройку формы текущих отношений, а также построение новых связей коммуникации. В среде бездомных социальные связи строятся вокруг удовлетворения базовых потребностей, являются временными, непрочными, участники звена социальной сети не несут по отношению друг к другу фактически никаких обязанностей. Организация социальных отношений в рамках реабилитационных программ должна учитывать функциональное ядро,

вокруг которого строится продуктивная связь, т.о е.сть коммуникация в реабилитационной среде должна строиться вокруг задачи преодоления ситуации бездомности. Среди возможных форм социальных отношений можно выделить следующие: 1) бездомный-бездомный, 2) бездомный-волонтер, 3) бездомный как источник социальной поддержки. Наилучшим примером отношений первого типа является построение семьи. В домах трудолюбия проживающие нередко образуют семейные пары, что, во-первых, улучшает качество эмоциональной поддержки, а во-вторых, формирует крепкую финансовую и социальную опору для окончательного выхода из маргинальной группы. Еще одной формой продуктивных социальных отношений являются отношения бездомного и волонтера. Помимо регламентированного исполнения волонтером своей работы он также является связующей фигурой между средой бездомности и миром, находящимся за ее пределами, при этом по своей принадлежности волонтер относится именно ко второй категории. Контакт между волонтером и бездомным может привести к изменениям в структуре личности последнего, в его системе мотивов, ценностей, открыть перспективы для самоизменения через представление образа социально адаптивного человека, к которому бездомный может стремиться. Наконец, последняя выделяемая категория относится к случаю, когда бездомный, успешно преодолевший собственную неблагополучную ситуацию, принимает участие в работе организаций по социальной реабилитации. В таком контексте человек предстает в качестве носителя необходимых знаний, полученных на собственном опыте, за счет чего обладает большим авторитетом в вопросе преодоления бездомности и может оказывать необходимую поддержку людям без

крова, которые находятся на более ранних этапах ресоциализации.

6. *Принцип полисистемности* [6]. Бездомный понимается как человек, который входит в обширную систему разноуровневых отношений с миром, где может проявлять себя одновременно и как носитель биологических потребностей, и как представитель определенного социального круга, и как верующий человек и т.д. Такой подход к рассмотрению человека без крова подразумевает необходимость оказания многоаспектной помощи, которая по возможности интегрирует разноуровневые практики (обеспечение пищей, кровом, включение в сообщество, обеспечение рабочей деятельностью, духовные практики и т.д.) в единый комплекс ресоциализации. Аспекты предоставляемой помощи могут осознаваться не как набор изолированных практик, каждая из которых направлена на одну мишень, но как связанные с другими уровнями функционирования и «работающие» сразу на несколько мишеней. К примеру, изменение пространственно-средовых характеристик пункта помощи бездомным (приют/столовая/ночлег и т.д.) оказывает влияние не только на обеспечение безопасного места пребывания, но и формирует психологическую атмосферу: определяет психоэмоциональное состояние бездомного, ощущение им собственной ценности. Кроме того, эстетические характеристики пространства предъявляют особые требования к человеку, который становится пользователем его благ, бросают ему вызов соответствия среде.

Заключение

Предложенный подход построен, с одной стороны, на методологических

основаниях современной социальной психологии и психологии личности, а с другой — на рефлексии реально реализованных практик помощи бездомным. Данная комплексная модель помощи бездомным реализует идею возвращения «невидимой» прежде личности в дискурс помощи со стороны социальных организаций, психологов, волонтеров. Особенностью предложенной модели является акцент на бездомном как активном участнике процесса получения помощи. Задача возвращения утраченной субъектности бездомному становится здесь системообразующей и позволяет, во-первых, абстрагироваться актору помощи от бесперспективного мира дефицита и обездоленности адресата помощи, во-вторых, открывает возможности использования конкретных практик (творческих, психотерапевтических, религиозных, ресурсных, просвещенческих и др.) для реализации свободного потенциала личности бездомного. Кроме того, восстановление временной перспективы и пространственной организации социальной ситуации бездомности открывает возможности для построения нового хронотопа возрожденной жизни, а опора на вышеприведенные принципы позволяет помочь ему занять активную деятельную позицию в отношении собственной жизни и стать полноправным *субъектом преодоления* ситуации бездомности.

Обсуждаемая модель помощи бездомному на данный момент имеет характер методологической разработки, следовательно, нуждается в дополнительных исследованиях и может быть доработана и конкретизирована в рамках конкретных типов организаций и их частных задач.

Литература

1. Абдалина Л.В. Некоторые аспекты исследования инновационной направленности личности // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 3–2. С. 4–7.
2. Александрова Л.А., Лебедева А.А., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Личностные ресурсы преодоления затрудненных условий развития // Личностный потенциал: Структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 579–610.
3. Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 52–60.
4. Альтшулер В.Б., Кашин А.В., Кравченко С.Л. Клинико-психологические особенности бездомных лиц больных алкоголизмом // Вопросы наркологии. 2010. № 3. С. 9–20.
5. Антонова Н.С. К характеристике причин бездомности в современной России // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 5. С. 220–224.
6. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
7. Астэр И., Кучукова Н., Судакова Г. Социальная работа как служение. История, современные практики, перспективные направления. СПб.: Litres, 2019. 304 с.
8. Бедрицкая Д.В. Личность и особенности саморегуляции бездомных (на примере жителей дома трудолюбия «Ной»): выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 95 с.
9. Виноградова Г.В. Моральная карьера бездомного человека в рамках социологии повседневности: предварительные выводы // Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности» (г. Москва, 20 мая–14 ноября 2020 г.) / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 60–64.
10. Витко Ю.С. Культурно-исторический подход к изучению духовного измерения личности бездомного: курс. раб. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 162 с.
11. Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
12. Дадаева Т.М., Спиридонова К.М. На обочине жизни: феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 118–123.
13. Ефремова М.В., Полуэктова О.В. Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими характеристиками личности // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 118–136. DOI:10.17759/sps.2019100308
14. Казакова А.Ю. Модель Housing First в западной социальной политике преодоления бездомности // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 357–367.
15. Клюева Н.Ю. Динамика инволюции качеств бездомного человека: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. 224 с.
16. Клюева Н.Ю., Иванин Д.А. Сотрудничество волонтерских и профессиональных организаций. Новые формы волонтерской работы в деле помощи бездомным людям в России и окончании бездомности (Доклад) [Электронный ресурс] // Материалы международной конференции «Добровольничество: совершенствуя общество, развиваем себя» (г. Москва, 21–23 мая 2019 г.). URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/275850173> Место издания, издательство, год, страницы (дата обращения: 26.11.2021).
17. Коваленко Е.А. Бездомность: есть ли выход? / Под ред. Е. Коваленко, Е. Строковой. М.: Фонд «Институт экономики города», 2013. 132 с. Город:
18. Кондратьев М.Ю., Кондратьева А. Научная психологическая школа А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Развитие личности. 2014. № 2. С. 198–209.
19. Кузинер Е.Н. Пойду домой, домой это значит в подвал: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298.

20. *Кусков И.В.* Организация приютов для бездомных людей / АНО «Теплый прием». М.: Капитал Пресс, 2021. 456 с.
21. *Лебедева А.А.* Инвалидность как вызов личностному развитию: парадоксальная диалектика ограниченности и благополучия // Обратная сторона Луны, или что мы НЕ знаем об инвалидности: антропологический взгляд / Под ред. А.С. Корленковой, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МВА Publisher, 2018. С. 75–92.
22. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
23. *Леонтьев Д.А.* Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. № 3. С. 136–153.
24. *Леонтьев Д.А.* Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 97–106.
25. *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
26. *Леонтьев Д.А.* Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. № 41(6). С. 86–95.
27. *Молчанов А.А.* Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики // Отечественный журнал социальной работы. 2007. № 4. С. 43–52.
28. *Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. № 4. С. 71–83.
29. *Нартова-Бочавер С.К.* Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. № 40(5). С. 15.
30. *Осинский И.И., Хабаева И.М., Балдаева И.Б.* Бездомные — социальное дно общества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58.
31. *Павленок П.Д.* Бездомность // Российская энциклопедия социальной работы / Под ред. Е.И. Холостовой, А.М. Пановой. М.: Институт социальной работы, 1997. С. 44–47.
32. *Петровский В.А.* Активная неадаптивность или Человек над ситуацией // Методология психологии: проблемы и перспективы / Под ред. Ф.Е. Василюка, В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. СПб: «Центр гуманитарных инициатив», 2012. С. 305–362.
33. *Петропавлова Л.В.* Бездомные как особая социальная группа // Аллея науки. 2020. № 7. С. 147–150.
34. *Плешакова О.В.* Психосоциальные технологии в работе с лицами БОМЖ в учреждениях социальной защиты // XIII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов. Пенза, 2011. С. 44–51.
35. *Прыкина Ю.Ю.* Стратегии и ресурсы адаптации бездомных // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. С. 1–7.
36. *Слободенюк Е.Д.* Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4(28). С. 26–38.
37. *Соколов Д.* От бродяг нельзя отмахнуться милицейской дубинкой // Новое время. 2002. № 23. С. 52–61.
38. *Соловьева З.Р.* Реабилитация бездомных: исследование «ночлежки» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 92–108.
39. *Тальнев В.Е., Хвоин Н.Н.* К вопросу сущностного определения понятия «бездомный»: исторический генезис // Власть. 2021. № 3. С. 181–189.
40. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. М., Универсум, 2018. 292 с.
41. *Эксакусто Т.В.* Проблема обеспечения социально-психологической безопасности личности // Российский психологический журнал. 2008. № 5(3). С. 35–43.

42. Ярская-Смирнова Е.П., Оберемко О.А., Кононенко Р.В., Ярская В.Н., Рожкова О., Григорьева О.А., Любимова А.Д., Давыдова И. Образы социальной работы: социокультурная рефлексия / Под ред. Е.П. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2016. С. 36–86.
43. Allport G.W. The Functional Autonomy of Motives // *American Journal of Psychology*. 1937. Vol. 50. P. 141–156. DOI:10.2307/1416626
44. Anderson M.C., Hazel A., Perkins J.M., Almquist Z.W. The Ecology of Unsheltered Homelessness: Environmental and Social-Network Predictors of Well-Being among an Unsheltered Homeless Population // *International journal of environmental research and public health*. 2021. Vol. 18. № 14. P. 1–22. DOI:10.3390/ijerph18147328
45. Ahuja N.J., Nguyen A., Winter S.J., Freeman M., Shi R., Rodriguez Espinosa P., Heaney C.A. Well-Being Without A Roof: Examining Well-Being Among Unhoused Individuals Using Mixed Methods and Propensity Score matching // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. № 19. P. 1–13. DOI:10.3390/ijerph17197228
46. Biswas-Diener R., Diener E.D. The Subjective Well-Being of The Homeless, And Lessons for Happiness // *Social Indicators Research*. 2006. № 2. P. 185–205. DOI:10.1007/s11205-005-8671-9
47. Clover D. Successes and Challenges of Feminist Arts-Based Participatory Methodologies with Homeless/Street-Involved Women in Victoria // *Action Research*. 2011. № 1. P. 12–26. DOI:10.1177/1476750310396950
48. Cohen M.B. Overcoming Obstacles to Forming Empowerment Groups: A Consumer Advisory Board for Homeless Clients // *Social Work*. 1994. № 6. P. 742–749. DOI:10.1093/sw/39.6.742
49. Cooley S.J., Quinton M.L., Holland M.J.G., Parry B.J., Cumming J. The Experiences of Homeless Youth When Using Strengths Profiling to Identify Their Character Strengths // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 1–16. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02036
50. Davis J. Building from The Scraps: Art Therapy Within A Homeless Community // *Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association*. 1997. № 14. P. 210–213. DOI:10.1080/07421656.1987.10759284
51. Drury L.J. From Homeless to Housed: Caring for People in Transition // *Journal of Community Health Nursing*. 2008. № 2. P. 91–105. DOI:10.1080/07370010802017109
52. Huber M.A., Brown L.D., Metzger R.N., Stam M., Van Regenmortel T., Abma T.N. Understanding How Engagement in A Self-Managed Shelter Contributes to Empowerment // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2020. Vol. 30. № 5. P. 516–529. DOI:10.1002/casp.2460
53. Lee J.A. *The Empowerment Approach to Social Work Practice*. Columbia University Press, 2001. P. 1–9.
54. Levinson D. *Encyclopedia of Homelessness*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. 2004. Vol. 1(2). DOI:10.4135/9781412952569
55. Maslow A.H. *Toward A Psychology of Being*. N.Y.: Van Nostrand, 1968.
56. Moya E.M., Chavez-Baray S.M., Loweree J., Mattera B., Martinez N. Adults Experiencing Homelessness in the US–Mexico Border Region: A Photovoice Project // *Frontiers in Public Health*. 2017. Vol. 5. P. 1–12. DOI:10.3389/fpubh.2017.00113
57. Mullender A., Ward D. *Self-Directed Group Work: Users Take Action for Empowerment*. Whiting & Birch, 1991.
58. O'Shaughnessy B.R., Michelle Greenwood R. Empowering Features and Outcomes of Homeless Interventions: A Systematic Review and Narrative Synthesis // *American journal of community psychology*. 2020. Vol. 66. № 1–2. P. 144–165. DOI:10.1002/ajcp.12422
59. Rathod S.D., Guise A., Annand P.J., Hosseini P., Williamson E., Miners A., Bowgett K., Burrows M., Aldridge R.W., Luchenski S., Menezes D., Story A., Hayward A., Platt L. Peer Advocacy and Access to Healthcare for People Who Are Homeless in London, UK: A Mixed Method Impact, Economic And Process Evaluation Protocol // *BMJ open*. 2021. Vol. 11. № 6. P. 1–9. DOI:10.1136/bmjopen-2021-050717

60. Ritella G., Rajala A., Renshaw P. Using chronotope to research the space-time relations of learning and education: Dimensions of the unit of analysis // Learning, Culture and Social Interaction. 2020. DOI:10.1016/j.lcsi.2020.100381
61. Sen A. Inequality Reexamined. Oxford: Oxford University Press, 1992.
62. Sheridan M.J., Gowen N., Halpin S. Developing A Practice Model for The Homeless Mentally Ill // Families in Society. 1993. No. 74(7). P. 410–421. DOI:10.1177/104438949307400703
63. Tan Z., Mun E.Y., Nguyen U.S.D., Walters S.T. Increases in Social Support Co-Occur with Decreases in Depressive Symptoms and Substance Use Problems Among Adults in Permanent Supportive Housing: An 18-Month Longitudinal Study // BMC psychology. 2021. Vol. 9. № 1. P. 1–13. DOI:10.1186/s40359-020-00507-0

References

1. Abdalina L.V. Nekotorye aspekty issledovaniya innovatsionnoi napravlenosti lichnosti [Some aspects of the study of the innovative orientation of the individual]. *Vestnik Voronezhskogo gosdarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 2014, no. 3–2, pp. 4–7. (In Russ.).
2. Alexandrova L.A., Lebedeva A.A., Leontyev D.A., Rasskazova E.I. Lichnostnye resursy preodoleniya zatrudnennykh uslovii razvitiya [Personal resources for overcoming difficult conditions of development]. In Leontyev D.A. (ed.). *Lichnostnyi potentsial: Struktura i diagnostika [Personal potential: Structure and diagnostics]*. Moscow: Meaning, 2011, pp. 579–610. (In Russ.).
3. Alexeeva L.S. Bezdomnye kak ob"ekt sotsial'noi diskreditatsii [Homeless people as an object of social discrediting]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2003, no. 9, pp. 52–60. (In Russ.).
4. Altshuler V.B., Kashin A.V., Kravchenko S.L. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti bezdomnykh lits bol'nykh alkogolizmom [Clinical and psychological characteristics of homeless persons with alcoholism]. *Voprosy narkologii = Questions of narcology*, 2010, no. 3, pp. 9–20. (In Russ.).
5. Antonova N.S. K kharakteristike prichin bezdomnosti v sovremennoi Rossii [To characterize the causes of homelessness in modern Russia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2010, no. 5, pp. 220–224. (In Russ.).
6. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Personality psychology: cultural and historical understanding of human development]. Moscow: Smysl, 2007. 528 p. (In Russ.).
7. Aster I., Kuchukova N., Sudakova G. Sotsial'naya rabota kak sluzhenie. Istoriya, sovremennye praktiki, perspektivnye napravleniya [Social work as ministry. History, modern practices, promising directions]. Saint-Petersburg: Litres, 2019. 304 p. (In Russ.).
8. Bedritskaya D.V. Lichnost' i osobennosti samoregulyatsii bezdomnykh (na primere zhitelei doma trudolyubiya "Noi") [Personality and features of self-regulation of the homeless (for residents of the house of industriousness «Noah»)]; Bachelor's thesis. Moscow: NRU HSE, 2019. 95 p. (In Russ.).
9. Vinogradova G.V. Moral'naya kar'era bezdomnogo cheloveka v ramkakh sotsiologii povsednevnosti: predvaritel'nye vyvody [Moral career of a homeless person in the framework of the sociology of everyday life: preliminary conclusions]. Materials of the desyatoi international sociological Grushin conference "*Zhit' v Rossii. Zhit' v mire. Sotsiologiya povsednevnosti*" (g. Moskva, 20 maya–14 noyabrya 2020 g.) [Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference "*Living in Russia. Live in peace. Sociology of Everyday Life*"], 2020, pp. 60–64. (In Russ.).
10. Vitko Yu.S. Kul'turno-istoricheskii podhod k izucheniyu dukhovnogo izmereniya lichnosti bezdomnogo [A cultural-historical approach to study of the spiritual dimension of homeless person]; Course-work thesis. Moscow: NRU HSE, 2020. 162 p. (In Russ.).
11. Vygotsky L.S. Osnovy defektologii [Fundamentals of defectology]. Saint-Petersburg: Lan, 2003. 654 p. (In Russ.).

12. Dadaeva T.M., Spiridonova K.M. Na obochine zhizni: fenomen marginala v gorodskoi srede [On the sidelines of life: the phenomenon of marginality in the urban environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2017, no. 8, pp. 118–123. (In Russ.).
13. Efremova M.V., Poluektova O.V. Vzaimosvyaz' vzrosloi i detskoj bednosti s psikhologicheskimi kharakteristikami lichnosti [The relationship of adult and childhood poverty with the individual psychological characteristics]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 118–136. DOI:10.17759/sps.2019100308 (In Russ.).
14. Kazakova A.Yu. Model' Housing First v zapadnoi sotsial'noi politike preodoleniya bezdomnosti [The Housing First Model in Western Social Policy to Overcome Homelessness]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Research*, 2020, no. 18(2), pp. 357–367. (In Russ.).
15. Klyueva N.Yu. Dinamika involyutsii kachestv bezdomnogo cheloveka. Diss. kand. psikhol. nauk. [Dynamics of involution of the qualities of a homeless person. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 224 p. (In Russ.).
16. Klyueva N.Yu., Ivanin D.A. Sotrudnichestvo volonterskikh i professional'nykh organizatsii. Novye formy volonterskoj raboty v dele pomoshchi bezdomnym lyudyam v Rossii i okonchaniy bezdomnosti (Report) [Elektronnyy resurs] [Collaboration between volunteer and professional organizations. New forms of volunteer work in helping homeless people in Russia and ending homelessness]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Dobrovol'nichestvo: sovershenstvuyaya obshchestvo, razvivaem sebya" (g. Moskva, 21–23 maya 2019 g.)* [Proceeding of the International Conference "Volunteerism: improving society, developing ourselves"]. URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/275850173> (Accessed: 26.11.2021).
17. Kovalenko E.A. Bezdomnost': est' li vykhod? [Homelessness: is there any exit from it?]. In Kovalenko E.A., Strokovaya E.L. (ed.). Moscow: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2013. 132 p. (In Russ.).
18. Kondratiev M.Yu., Kondratieva A. Nauchnaya psikhologicheskaya shkola A.V. Petrovskogo v Moskovskom gorodskom psikhologo-pedagogicheskom universitete [Scientific psychological school of A.V. Petrovsky at the Moscow City University of Psychology and Education]. *Razvitie lichnosti = Personal Development*, 2014, no. 2, pp. 198–209. (In Russ.).
19. Kuziner E.N. «Poidu domoi, domoi eto znachit v podval»: povsednevnyye praktiki i strategii vyzhivaniya bezdomnykh zhenshchin [“I'll go home, home means to the basement”: everyday practices and strategies for the survival of homeless women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change*, 2020, no. 4, pp. 273–298. (In Russ.).
20. Kuskov I.V. Organizatsiya priyutov dlya bezdomnykh lyudei [Organization of shelters for homeless people]. ANO «Teplyi priem». Moscow: Kapital Press, 2021. 456 p. (In Russ.).
21. Lebedeva A.A. Invalidnost' kak vyzov lichnostnomu razvitiyu: paradoksal'naya dialektika ograniченности i blagopoluchiya [Disability as challenging development: the paradoxical dialectic of limitation and well-being]. In Korlenkova A.S., Nosenko-Stein E.E. (ed.). *Obratnaya storona Luny, ili chto my NE znaem ob invalidnosti: antropologicheskii vzglyad [The other side of the moon, or what we do not know about disability: theory, ideas, practice]*. Moscow: MBA Publisher, 2018, pp. 75–92. (In Russ.).
22. Leontiev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p. (In Russ.).
23. Leontiev D.A. Chto daet psikhologii ponyatie sub"ekta: sub"ektnost' kak izmerenie lichnosti [What gives psychology the concept of personality: subjectivity as a measurement]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and philosophy of science*, 2010, no. 3, pp. 136–153. (In Russ.).
24. Leontiev D.A. Razvitie lichnosti v norme i v zatrudnennykh usloviyakh [Development of personality in norm and in difficult conditions]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014, no. 3, pp. 97–106. (In Russ.).

25. Leontiev D.A. Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyi potentsial [Self-regulation, resources and personal potential]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal*, 2016, no. 62, pp. 18–37. (In Russ.).
26. Leontiev D.A. Kachestvo zhizni i blagopoluchie: ob"ektivnye, sub"ektivnye i sub"ektivnye aspekty [Quality of life and well-being: objective, subjective and subjective aspects]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2020, no. 41(6), pp. 86–95. (In Russ.).
27. Molchanov A.A. Bezdomnost' v Rossii: kompleksnyi analiz i tekhnologiya profilaktiki [Homelessness in Russia: a comprehensive analysis and prevention technology]. *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty = Domestic journal of social work*, 2007, no. 4, pp. 43–52. (In Russ.).
28. Nartova-Bochaver S.K., Dmitrieva N.S., Reznichenko S.I., Kuznetsova V.B., Braginets E.I. Metod otsenki druzhestvennosti zhilishcha: oprosnik "Funktional'nost' domashnei sredy" [Method for assessing the friendliness of the home: the questionnaire "Functionality of the home environment"]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2015, no. 4, pp. 71–83. (In Russ.).
29. Nartova-Bochaver S.K. Zhiznennaya sreda kak istochnik stressa i resurs ego preodoleniya: vozvrashayas' k psikhologii povsednevnosti [Living environment as a source of stress and a resource for overcoming it: returning to the psychology of everyday life]. *Psychological journal = Psychological journal*, 2019, no. 40(5), pp. 15–26. (In Russ.).
30. Osinsky I.I., Khabaeva I.M., Baldaeva I.B. Bezdomnye – sotsial'noe dno obshchestva [Homeless – the social bottom of society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2003, no. 1, pp. 53–58. (In Russ.).
31. Pavlenok P.D. Bezdomnost' [Homelessness]. In Kholostova E.I., Panova A.M. (ed.). *Rossiiskaya entsiklopediya sotsial'noi raboty [Russian Encyclopedia of Social Work]*. Moscow: Institute of Social Work, 1997, pp. 44–47. (In Russ.).
32. Petrovsky V.A. Aktivnaya neadaptivnost' ili Chelovek nad situatsiei [Active non-adaptability or Man over the situation]. In Vasilyuk V.E., Zinchenko V.P., Meshcheryakova B.G. (ed.) *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy [Methodology of psychology: problems and prospects]*. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2012, pp. 305–362. (In Russ.).
33. Petropavlova L.V. Bezdomnye kak osobaya sotsial'naya gruppa [Homeless as a special social group]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2020, no. 7, pp. 147–150. (In Russ.).
34. Pleshakova O.V. Psikhosotsial'nye tekhnologii v rabote s litsami BOMZh v uchrezhdeniyakh sotsial'noi zashchity [Psychosocial technologies in working with homeless people in social protection institutions]. XIII Sotsiologicheskie chteniya prepodavatelei, aspirantov i studentov [XIII Sociological readings of teachers, graduate students and students]. Penza, 2011, pp. 44–51. (In Russ.).
35. Prykina Yu.Yu. Strategii i resursy adaptatsii bezdomnykh [Strategies and resources for adaptation of the homeless]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. NI Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2004, pp. 1–7. (In Russ.).
36. Slobodenyuk E.D. Glubokaya bednost' v Rossii: spetsifika ob"ektivnogo i sub"ektivnogo polozheniya i zaprosy k sotsial'noi politike [Deep Poverty in Russia: Specificity of the Objective and Subjective Position and Requests for Social Policy]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*, 2019, no. 7(4(28)), pp. 26–38. (In Russ.).
37. Sokolov D. Ot brodyag nel'zya otmaknut'sya militseiskoi dubinkoi [Tramps cannot be dismissed with a police baton]. *Novoe vremya = New time*, 2002, no. 23, pp. 52–61. (In Russ.).
38. Solovyova Z.R. Reabilitatsiya bezdomnykh: issledovanie "nochlezhki" [Rehabilitation of the homeless: a study of the "shelter"]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2001, no. 3, pp. 92–108. (In Russ.).
39. Talynev V.E., Khvoyn N.N. K voprosu sushchnostnogo opredeleniya ponyatiya «bezdomnyi»: istoricheskii genezis [On the issue of the essential definition of the concept of "homeless": historical genesis]. *Vlast' = Power*, 2021, no. 3, pp. 181–189. (In Russ.).

40. Tolstykh N.N. Hronotop: kul'tura i ontogenez [Chronotope: culture and ontogenesis]. Moscow: Universum, 2018. 292 p. (In Russ.).
41. Exacusto T.V. Problema obespecheniya sotsial'no-psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti [The problem of ensuring the social and psychological security of the individual]. *Russian psychological journal = Russian psychological journal*, 2008, no. 5(3), pp. 35–43. (In Russ.).
42. Yarskaya-Smirnova E.R., Oberemko O.A., Kononenko R.V., Yarskaya V.N., Rozhkova O., Grigorieva O.A., Lyubimova A.D., Davydova I. Obrazy sotsial'noi raboty: sotsiokul'turnaya refleksiya [Images of social work: Sociocultural Reflection]. In Yarskoy-Smirnova E.R. (eds.). Moscow: LLC "Variant", 2016, pp. 36–86. (In Russ.).
43. Allport G.W. The functional autonomy of motives. *American Journal of Psychology*, 1937. Vol. 50, pp. 141–156. DOI:10.2307/1416626
44. Anderson M.C., Hazel A., Perkins J.M., Almquist Z.W. The Ecology of Unsheltered Homelessness: Environmental and Social-Network Predictors of Well-Being among an Unsheltered Homeless Population. *International journal of environmental research and public health*, 2021. Vol. 18, no. 14, pp. 1–22. DOI:10.3390/ijerph18147328
45. Ahuja N.J., Nguyen A., Winter S.J., Freeman M., Shi R., Rodriguez Espinosa P., Heaney C.A. Well-being without a roof: examining well-being among unhoused individuals using mixed methods and propensity score matching. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 19, pp. 1–13. DOI:10.3390/ijerph17197228
46. Biswas-Diener R., Diener E.D. The subjective well-being of the homeless, and lessons for happiness. *Social Indicators Research*, 2006, no. 2, pp. 185–205. DOI:10.1007/s11205-005-8671-9
47. Clover D. Successes and challenges of feminist arts-based participatory methodologies with homeless/street-involved women in Victoria. *Action Research*, 2011, no. 1, pp. 12–26. DOI:10.1177/1476750310396950
48. Cohen M.B. Overcoming obstacles to forming empowerment groups: A consumer advisory board for homeless clients. *Social Work*, 1994, no. 6, pp. 742–749. DOI:10.1093/sw/39.6.742
49. Cooley S.J., Quinton M.L., Holland M.J.G., Parry B.J., Cumming J. The Experiences of Homeless Youth When Using Strengths Profiling to Identify Their Character Strengths. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, pp. 1–16. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02036
50. Davis J. Building from the scraps: Art therapy within a homeless community. *Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association*, 1997, no. 14, pp. 210–213. DOI:10.1080/07421656.1987.10759284
51. Drury L.J. From homeless to housed: Caring for people in transition. *Journal of Community Health Nursing*, 2008, no. 2, pp. 91–105. DOI:10.1080/07370010802017109
52. Huber M.A., Brown L.D., Metzger R.N., Stam M., Van Regenmortel T., Abma T.N. Understanding how engagement in a self-managed shelter contributes to empowerment. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2020. Vol. 30, no. 5, pp. 516–529. DOI:10.1002/casp.2460
53. Lee J.A. The empowerment approach to social work practice. Columbia University Press, 2001, pp. 1–9.
54. Levinson D. Encyclopedia of homelessness. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc, 2004. Vol. 1(2). DOI:10.4135/9781412952569
55. Maslow A.H. Toward a psychology of Being. N.Y.: Van Nostrand, 1968.
56. Moya E.M., Chavez-Baray S.M., Loweree J., Mattera B., Martinez N. Adults experiencing homelessness in the US–Mexico Border region: A photovoice project. *Frontiers in Public Health*, 2017. Vol. 5, pp. 1–12. DOI:10.3389/fpubh.2017.00113
57. Mullender A., Ward D. Self-Directed Group Work: Users Take Action for Empowerment. Whiting & Birch, 1991.
58. O'Shaughnessy B.R., Michelle Greenwood R. Empowering features and outcomes of homeless interventions: A systematic review and narrative synthesis. *American journal of community psychology*, 2020. Vol. 66, no. 1–2, pp. 144–165. DOI:10.1002/ajcp.12422

59. Rathod S.D., Guise A., Annand P.J., Hosseini P., Williamson E., Miners A., Bowgett K., Burrows M., Aldridge R.W., Luchenski S., Menezes D., Story A., Hayward A., Platt L. Peer advocacy and access to healthcare for people who are homeless in London, UK: a mixed method impact, economic and process evaluation protocol. *BMJ open*, 2021. Vol. 11, no. 6, pp. 1–9. DOI:10.1136/bmjopen-2021-050717
60. Ritella G., Rajala A., Renshaw P. Using chronotope to research the space-time relations of learning and education: Dimensions of the unit of analysis. *Learning, Culture and Social Interaction*, 2020. DOI:10.1016/j.lcsi.2020.100381
61. Sen A. *Inequality reexamined*. Oxford: Oxford University Press, 1992.
62. Sheridan M.J., Gowen N., Halpin S. Developing A Practice Model for The Homeless Mentally Ill. *Families in Society*, 1993, no. 74(7), pp. 410–421. DOI:10.1177/104438949307400703
63. Tan Z., Mun E.Y., Nguyen U.S.D., Walters S.T. Increases in social support co-occur with decreases in depressive symptoms and substance use problems among adults in permanent supportive housing: an 18-month longitudinal study. *BMC psychology*, 2021. Vol. 9, no. 1. pp. 1–13. DOI:10.1186/s40359-020-00507-0

Информация об авторах

Витко Юлия Станиславовна, магистрант образовательной программы «Позитивная психология» департамента психологии факультета социальных наук; стажер-исследователь международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9375-2647>, e-mail: uliyvitko18@gmail.com

Лебедева Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук; старший научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Information about the authors

Julia S. Vitko, master student of the educational program «Positive psychology», Faculty of Social Sciences, School of Psychology; research trainee of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9375-2647>, e-mail: uliyvitko18@gmail.com

Anna A. Lebedeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology; Senior Researcher of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5919-5338>, e-mail: anna.alex.lebedeva@gmail.com

Получена 08.05.2021

Received 08.05.2021

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей

Солдатова Г.У.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), НОЧУ ВО «Московский институт
психоанализа», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com*

Нестик Т.А.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com*

Рассказова Е.И.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com*

Дорохов Е.А.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>, e-mail: dorohov.e.a@gmail.com*

Контекст и актуальность. Технологический прогресс последних двух веков человеческой истории делает актуальным изучение отношения человека к новым, в первую очередь цифровым, технологиям, в частности, исследование таких социально-психологических феноменов, как технофобия и технофилия, не только в маркетинговых целях, но и для понимания социально-психологических механизмов общественных изменений.

Цель. Разработка и апробация опросника отношения к технологиям, учитывающего когнитивные и эмоциональные аспекты у подростков и родителей подростков 14–17 лет.

Дизайн исследования. Исследование было выполнено в корреляционном дизайне и включало очное заполнение методик всеми респондентами.

Участники. 448 родителей подростков 14–17 лет и 360 подростков указанного возраста из шести городов Российской Федерации.

Методы. Респонденты заполняли опросник отношения к технологиям, методики оценки пользовательской активности, признаков интернет-зависимости, стратегий родительской медиации, а также оценивали частоту использования гаджетов в течение дня во время выполнения различных повседневных дел. Для обработки и анализа данных были использованы эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, коэффициент альфа Кронбаха. Использо-

лись программы IBM SPSS Statistics v. 22.0, программный пакет EQS и статистические пакеты в составе языка программирования R.

Результаты. Структура опросника была уточнена по результатам эксплораторного и подтвержденного факторного анализа и включила четыре шкалы: технофилии, технофобии, технорационализма и технопессимизма (альфа Кронбаха 0,66–0,88). В профиле отношения к технологиям доминируют технофилия и технорационализм. У родителей эмоциональные аспекты отношения к технологиям связаны с пользовательской активностью и склонностью использовать гаджеты во время повседневных дел. У подростков технофилия связана только с использованием гаджетов во время повседневных дел. У подростков переживание ограничений и технического контроля их онлайн-активности со стороны родителей связано с негативным отношением к технологиям и трудностями рационального к ним отношения, а активная медиация со стороны родителей — с более высоким уровнем технорационализма.

Выводы. Опросник отношения к технологиям является надежным инструментом и может использоваться в психологических исследованиях.

Ключевые слова: технофобия, технофилия, технорационализм, технопессимизм.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365).

Для цитаты: Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Дорохов Е.А. Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 170–188. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410>

Psychodiagnostics of Technophobia and Technophilia: Development and Testing a Questionnaire of Attitudes towards Technology for Adolescents and Parents

Galina U. Soldatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Timofei A. Nestik

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Elena I. Rasskazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Egor A. Dorokhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>, e-mail: dorokhov.e.a@gmail.com

Background. The technological progress of the last two centuries of human history makes it relevant to study human attitudes to digital technologies, in particular the study of such socio-psychological phenomena as technophobia and technophilia, not only for marketing purposes, but also to understand the socio-psychological mechanisms of social change.

Objective. To develop and validate the Technology Attitude Scale that takes into account cognitive and emotional aspects in adolescents and parents of adolescents 14–17 years old.

Study design. *The study was carried out in a correlation design and included full-time filling of the methods by all respondents.*

Participants. *448 parents of adolescents 14–17 years old and 360 adolescents 14–17 years old from six cities of the Russian Federation.*

Methods. *Participants filled out Technology Attitude Scale and appraised their user activity, Internet addiction tendencies, parental mediation strategies, and the frequency of using gadgets during performing various daily activities. For data processing, exploratory and confirmatory factor analyses, Cronbach coefficient alpha in the IBM SPSS Statistics v. 22.0, the EQS software package and statistical packages as part of the R programming language.*

Results. *The structure of the scale was refined based on the results of exploratory and confirmatory factor analysis and included four subscales: technophilia, technophobia, technorationalism, and technopessimism (Cronbach's alpha 0.66–0.88). Technophilia and technorationalism dominate in the profile of attitudes towards technology. For parents, the emotional aspects of attitudes towards technology are associated with user activity and use of gadgets in everyday activities. In adolescents, technophilia is associated only with the use of gadgets in everyday activities. In adolescents, the experience of parental restrictions and technical control of their online activity is associated with a negative attitude towards technologies and the difficulties of a rational attitude towards them, while active parental mediation is associated with a higher level of technorationalism.*

Conclusion. *The Technology Attitude Scale is a reliable scale that can be used in psychological research.*

Keywords: *technophobia, technophilia, technorationalism, technopessimism.*

Funding. The reported study was funded by Russian science Foundation (grant № 18-18-00365).

For citation: Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Dorokhov E.A. Psychodiagnostics of Technophobia and Technophilia: Development and Testing a Questionnaire of Attitudes towards Technology for Adolescents and Parents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 170–188. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410> (In Russ.).

Введение

Стремительная скорость развития современных технологий, в первую очередь цифровых, опережает способность человека и общества адаптироваться к ним и договариваться о правилах их использования. Такая ситуация вызывает у части людей рост тревоги и возникновение страхов перед новыми цифровыми устройствами, что определяет стремление их избегать, сопротивляться их распространению, а также выраженное недовольство тем, что дети ими достаточно увлечены. По-видимому, такой страх перед технологиями был распространенным явлением и в предыдущие исторические эпохи (вспомним истории об Икаре

и Големе, охоту на ведьм в Средние века, восстания луддитов в 19 веке и другие примеры).

В настоящее время эти страхи приобрели ряд особенностей. Во-первых, принципы работы все более сложных устройств и все стремительнее развивающиеся цифровые технологии в целом окончательно перестали быть понятными широким массам людей, и даже высшее техническое образование далеко не всегда способствует полной «прозрачности» цифровых устройств для личности [2]. Во-вторых, мы наблюдаем не только рост популярности конспирологических теорий и снижение социального доверия в целом, но и снижение доверия к ученым и техническим экспертам, которые при-

званы разяснять закономерности функционирования современных технологий. В-третьих, в отличие от предыдущих исторических эпох, в 21 веке ряд форм технологического эскапизма становится все более невозможным: необходимость взаимодействия с новыми технологиями стала неизбежной вне зависимости от нашего к ним отношения. Наконец, развитие интернета вещей и систем искусственного интеллекта сделало мнимые и действительные технологические угрозы еще более невидимыми и неопределенными. Особенно важными в этом контексте становятся социально-психологические феномены технофилии и технофобии, технооптимизма и технопессимизма.

Если принять за основу когнитивные аспекты отношения к технологиям, его феноменологию можно представить на континууме, крайними полюсами которого являются технологический оптимизм и его противоположность — технологический пессимизм. Если же принять за основу эмоциональные и поведенческие аспекты, то полюсами такой воображаемой шкалы будут технофобия и технофилия [4]. Технооптимизм — это мировоззренческая и жизненная позиция, в соответствии с которой техническим достижениям и научно-техническому прогрессу в целом придается первостепенное значение в преодолении социальных проблем. Технопессимизм — система взглядов, в соответствии с которыми научно-технический прогресс рассматривается в качестве главной причины нарушения баланса в отношениях общества и природы, появления и резкого обострения экологических, ресурсных, социальных и многих других проблем [7]. Технофилия — позитивное отношение к большинству технологий, удовольствие от использования новых технологий, готовность к приобретению опыта их использования [8; 19]. Ее противоположностью

является технофобия, предполагающая внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии. Это также страх или тревога, связанные с использованием технологии, враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии [9]. Особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности полностью отказаться от ее использования [1; 6].

Оценка технофобии и технофилии

Для измерения отношения к новым технологиям используются различные шкалы, преимущественно ориентированные на выявление отношения к конкретным типам технологий или отдельным продуктам [1]. Так, например, опросник В. Венкатеша, созданный на основе модели принятия технологий Ф. Девиса [12], измеряет ожидаемые результативность, трудоемкость освоения, социальное влияние, условия, облегчающие использование технологии, гедонистическую мотивацию, стоимость, привычность, намерение использовать и частоту использования [21]. Семантический дифференциал, разработанный Э. Донат и ее соавторами, измеряет общую оценку, трудоемкость освоения, полезность, интерес, стоимость и безопасность технологии [13]. Шкала Р. Синковича и его коллег измеряет отношение к использованию банкоматов по трем шкалам: страх ошибки, недоверие к машинам, удобство [20]. Применительно к новым пищевым технологиям Д. Кокс и Эванс Г. выделяют оценку риска, полезности, выгод от использования, а также доверие к информации о новой технологии [10; 11]. Наконец, команда исследователей из Таллинского технологического университета

разработала опросник, измеряющий выраженность технофобии и технофилии как генерализованного отношения к технологиям [18]. На наш взгляд, основные недостатки данных методик связаны либо с избыточным числом измеряемых параметров и высокой трудоемкостью для респондентов, либо с излишне узкой направленностью на изучение какого-то одного аспекта использования новых технологий, либо с ориентированностью на маркетинговые исследования с целью продвижения какой-то определенной технологии или конкретного продукта.

Цель данной работы — разработка и апробация опросника оценки отношения к новым, в том числе цифровым, технологиям на основании четырех шкал (технофобии, технофилии, технооптимизма и технопессимизма). Также предполагается исследовать связь различных вариантов отношения к технологиям с пользовательской активностью и родительской медиацией онлайн-активности у подростков и родителей подростков 14–17 лет.

В соответствии с представлениями о цифровой социализации [3] мы ожидали, что отношение родителей к цифровым технологиям можно рассматривать как уже имеющуюся точку отсчета, задающую, с одной стороны, их установку на необходимость «догонять» развитие технологий, «быть в курсе», осваивать новые гаджеты и программы или, с другой стороны, напротив, установку на исходящие от технологий угрозы и осторожное отношение к ним. У детей же оценка технологий формируется непосредственно в процессе их использования и повседневного совмещения онлайн- и офлайн-деятельностей, определяющих когнитивное и социальное развитие новых поколений. Таким образом, мы предполагаем, что у родителей когнитивная оценка технологий первична и определяет их вовлеченность в цифро-

вую повседневность, опыт использования и эмоциональную оценку. От отношения к технологиям зависят время, которое они проводят онлайн, и их совмещенная онлайн/офлайн-активность. У подростков первичной является позитивная эмоциональная оценка технологий — результат их вовлеченности в онлайн-деятельность и одна из особенностей социализации в ходе их освоения. Эта оценка уже не связана с частотой и длительностью пользовательской активности, но все еще связана с притягательностью постоянного нахождения в сети и его совмещения с различными активностями вне ее [5].

На эмпирическом уровне выдвигались следующие **гипотезы**:

1. У родителей, в отличие от подростков, менее выражена технофилия как показатель положительной эмоциональной окраски отношения к технологиям. У родителей эмоциональные аспекты отношения к технологиям связаны с пользовательской и совмещенной активностью.

2. У подростков отношение к технологиям связано только с совмещенной активностью (использованием гаджетов во время повседневных дел), но не со временем, проводимым онлайн.

3. У подростков переживание ограничений и технического контроля их онлайн-активности со стороны родителей связано с негативным отношением к технологиям, а активная медиация со стороны родителей — с более позитивным и эмоциональным к ним отношением.

Программа исследования

Создание формулировок пунктов

В опросник вошли 20 пунктов, относящиеся к четырем тематическим группам, выделенным на основе предыдущих исследований [1; 4; 6], а также анализа

уже существующих методик, предлагаемых в контексте исследований по данному направлению. Среди них: «Аффективное отношение к технологиям» (пункты 1, 3, 6, 8), «Субъективная простота/сложность технологий» (пункты 10, 14, 16, 20), «Субъективная оценка пользы/вреда от технологии» (пункты 11, 13, 17, 18), «Технооптимизм/Технопессимизм» (пункты 2, 4, 5, 7) и «Рациональное отношение к технологиям» (пункты 9, 12, 15, 19). При разработке индикаторов нами были также использованы в переформулированном виде некоторые утверждения из шкалы общего отношения личности к развитию науки и технологий европейского мониторинга Евробарометер [14], а также ранее разработанных шкал технофобии [15; 20].

Апробационное исследование

Выборка. В апробационном исследовании участвовали 808 человек из шести городов Российской Федерации (Владикавказ, Казань, Кемерово, Санкт-Петербург, Тюмень, Москва и Московская область), из которых 448 человек составили выборку родителей подростков 14-17 лет (средний возраст 40 лет, SD=5,9 лет, 77% женщин), 360 человек составили группу подростков в возрасте от 14 до 17 лет (средний возраст 15,4 лет, SD=1,07 лет, 50% девочек).

Процедура. Сбор данных проводился в ходе интервью. Помимо опросника отношения к технологиям (пункты оценивались по шкале Лайкерта от 1 — «совершенно не согласен» до 5 — «полностью согласен») респонденты заполняли следующие **методики**:

1. Оценка *пользовательской активности, стратегий родительской медиации и признаков чрезмерного пользования интернетом* проводилась в соответствии с методологией EU Kids Online [16] и Дети

России Онлайн [6]. В частности, для диагностики пользовательской активности респондентов просили оценить, сколько времени они проводят онлайн в будние и в выходные дни. В соответствии с полученными ранее данными [6] применялась шкала ответов от «Практически не провожу» до «12 часов и более» с шагом в 1 час (альфа Кронбаха 0,82 у подростков и 0,70 у родителей). Диагностика стратегий родительской медиации включала оценку частоты различных действий (родители оценивали частоту своих действий, подростки — действий родителей): технический контроль, активную медиацию, медиацию безопасности и ограничивающую медиацию. Значения альфа Кронбаха варьировали от 0,69 до 0,87. Признаки интернет-зависимости оценивались только у подростков при помощи семи пунктов, описывающих нарушения других жизненных сфер из-за активности в интернете (альфа Кронбаха 0,78).

2. Дополнительно для оценки такого *аспекта пользовательской активности, как совмещенная активность* — частота использования гаджетов во время различных повседневных дел, респондентов просили оценить, насколько часто и интенсивно они выходят в интернет во время 11 различных деятельности (например, «Сразу после пробуждения», «На занятиях в школе/Во время работы», «Во время приема пищи» и т.п.). Альфа Кронбаха составила 0,83 у подростков и 0,82 у родителей.

Обработка данных. Обработка результатов и анализ качества моделей проводились с использованием IBM SPSS Statistics v. 22.0, программного пакета EQS и статистических пакетов в составе языка программирования R. Критическим уровнем значимости был выбран $p < 0,01$; в связи с большими размерами выборки сравнения групп дополнялись оценками величины статистического эффекта.

Результаты

Первоначальная структура опросника была проверена с применением конфирматорного факторного анализа и показала неудовлетворительное качество соответствия данным (табл. 1, модель 1). При этом все факторы предполагались взаимосвязанными, дисперсии всех факторов были фиксированы — приняты равными единице.

Для уточнения структуры опросника был проведен эксплораторный факторный анализ (метод максимального правдоподобия) для каждой группы участников отдельно, а также для объединенной группы участников (все 808 респондентов). На основании результатов этого анализа (табл. 2), а также после дополнительного анализа корреляций пунктов между собой было принято решение исключить пункт № 6 из дальнейшего анализа — он не имеет устойчивого паттерна взаимосвязей с другими пунктами, при этом только в выборке взрослых участников имеет выраженную факторную нагрузку, что может вести к дифференцированному функционированию пункта в опроснике (DIF).

На основе факторных структур для каждой из групп с помощью линейной регрессии были рассчитаны предполагаемые баллы респондентов по каждому фактору обеих моделей — эти оценки использовались для оценки близости факторных структур. Результаты корреляционного анализа баллов респондентов по каждой факторной структуре представлены в табл. 3. Можно отметить, что несколько пар факторов в обеих структурах опросников совпадают, что позволяет принять эти факторы синонимичными и включить в общую структуру. Это факторы № 3 и № 2, № 4 и № 3 и оба фактора № 5 в группе детей 14-17 лет и взрослых

соответственно. Первая пара факторов соответствует пунктам, описывающим трудности в освоении технологий, а вторая — пунктам, описывающим оценку социальной опасности технологий. Факторы № 5 в обеих факторных структурах соответствуют пунктам, описывающим рациональное отношение к технологиям, однако имеют различные паттерны факторных нагрузок (табл. 2).

В качестве альтернативной структуры опросника был предложен набор из четырех шкал, соответствующих разным конструктам в сфере изучения отношений к технологиям:

1. Открытость и энтузиазм в использовании технологий — технофилия (пункты 1, 3, 5, 7, 10, 17, 18, 20).

2. Осознанное использование технологий — технорационализм (пункты 9, 12, 15, 19).

3. Трудности в освоении и использовании технологий — технофобия (пункты 8, 13, 14, 16).

4. Социальная опасность технологий — технопессимизм (пункты 2, 4, 11).

Альтернативная структура опросника была также оценена с использованием конфирматорного факторного анализа (табл. 1, модель 2). По итогам анализа возможных направлений приближения структуры опросника к описанию реальных данных были добавлены следующие модификации: (1) факторы 2 и 4 были признаны некоррелирующими между собой, (2) добавлены корреляции между пунктами 1 и 3 (отношение к новинкам технических устройств), 5 и 7 (связь технологий с успехом), 17 и 18 (повышение качества жизни с использованием технологий). Оценки качества модифицированной модели также представлены в табл. 1 (модель 3). Одним из возможных направлений улучшения качества описания данных модели яв-

ляется добавление дополнительной нагрузки на пункт 17 от фактора 2, однако это изменение не приведет к значительному улучшению показателей качества модели и может затруднять интерпретацию полученных результатов (табл. 1, модель 4).

По итогам анализа внутренней структуры опросника предложенная альтернативная структура опросника была признана основной для оценки надежности шкал и дальнейшей работы с опросником (рис. 1).

Все указанные шкалы показали хорошую надежность-согласованность (табл. 4).

Социодемографические факторы отношения к технологиям

В профиле отношения к новым технологиям доминируют технорационализм и технофилия, тогда как показатели по технофобии минимальны во всех группах (рис. 2). Согласно результатам дисперсионного анализа с повторными измерениями 4×2 (Тип отношения к технологиям \times Группа), эта форма профиля характерна для выборки в целом (основной эффект типа отношения к технологиям, $F=349,29$, $p<0,01$, $\eta^2=0,30$). Различия между подростками и родителями (эффект взаимодействия, $F=26,51$, $p<0,01$, $\eta^2=0,03$)

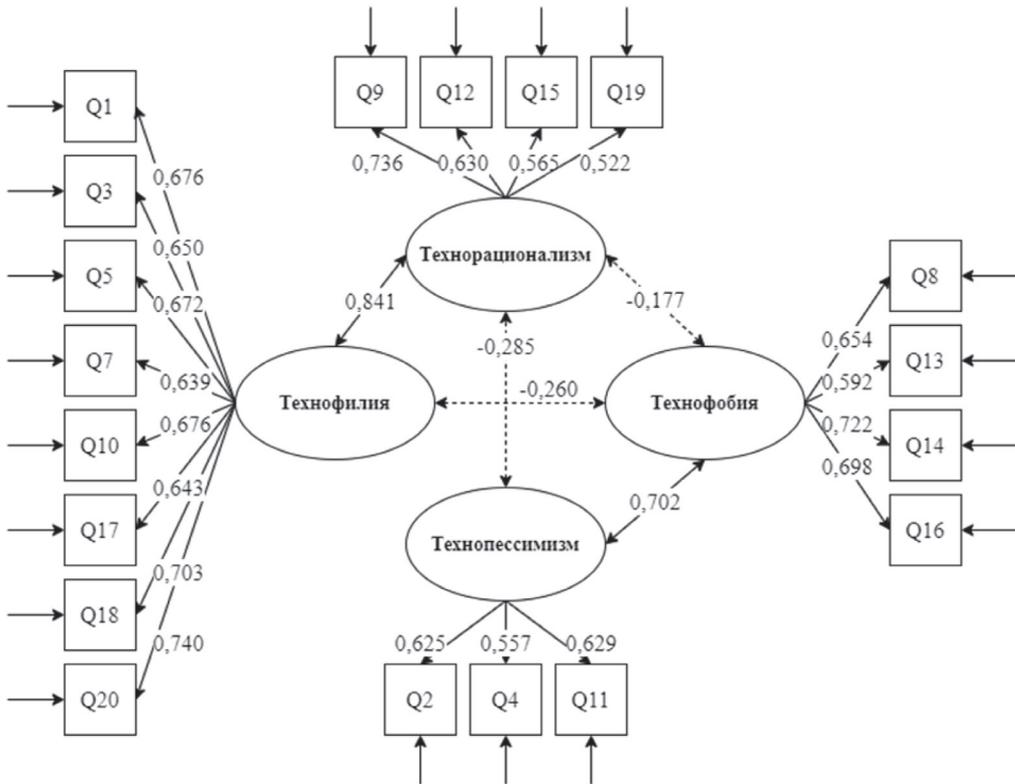

Рис. 1. Итоговая структура опросника, факторные нагрузки пунктов и корреляции шкал друг с другом: все корреляции и факторные нагрузки значимы на уровне $p<0,05$

невелики и заключаются в том, что у подростков, по сравнению с родителями, выше показатели по технофилии ($t=6,54, p<0,01, d \text{ Коэна}=0,46$) и ниже показатели по технопессимизму ($t=-4,49, p<0,01, d \text{ Коэна}=0,32$).

По сравнению с девочками, у мальчиков выше показатели по шкалам технофилии ($t=5,79, p<0,01, d \text{ Коэна}=0,62$) и технорациональности ($t=3,64, p<0,01, d \text{ Коэна}=0,39$), но ниже показатели по шкалам технопессимизма ($t=-2,82, p<0,01, d \text{ Коэна}=0,30$).

Не выявлено различий в отношении к новым технологиям между мужчинами и женщинами. Чем старше родители, тем менее характерны для них технорациональность ($r=-0,21, p<0,01$) и технофилия ($r=-0,19, p<0,01$) и тем более типична технофобия ($r=0,17, p<0,01$). Следует отметить, что речь идет о слабых по величине связях.

Отношение к технологиям и пользовательская активность

У подростков время, проводимое онлайн, практически не связано с отношением к новым технологиям (табл. 5). Напротив, у родителей среднее время, проводимое онлайн, связано с большей технофилией и меньшей технофобией. И подростки, и родители с более высоким показателем технофилии более склонны находиться онлайн и использовать гаджеты во время самых разнообразных активностей в течение дня, совмещая интернет с другими делами и задачами. У родителей склонность быть онлайн во время различных дел в течение дня коррелирует также с технорационализмом и низким уровнем технофобии и технопессимизма.

Признаки интернет-зависимости у подростков 14–17 лет связаны с технофобией ($r=0,22, p<0,01$), но не связаны с технофилией или технорационализмом.

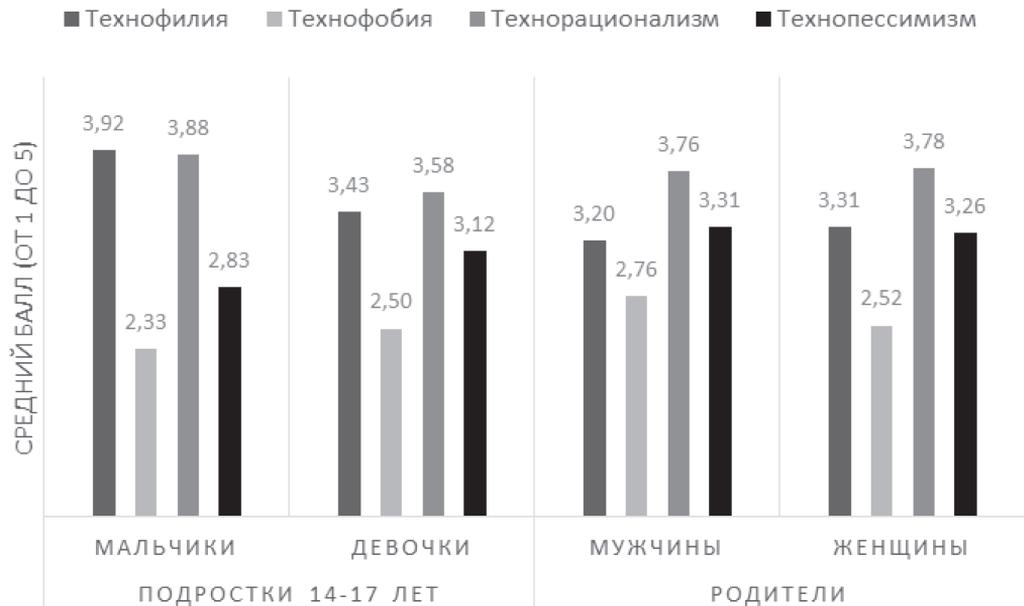

Рис. 2. Средние баллы по шкалам опросника отношения к технологиям у подростков и родителей в зависимости от пола респондентов

Ограничения со стороны родителей связаны с технофобией и более низким уровнем технорационализма и технофилии, а технический контроль — с технофобией и меньшим технорационализмом у подростков. Активная медиация со стороны родителей не связана с технофилией, но связана с технорационализмом.

Обсуждение результатов

Психометрические характеристики опросника отношения к технологиям. Результаты свидетельствуют в пользу надежности-согласованности и факторной валидности опросника для дифференцированной оценки технофобии, технофилии, технопессимизма и технорационализма. Одно из приоритетных направлений его развития — набор норм и повышение репрезентативности существующих оценок средних баллов по каждой шкале. Кроме того, необходима проверка конструктивной валидности этого опросника, его тест-ретестовой надежности и повторная проверка структуры опросника после расширенного сбора данных.

Особенности отношения к технологиям у подростков и родителей. Данные указывают на то, что и у современных подростков, и у родителей подростков в профиле отношения к технологиям доминируют технофилия и технорационализм. Хотя различия между взрослыми и подростками невелики, технофилия более типична для подростков, а технопессимизм — для родителей. Согласно результатам, в подростковом возрасте отмечаются выраженные гендерные различия по отношению к технологиям: мальчики относятся к технологиям более позитивно, чем девочки. Во взрослом возрасте таких различий не отмечается,

возможно, что с возрастом они «сглаживаются» в соответствии с опытом использования технологий, знаниями и требованиями, с которыми сталкиваются взрослые. Данные, полученные в выборке родителей, позволяют также предполагать, что для людей старшего возраста более характерна технофобия и менее — технорациональность и технофилия. Повидимому, этот результат объясняется не возрастом самим по себе, а тем, что родители более старшего возраста испытывают более выраженные трудности в освоении быстро меняющихся технологий.

Отношение к технологиям и пользовательская активность. Результаты позволяют предполагать, что у взрослых людей отмечается согласованность между их эмоциональной реакцией на технологический прогресс и тем, сколько времени они проводят онлайн, тогда как у подростков их пользовательская активность зависит от иных факторов, нежели общее отношение к технологиям. Интересно, что и у родителей, и у детей технофилия связана со склонностью использовать гаджеты во время разнообразных деятельностей в течение дня. Иными словами, при позитивном отношении к новым технологиям люди склонны выходить онлайн как можно чаще, начиная с утреннего подъема и заканчивая отходом ко сну.

Тот результат, что признаки интернет-зависимости связаны с более высоким уровнем технофобии, хоть и выглядит на первый взгляд парадоксальным, но все же представляется нам закономерным: в исследовании оценивалось субъективное переживание чрезмерного использования интернета, включая переживание проблем, возникающих в различных сферах жизни из-за онлайн-активности. Субъективное переживание «потери контроля» связано с негативны-

ми переживаниями в отношении интернета, страхом в отношении технологий.

Отношение к технологиям и стратегии родительской медиации. Негативное отношение к технологиям и трудности рационального, прагматичного подхода к ним более характерны для подростков, испытывающих ограничения и технический контроль со стороны родителей. Эти данные согласуются с представлениями о возможных негативных последствиях ограничений и запретов в отношении интернета со стороны родителей [6; 17]. Отметим, что активная медиация связана с технорационализмом, но не технофилией. С нашей точки зрения, активное участие родителей может провоцировать именно рациональное, позитивное, но в меру прагматичное отношение, а не исключительно положительную эмоциональную оценку.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Опросник отношения к технологиям представляет собой надежный инструмент и включает четыре шкалы (технофилии, технофобии, технорационализма и технопессимизма).

2. И у подростков, и у родителей — жителей больших городов — в профиле отношения к технологиям доминируют технофилия и технорационализм, а показатели по технофобии наиболее низкие. По сравнению с родителями, для подростков более типична технофилия и менее — технопессимизм.

3. В подростковом возрасте у мальчиков показатели технофилии и технорациональности выше, а технопессимизма ниже, чем у девочек, что не отмечается во взрослом возрасте. В выборке родителей у лиц более старшего возраста выше по-

казатели технофобии и ниже — технорациональности и технофилии.

4. У родителей эмоциональные аспекты отношения к технологиям (технофилия и технофобия) связаны с пользовательской активностью и склонностью использовать гаджеты во время повседневных дел. У подростков технофилия связана с использованием гаджетов во время повседневных дел, но не пользовательской активностью.

5. У подростков переживание ограничений и технического контроля их онлайн-активности со стороны родителей связано с негативным отношением подростков к технологиям и трудностями рационального к ним отношения, а активная медиация со стороны родителей — с более высоким уровнем технорационализма.

Важными направлениями дальнейших исследований выступают уточнение связи между различными компонентами отношения к современным, в первую очередь цифровым, технологиям и отношением личности к другим людям и к обществу в целом, а также изучение отношения личности к социальным и гуманитарным технологиям. Особый интерес представляет сравнение отношения к технологиям у представителей разных социальных классов, а также городских и сельских жителей (ввиду различной доступности для них информационных технологий). Также в качестве одного из дальнейших фокусов исследования мы видим сравнение и дифференциацию отношения к различным цифровым технологиям, конструирующим множественную реальность современного мира (дополненной реальности, виртуальной реальности и пр.), а также исследования возможностей методики применительно к иным современным технологиям (генетическим, медицинским и пр.).

Таблица 1

Показатели качества структурных моделей опросника

№	Описание	c ²	df	CFI	RMSEA	AIC	SRMR
1	Первоначальная модель опросника — 5 шкал	2075,814	160	0,655	0,125	1755,814	0,131
2	Альтернативная структура — 4 фактора	910,922	146	0,855	0,083	618,992	0,062
3	Альтернативная структура — 4 фактора с добавленными корреляциями пунктов	676,547	144	0,899	0,070	388,547	0,061
4	Дополнительный анализ — альтернативная структура опросника с двумя нагрузками на пункт 17	645,988	143	0,905	0,068	359,988	0,059

Примечание: в каждой модели дисперсия латентных факторов принималась равной единице, в моделях 1 и 2 все факторы принимались взаимосвязанными друг с другом.

Таблица 2
Средние баллы, полученные по каждому пункту в двух группах респондентов, и результаты эксплораторного факторного анализа структуры опросника для каждой из групп в отдельности

№	Формулировка пункта	Факторные нагрузки															
		Баллы за пункт		дети 14–17 лет (N=336)					взрослые (N=427)								
		М	SD	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5				
1	Возможность опробовать новое цифровое устройство для меня — настоящее удовольствие	3,7	1,2	3,1	1,2	0,78							0,80				
2	Мне кажется, что новые технологии ведут к интеллектуальной и духовной деградации общества	2,7	1,3	3,0	1,3		0,44	0,43								0,61	
3	Мне нравится быть в курсе последних технологических новинок*	3,7	1,2	3,1	1,2	0,75							0,79				
4	Обществу не следует так сильно зависеть от новых технологий в решении своих проблем*	3,2	1,2	3,5	1,1					0,68						0,58	
5	Я считаю, кто умеет овладевать новыми технологиями, будет на вершине успеха*	3,7	1,2	3,5	1,1	0,51	0,42						0,62				

№	Формулировка пункта	Баллы за пункт				Факторные нагрузки													
		дети 14–17 лет		родители		дети 14–17 лет (N=336)					взрослые (N=427)								
		M	SD	M	SD	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5				
6	Я беспокоюсь, что с помощью цифровых технологий обо мне могут все узнать и вмешаться в мою жизнь	3,0	1,3	3,5	1,3	0,32		0,39							0,67				
7	Мне кажется, что развитие технологий со временем позволит решить все проблемы нашего общества	3,5	1,2	3,0	1,2	0,49	0,47				0,53				0,42				
8	Мысль, что рано или поздно придется осваивать новые технологии, вызывает у меня чувство тревоги	2,4	1,3	2,5	1,2			0,65							0,52	0,31			
9	Я стараюсь пользоваться технологическими новинками, если они действительно чем-то мне полезны	3,8	1,1	3,8	1,1	0,46	0,37			0,30	0,57								0,48
10	Мне несложно приспособить цифровые технологии под свои нужды	3,8	1,2	3,4	1,2	0,47	0,39				0,63				-0,24				
11	Я считаю, что современные технологии отдают людям друг от друга*	3,0	1,2	3,3	1,2			0,38	0,51						0,66				
12	Я считаю, что к техническим новшествам нужно относиться осознанно и уметь их использовать	4,0	1,0	4,1	1,0	0,52				0,36	0,40								0,58
13	Необходимость освоения технологий снижает скорость и качество моей учебы (работы)	2,4	1,2	2,4	1,2			0,59							0,42	0,40			
14	Я испытываю затруднения при освоении технических новинок	2,3	1,2	2,7	1,2			0,68							0,80				
15	Я пользуюсь техническими новинками, если их можно приобрести по разумным ценам	3,5	1,1	3,5	1,1					0,62	0,55								
16	Использование новых технологий всегда требует от меня больших усилий	2,6	1,2	2,7	1,2			0,70							0,77				

№	Формулировка пункта	Баллы за пункт				Факторные нагрузки									
		дети 14–17 лет		родители		дети 14–17 лет (N=336)									
		M	SD	M	SD	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
17	Новые технологии делают мою учебу (работу) проще и удобнее*	3,7	1,1	3,6	1,0	0,74					0,66				
18	Новые технологии повышают уровень и качество моей жизни*	3,6	1,1	3,6	1,0	0,71					0,70				
19	Делая выбор, осваивать ли новую технологию, я стараюсь взвесить все «за» и «против» для меня	3,6	1,2	3,7	1,2	0,60					0,37				0,46
20	Я легко стану продвинутым пользователем любых цифровых технологий	3,7	1,1	3,2	1,2	0,40	0,45				0,73				

Примечания: * — значимость различий средних по t-критерию Стьюдента $p < 0,05$. Выделенные факторные структуры объясняют 44,93% и 49,75% дисперсии в группах детей 14–17 лет и родителей соответственно. Мера КМО равна 0,847 и 0,869 для этих же моделей. Факторные нагрузки, не превышающие в абсолютном значении 0,3, не отражены в таблицах.

Таблица 3
Корреляция результатов респондентов, рассчитанных с помощью линейной регрессии на основе двух факторных структур опросника

№ фактора	Результаты респондентов на основе факторной структуры опросника для детей 14–17 лет				
	1	2	3	4	5
1	,603**	,880**			,350**
2			,929**		
3		-,137**	,383**	,902**	,155**
4	,619**	-,122**	,223**	,226**	-,222**
5	,497**	-,240**	-,177**	,212**	,591**

Примечание: ** — $p < 0,01$, полужирным шрифтом выделены значения корреляции, в абсолютном значении превышающие 0,5. В оценке корреляций использован коэффициент г Пирсона.

Таблица 4
Надежность-согласованность шкал опросника и средние баллы по шкалам для каждой из групп респондентов

№	Шкала	а Кронбаха		Дети 14–17 лет		Взрослые	
		М	SD	М	SD	М	SD
1	Технофилия	0,88	0,83	3,67	0,83	3,28	0,87
2	Технорационализм	0,71	0,78	3,74	0,78	3,77	0,83
3	Технофобия	0,75	0,91	2,42	0,91	2,58	0,92
4	Технопессимизм	0,66	0,95	2,97	0,95	3,27	0,92

Таблица 5
Связи отношения к технологиям с пользовательской активностью и стратегиями родительской медиации

	Технофилия		Технорационализм		Технофобия		Технопессимизм	
	Подростки	Родители	Подростки	Родители	Подростки	Родители	Подростки	Родители
Пользовательская активность и стратегии родительской медиации								
Пользовательская активность – Время в интернете	0,00	0,23**	-0,13	0,06	-0,03	-0,19**	-0,13*	-0,12**
Современная активность – Гаджеты во время других дел	0,20**	0,40**	0,03	0,25**	0,12	-0,34**	-0,09	-0,19**
Родительская медиация онлайн – Технический контроль	-0,10	-0,08	-0,17**	-0,18**	0,23**	0,09	0,07	0,02
Родительская медиация онлайн – Активная медиация	0,11*	0,28**	0,19**	0,16**	0,13*	-0,24**	0,09	-0,07
Родительская медиация онлайн – Медиация безопасности	0,07	0,38**	0,14*	0,27**	0,08	-0,32**	0,06	-0,14**
Родительская медиация онлайн – Ограничения	-0,18**	-0,16**	-0,21**	-0,22**	0,31**	0,19**	0,12*	0,18**

Примечание: ** – $p < 0,01$.

Литература

1. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 5–14. DOI:10.31857/S020595920000829-7
2. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. Учебно-методическое пособие для студентов психологических специальностей. М.: Акрополь, 2015. 116 с.
3. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
4. Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобия и технофилы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2016. № 1. С. 54–61.
5. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. DOI:10.17759/chp.2020160409
6. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
7. Чумаков А.Н. Технооптимизм. Технопессимизм // Малая российская энциклопедия прогностики / И.В. Бестужев-Лада (гл. редактор). М.: Институт экономических стратегий, 2007. 326 с.
8. Amichai-Hamburger Y. Technology and well-being: designing the future // Technology and Psychological Well-being. Ed. by Amichai-Hamburger Y. Cambridge University Press, 2009. P. 260–278.
9. Brosnan M.J. Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998. 233 p.
10. Cox D.N., Evans G. Construction and validation of a psychometric scale to measure consumer's fears on novel food technologies: the food technology neophobia scale // Food quality and preference. 2008. Vol. 19. P. 704–710.
11. Damsbo-Svendsen M., Bom Frøst M., Olsena A. A review of instruments developed to measure food neophobia // Appetite. 2017. Vol. 113. P. 358–367.
12. Davis F.D. User acceptance of information technology: system characteristics, user perceptions and behavioral impacts // International journal of man-machine studies. 1993. Vol. 38. № 3. P. 475–487.
13. Donat E., Brandtweiner R., Kerschbaum J. Attitudes and the Digital Divide: Attitude Measurement as Instrument to Predict Internet Usage // Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline. 2009. Vol. 12. P. 38–56.
14. Eden G. Special Eurobarometer 401: survey summary on responsible research and innovation, science and technology // Journal of Responsible Innovation. 2014. Vol. 1(1). P. 129–132. DOI:10.1080/23299460.2014.882553
15. Gilbert J.K., Lin H.S. How might adults learn about new science and technology? The case of nanoscience 10. Validation and exploration of instruments for assessing public knowledge of and attitudes toward nanotechnology // Journal of Science Education and Technology. 2013. Vol. 22. P. 548–559.
16. Livingstone S., Haddon L. EU Kids Online. Findings, methods, recommendations. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/Home.aspx> (дата обращения: 02.07.2021).
17. Livingstone S., Helsper E.J. Parental mediation of children's internet use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2008. Vol. 52. № 4. P. 581–599.
18. Martínez-Córcoles M., Teichmann M., Murdvee M. Assessing technophobia and technophilia: Development and validation of a questionnaire // Technology in Society. 2017. № 51. P. 183–188.

19. Osiceanu M.-E. Psychological Implications of Modern Technologies: “Technophobia” versus “Technophilia” // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 180. P. 1137–1144.
20. Sinkovics R., Stottingen B., Schlegelmilch B.B., Ram S. Reluctance to Use Technology-Related Products: Development of a Technophobia Scale // *Thunderbird International Business Review*. 2002. Vol. 44. № 4. P. 477–494.
21. Venkatesh V., Thong J.Y.L., Xu X. Consumer acceptance and use of information technology: extending the unified theory of acceptance and use of technology // *MIS Quarterly*. 2012. Vol. 36. № 1. P. 157–178.

References

1. Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gotovnosti lichnosti k ispol'zovaniyu novykh tekhnologii [Socio-psychological determination of a person's readiness to use new technologies]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2018. Vol. 39, no. 5, pp. 5–14. DOI:10.31857/S020595920000829-7
2. Rasskazova E.I., Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Diagnostika psikhologicheskikh posledstviivliyaniya informatsionnykh tekhnologii na cheloveka. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov psikhologicheskikh spetsial'nostei [Diagnostics of the psychological consequences of the influence of information technologies on a person. Educational and methodological guide for students of psychological specialties]. Moscow: Akropol', 2015. 116 p.
3. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
4. Soldatova G.U., Nestik T.A. Otnoshenie k internetu sredi internet-pol'zovatelei: tekhnofoby i tekhnofily [Attitude to the Internet among Internet users: technophobes and technophiles]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = Bulletin of the Moscow State Regional University. The series “Psychological Sciences”*, 2016, no. 1, pp. 54–61.
5. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Itogi tsifrovoi transformatsii: ot onlain-real'nosti k smeshannoi real'nosti [The results of digital transformation: from online reality to mixed reality]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87–97. DOI:10.17759/chp.2020160409
6. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [The Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p.
7. Chumakov A.N. Tekhnootimizm. Tekhnopessimizm [Techno-optimism. Technopessimism]. In Bestuzhev-Lada I.V. (ed.) *Malaya rossiiskaya entsiklopediya prognostiki* [Small Russian Encyclopedia of Prognostics]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2007. 326 p.
8. Amichai-Hamburger Y. Technology and well-being: designing the future. In Amichai-Hamburger Y. (ed.) *Technology and Psychological Well-being*. Cambridge University Press, 2009, pp. 260–278.
9. Brosnan M.J. Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998. 233 p.
10. Cox D.N., Evans G. Construction and validation of a psychometric scale to measure consumer's fears on novel food technologies: the food technology neophobia scale. *Food quality and preference*, 2008. Vol. 19, pp. 704–710.
11. Damsbo-Svendsen M., Bom Frøst M., Olsena A. A review of instruments developed to measure food neophobia. *Appetite*, 2017. Vol. 113, pp. 358–367.
12. Davis F.D. User acceptance of information technology: system characteristics, user perceptions and behavioral impacts. *International journal of man-machine studies*, 1993. Vol. 38, no. 3, pp. 475–487.

13. Donat E., Brandtweiner R., Kerschbaum J. Attitudes and the Digital Divide: Attitude Measurement as Instrument to Predict Internet Usage. *Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline*, 2009. Vol. 12, pp. 38–56.
14. Eden G. Special Eurobarometer 401: survey summary on responsible research and innovation, science and technology. *Journal of Responsible Innovation*, 2014. Vol. 1, no.1, pp. 129–132. DOI:10.1080/23299460.2014.882553
15. Gilbert J.K., Lin H.S. How might adults learn about new science and technology? The case of nanoscience 10. Validation and exploration of instruments for assessing public knowledge of and attitudes toward nanotechnology. *Journal of Science Education and Technology*, 2013. Vol. 22, pp. 548–559.
16. Livingstone S., Haddon L. EU Kids Online. Findings, methods, recommendations [Elektronnyy resurs]. 2014. URL: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/Home.aspx> (Accessed 02.07.2021).
17. Livingstone S., Helsper E.J. Parental mediation of children's internet use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2008. Vol. 52, no. 4, pp. 581–599.
18. Martínez-Córcoles M., Teichmann M., Murdvee M. Assessing technophobia and technophilia: Development and validation of a questionnaire. *Technology in Society*, 2017, no. 51, pp. 183–188.
19. Osiceanu M.-E. Psychological Implications of Modern Technologies: “Technofobia” versus “Technophilia”. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 180, pp. 1137–1144.
20. Sinkovics R., Stottingen B., Schlegelmilch B.B., Ram S. Reluctance to Use Technology-Related Products: Development of a Technophobia Scale. *Thunderbird International Business Review*, 2002. Vol. 44, no. 4, pp. 477–494.
21. Venkatesh V., Thong J.Y.L., Xu X. Sonsumer acceptance and use of information technology: extending the unified theory of acceptance and use of technology. *MIS Quarterly*, 2012. Vol. 36, no. 1, pp. 157–178.

Информация об авторах

Солдатова Галина Уртанбековна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»); заведующий кафедрой социальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН; ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: neistik@gmail.com

Рассказова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Дорохов Егор Андреевич, аспирант кафедры психологии личности факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>, e-mail: dorohov.e.a@gmail.com

Information about the authors

Galina U. Soldatova, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University; Head of the Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Timofei A. Nestik, Doctor of Psychology, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Elena I. Rasskazova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of neuro- and pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Egor A. Dorokhov, Postgraduate Student, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>, e-mail: dorohov.e.a@gmail.com

Получена 22.04.2021

Received 22.04.2021

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

Методические приемы симуляции ситуации социального остракизма O`Cam, O`Train, Cyberball: опыт пилотажных исследований в Российской Федерации

Бойкина Е.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Цель. Апробация методик, позволяющих симулировать ситуацию социального остракизма (игнорирование, исключение, отвержение).

Контекст и актуальность. Социальный остракизм может носить мимолетный характер или проявляться в хронической затяжной форме, приводя к депрессии, вызывая ощущение потери смысла в жизни. Исследование данного феномена в реалиях российской действительности ставит перед отечественными учеными ряд теоретических (отсутствии сложившейся теоретической базы) и, как следствие, методологических и методических проблем.

Дизайн исследования. Были проведены три эксперимента с разными сценариями и приемами симуляции условий включения/исключения, применялась техника психологического дебрифинга. В двух экспериментах («Остракизм-камера», «Кибербол») была использована методика Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О) (адаптация Бойкиной Е.Э., 2019) в двух модификациях: для взрослых и детей. В исследовании проводилась калибровка параметров условий включения/исключения в программе «Кибербол».

Участники. Исследование включало три выборки: апробация приема «Остракизм в поезде»: N=66, женщины – 61, мужчины – 5, средний возраст – 18,3; «Кибербол»: N=96, девочки – 57, мальчики – 39, средний возраст – 12,84; «Остракизм-камера»: N=37, девочки – 19, мальчики – 18, средний возраст – 13,6.

Методы (инструменты). Метод эксперимента, самоотчетная методика Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О), компьютерная программа «Cyberball» (Williams, Cheung, Choi, 2000), качественный анализ данных.

Результаты. Апробированные приемы подтвердили свою надежность как методики симуляции ситуации социального остракизма.

Основные выводы. В качестве рекомендаций сформулированы следующие критерии выбора приема: 1) симуляция условий игнорирования/исключения/отвержения, 2) наименьший психологический дискомфорт объекта, 3) жизнеспособность организации исследования (включая количество участников эксперимента и достоверность легенды), 4) избежание конфронтации участников. Апробированные авторами методики могут использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях с учетом соблюдения этических принципов психологического эксперимента.

Ключевые слова: социальный остракизм, исключение, игнорирование, отвержение, деструктивное поведение, методология, Cyberball, O`Cam, O`Train, модель остракизма К.Д. Вильямса.

Для цитаты: Бойкина Е.Э. Методические приемы симуляции ситуации социального остракизма O`Cam, O`Train, Cyberball: опыт пилотажных исследований в Российской Федерации // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 189–206. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120411>

Social Ostracism Paradigms O'Cam, O'Train, Cyberball: the Experience of Pilot Research (Russian Federation)

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Objective. *Approbation of techniques that allow simulating a situation of social ostracism (ignoring, exclusion, rejection).*

Background. *Social ostracism can be fleeting or manifest itself in a chronic protracted form, leading to depression, causing a sense of loss of meaning in life, and in extreme cases results in an antisocial reaction. The study of this phenomenon in the realities of Russian reality poses a number of theoretical (lack of an established theoretical basis) and, as a consequence, methodological problems for domestic scientists.*

Study design. *Three experiments were conducted with different scenarios and methods of simulating inclusion/exclusion conditions, the technique of psychological debriefing was used. Threatened Needs Scale-Ostracism (Boykina, 2019 adaptation) was used in two experiments in two modifications: for adults and children. The calibration of the "Cyberball" inclusion/exclusion conditions parameters was carried out.*

Participants. *The study included three samples: the «O'Train» approbation: N=66, 61 female, 5 -male, M – 18,3; «Cyberball»: N=96, 57 female, 39 male, M – 12,84; «O'Cam»: N=37, 19 female, 18 male, M – 13,6.*

Measurements. *Experimental method, self-reporting methodology Scale of Threatened Needs-Ostracism, computer program "Cyberball" (Williams, Cheung, Choi, 2000), qualitative data analysis.*

Results. *The tested techniques have confirmed their reliability as a method of simulating the situation of social ostracism.*

Conclusions. *The following admission selection criteria are formulated as recommendations: 1) simulation of conditions of ignoring/exclusion/rejection, 2) the least psychological discomfort of the object, 3) viability of the research organization (including the number of participants in the experiment and the reliability of the legend), 4) avoidance of confrontation of participants. The methods tested by the authors can be used both in research and in applied goals, taking into account compliance with the ethical principles of psychological experiment.*

Keywords: *social ostracism, exclusion, ignoring, rejection, destructive behavior, methodology, Cyberball, O'Cam, O'Train, the Temporal Need Threat Model of Ostracism (Williams K.D.).*

For citation: Boykina E.E. Social Ostracism Paradigms O'Cam, O'Train, Cyberball: the Experience of Pilot Research (Russian Federation). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 189–206. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120411> (In Russ.).

Введение

С точки зрения антропологии, психологии и этологии социальный остракизм — игнорирование, исключение и/или отвержение — психологический феномен, встречающийся как среди людей, так и у социальных видов животных.

Остракизм распространен «как среди взрослых, так и среди детей, в примитивных племенах и в современных индустриально-развитых обществах, в качестве формального метода порицания на межгосударственном уровне, в институтах и организациях и как неформальная сиюминутная реакция на детской

площадке и в офисе, в больших и малых группах, а также в диадах» [33, с. 560]. Остракизм может носить мимолетный характер (например, псевдо- или ненамеренный остракизм) или проявляться в хронической затяжной форме, приводя к депрессии, вызывая острое чувство одиночества, ощущение потери смысла в жизни, а в крайних случаях результирует антисоциальное реагирование (суицид, агрессия (прямая, опосредованная, ауто-агрессия) и др.) [13; 25; 28; 29; 32].

И. ван Бист и К.Д. Вильямс так описывают эффект остракизма: «он (остракизм — прим. авт.) подрывает наше ощущение принадлежности и чувства связи с другими людьми; он заставляет нас осознать, что другие не ценят нас, и это, как следствие, снижает наш уровень самооценки; он лишает нас ощущения контроля, которым мы, как нам кажется, обладаем в рамках социального взаимодействия с другими; и, возможно, где-то совсем глубоко он кидает вызов смыслу нашего существования» [27, с. 918]. В соответствии с выдвинутой американским психологом К.Д. Вильямсом в 1997 году моделью остракизма (The temporal need-threat model of ostracism — TNTM) в ситуации остракизма у человека нарушается ряд базовых потребностей. Социальный остракизм, отделяя индивида от группы, нарушает его потребность в принятии (a need for belonging). Человек, подвергнутый остракизму, зачастую приписывает факт исключения своей непривлекательности для социума, что снижает его самооценку, иными словами, нарушает потребность в самоуважении (a need for self-esteem). В отличие от любых прямых конфликтных межличностных столкновений (спор, драка, буллинг и др.), остракизм обладает отличительной особенностью: он характеризуется «односторонностью», то есть иг-

норируемый или отвергаемый индивид не имеет шанса на ответ, поскольку для субъекта (источника) остракизма он не видим. Данная диспозиция наносит удар по потребности человека контролировать свое социальное окружение (a need for control). В ряде работ остракизм метафорично называют «социальной смертью», поскольку, ставя под сомнение сам смысл признания человека ценным и значимым, остракизм способен нарушить потребность человека в осмысленном существовании (a need for meaningful existence) [см. по: 28; 29; 31].

Постановка проблемы

На сегодняшний день приходится констатировать тот факт, что психологические механизмы социального остракизма находятся в фокусе научного внимания именно зарубежных, а не отечественных исследований. С каждым годом таких исследований, по данным полнотекстовой базы научных работ Pro Quest Dissertations & Theses Global, становится все больше [23]. В данном случае, говоря о причинах явного дисбаланса в приросте научно-эмпирического знания в области социального остракизма, полагаем, не совсем верно говорить о недооценке актуальности и важности его исследования или об отсутствии интереса к данному психологическому феномену со стороны отечественной психологии. На наш взгляд, корень проблемы лежит в области теоретического обеспечения исследований.

К концу XX века в зарубежной психологии уже сформировался объемный кластер научных теорий, которые либо легли в основу чаще всего на сегодняшний день применяемой модели остракизма К.Д. Вильямса [29], либо используются

исследователями процессов игнорирования, отвержения и исключения в качестве вспомогательных теоретических основ для изучения отдельных аспектов феномена: «Теория социометра» М.Р. Лири, 1995 г. (Sociometer theory) [14], «Теория социального мониторинга» С.Л. Пикетт, В.Л. Гарднер, 2005 г. (The social monitoring system) [21], «Теория когнитивной деконструкции», Р.Ф. Баумайстер, Дж.М. Твендж, К.К. Насс, 2002 г. (Cognitive deconstruction and self-regulation impairment) [9], «Теория социальной боли», Г. МакДоналд, 2005 г. (Social pain theory) [15], «Теория пересечения физической и социальной боли», Н. Айзенбергер, 2004 г. (Pain overlap theory) [10], «Теория развития жизненного цикла, основанная на концепции контроля», Ю. Хекхаузен, Р.А. Шульц, 1995 г. (A life-span theory of Control) [12] и другие.

Столь многостороннее развитие теоретической базы остракизма совершенно логично опосредовало «зеркальный» прирост в развитии методологии исследования данного феномена. О первичных попытках классификации данной методологии мы писали ранее [4], поэтому в данной статье мы (с целью практического применения отечественными психологами) представим конкретные данные пилотажных исследований ряда методических приемов, используемых для организации экспериментальных схем исследования различных аспектов социального остракизма.

Программа исследования: приемы симуляции ситуации социального остракизма

Анализ зарубежной научной литературы по вопросам изучения феномена

социального остракизма выявил наличие целого ряда методических приемов (в англоязычной литературе их называют «paradigms» — «парадигмы», прим. авт.), используемых исключительно в экспериментах по исследованию процессов остракизма, а именно: приемы создания в лабораторных условиях ситуации игнорирования, исключения или отвержения [4; 8; 22; 24; 28]. Перечень подобных приемов, в том числе так называемых «минимальных парадигм» (методических приемов, опосредующих возникновение минимального сигнала остракизма и отличающихся простотой организации), на сегодняшний день весьма широк и разнообразен. В этой связи, прежде чем приступить к пилотажным исследованиям уже используемых в ряде зарубежных исследований методических приемов симуляции ситуации остракизма, мы предприняли анализ статей (84 статьи), описывающих исследования с использованием такого рода методических приемов. В результате нами были выделены три приема, которые отвечали четырем основным критериям: наибольшая частотность применения в экспериментальных схемах, географическое разнообразие в применении (применялись в исследованиях в США, Австралии, КНР, ФРГ и др. странах), реалистичность реализации (не требуют высокотехнологичного оборудования) и психологическая безопасность метода для участников эксперимента. Для пилотажа и адаптации к применению на российской выборке нами были определены три приема симуляции ситуации социального остракизма: «Кибербол» (Cyberball) [30], «Остракизм-камера» (O`Cam) [11], «Остракизм в поезде» (O`Train) [34].

Целью пилотажного внедрения выбранных нами приемов симуляции ситуации социального остракизма стало

определение наиболее адекватного варианта, который отечественные ученые, преподаватели, студенты и другие заинтересованные лица могли бы использовать в своих экспериментальных исследованиях. Первоначальные критерии, определенные нами как обязательные для желаемого приема симуляции социального остракизма, следующие: 1. симуляция условий игнорирования/исключения/отвержения, 2. наименьший психологический дискомфорт объекта, 3. жизнеспособность организации исследования. В процессе пилотажного исследования мы добавили к этому списку еще ряд критериев: избегание конфронтации участников; количество участников эксперимента и достоверность легенды (что, в принципе, может быть отнесено к критерию «жизнеспособность организации исследования»).

«Остракизм-камера» (O`Cam)

Выборка. Апробация метода «Остракизм-камера» (O`Cam) проводилась нами летом 2018 года в подмосковном детском оздоровительном лагере в рамках реализации развивающей программы социально-педагогической направленности «[Йа]» (N=37, средний возраст — 13,6, девочки — 19 (условия исключения — 11 чел.), мальчики — 18 (условия исключения — 10 чел.).

Процедура. В исходном варианте метода симуляции условий включения/исключения «Остракизм-камера» (O`Cam), который был разработан в 2010 г. Л. Задро и Р. Гудагр, участнику эксперимента (студенту) предлагалось принять участие в новой веб-конференции между университетами и выступить с заранее подготовленной самопрезентацией (не более 3-х минут) [11]. У участника складывалось впечатление, что он рассказывает о себе двум

другим студентам вуза, которых видит на мониторе. В действительности участник видит записанный заранее контент: условия включения — помощники экспериментатора внимательно слушают участника, условия исключения (остракизма) — после 20–30 секунд внимательного «прослушивания» самопрезентации участника помощники начинают отвлекаться и общаться между собой, игнорируя доклад.

Данная парадигма была апробирована нами по версии М. Пфундмайер [20], которая в своем исследовании по изучению влияния остракизма на формирование у индивида террористических интенций модифицировала первоначальную схему и заменила некоторые параметры: режим веб-конференции был заменен на самопрезентацию участника перед видеочкамерой (на штативе), а условия включения/исключения модерировались присутствием «в дверях» комнаты двух организаторов, которые либо внимательно слушали самопрезентацию участника, либо игнорировали его, общаясь друг с другом.

После проведения интервенции с двумя отрядами-участниками проводились обсуждения, на которых раскрывалась легенда эксперимента и была получена обратная связь об ощущениях всех участников, их нарушенных потребностях, обсуждались негативные аспекты остракизма.

Инструментарий. Метод эксперимента с использованием приема симуляции ситуации остракизма «Остракизм-камера», дебрифинг.

Результаты. Эксперимент выявил ряд организационных сложностей метода «Остракизм-камера» (O`Cam). В нескольких случаях остракируемые участники прерывали эксперимент: 2 участника обратились с просьбой к организаторам возобновить запись их са-

мопрезентации и выйти из помещения, 1 участник прекратил свою самопрезентацию в самом начале и ушел. В 6 случаях из 21 участники заявили, что вообще не обратили внимание на игнорирующих их организаторов, поскольку были сосредоточены на задаче эффективной самопрезентации.

Положительные характеристики метода: минимальное количество ассистентов; несложная схема организации; незначительный психологический ущерб (по данным дебрифинга).

Негативные характеристики метода: нестабильность результата симуляции социального остракизма; возможность вступления объекта в конфликтное взаимодействие с субъектом остракизма.

Выделенный критерий: избегание конфронтации участников.

«Остракизм в поезде» (O`Train)

Выборка. Апробация парадигмы «Остракизм в поезде» проводилась нами с участием студентов первого курса ФГБОУ ВО МГППУ в ходе практического занятия на тему «Организация экспериментального исследования» (N=66, женщины — 61, мужчины — 5, средний возраст — 18,3).

Процедура. В 2005 году Л. Задро, К.Д. Вильямс и Р. Ричардсон опубликовали эмпирическую статью с результатами трех серий экспериментов по сравнению воздействия на индивида остракизма и вербального диспута [34]. В данной серии экспериментов исследователи впервые применили разработанный ими ролевой метод симуляции ситуации остракизма — «Остракизм в поезде» (O`Train).

По сценарию в помещении имитируются условия вагона поезда: в несколько рядов (4–6) ставятся по три стула. Участник, который садится в середину — объ-

ект остракизма (или объект включения), участники на 1 и 3 стуле — субъекты, которым экспериментатор накануне дает определенные инструкции. По легенде все участники изображают обычное общение попутчиков в поезде в течение 5–7 минут, но начиная со второй минуты участники на 1 и 3 стульях постепенно исключают из своей беседы участника № 2, не реагируют на его реплики, беседуют, перегнувшись через него, как будто он не существует, не поддерживают зрительный контакт (симулирование ситуации остракизма). Для создания ситуации включения (инклюзии) участники на 1 и 3 стульях продолжают активно общаться между собой и средним «пассажиром». После «игры» все участники заполняют опросник (Шкалу нарушенных потребностей-Остракизм, ШНП-О [3]), включающий оценку уровня своих потребностей (в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании) и своего эмоционального состояния. По окончании эксперимента со всеми участниками обязательно проводится дебрифинг, в ходе которого экспериментатор раскрывает схему эксперимента [29; 34].

Мы расширили круг участников: добавили четырех наблюдателей (с протоколом наблюдения), супервизию, видеозапись эксперимента.

Инструментарий. Метод эксперимента с использованием приема симуляции ситуации остракизма «Остракизм в поезде», Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, van Beest I., Williams K.D., 2006; адаптация Бойкиной Е.Э., 2019), дебрифинг, анализ.

Результаты. По данным заполненного непосредственно после интервенции опросника ШНП-О у остракированных «пассажиров» в сравнении с «включенными в общение пассажирами» были

зафиксированы низкие показатели удовлетворенности потребностей в контроле, самоуважении, осмысленном существовании и принадлежности. Эти показатели коррелировали с данными наблюдения: к концу беседы «попутчиков» (5 минут) включенные пассажиры улыбались, активно жестикулировали, были позитивно настроены, а остракированные — более не предпринимали попытки присоединиться к беседе, некоторые уходили в себя (скрещивали руки на груди, опускали глаза вниз, откидывались назад на стуле, как бы превращаясь в невидимку: «Меня тут нет!»). На вопрос экспериментатора «Какие чувства (ощущения) вы испытывали к концу беседы с вашими попутчиками?» включенные «пассажиры» называли: оживление, удовлетворенность, желание продолжить беседу, радость, интерес к собеседникам; а остракированные «пассажиры» — безнадежность, беспомощность, грусть, жалость к себе, злость, обида, огорчение, подавленность, унижение. Интересно, что подавляющее число участников, которые стали в этом эксперименте субъектом (источником) остракизма, в отличие от других участников, которые создавали условия «включения», на фоне общей удовлетворенности от беседы с другим пассажиром испытывали чувство вины. Последующей конфронтации между объектами и субъектами остракизма не зафиксировано.

Положительные характеристики метода: ярко выраженный эффект остракизма (100% остракированных участников подтвердили свой статус, сообщили о нарушении потребностей и снижении эмоционального фона).

Негативные характеристики метода: явная психологическая травматизация остракированных участников, потребность в ассистентах (соотношение объ-

ектов к субъектам остракизма — 1:2) и материальных ресурсах.

Выделенный критерий: количество участников эксперимента.

«Кибербол» (Cyberball)

Выборка. Пилотажное исследование данного метода симуляции ситуации остракизма проходило летом 2019 г. на базах двух подмосковных детских оздоровительных лагерей. В данном эксперименте приняли участие 96 детей из разных регионов России (г. Москва, г. Калуга, г. Махачкала, г. Ростов-на-Дону, г. Петрозаводск, г. Воронеж, г. Тула, г. Екатеринбург); 57 девочек, 39 мальчиков. Распределение по возрастам: 7–9 лет — 21 чел., 10–12 лет — 18 чел., 13–15 лет — 30 чел., 16–18 лет — 27 чел.

Процедура. Данный прием разработан К.Д. Вильямсом и его коллегами на основе уже апробированного ими «Перекидывания мяча» и представляет его виртуальный аналог, реализуемый в форме компьютерной программы [30; 32]. «Кибербол» активно используется учеными во всем мире для программирования условий социального исключения или включения уже около 20 лет.

По факту это компьютерная игра с участием от 3 до 5 игроков, которые перекидывают друг другу мяч. Реальный участник только один, остальные — виртуальные, а именно коды, которые программируются экспериментатором. По легенде разработчиков участнику говорят, что это сетевая игра, направленная на визуализацию игроков. Уровень включенности участника в социальную коммуникацию (здесь — игру с другими участниками) манипулируется количеством передач мяча реальному игроку: условия включения — игрок получает до 30% от общего количества бросков

в игре (обычно игра длится 1–1,5 мин. и состоит из 30–40 бросков), условия остракизма – игрок получает до 5% от общего количества бросков в игре (по факту – 2–3 броска за игру). Нами также были использованы нейтральные условия (около 20-30% пасов получает участник за игру) для того, чтобы обосновать представляемую нами легенду и дать участнику возможность тренировочной игры.

Подробно о легенде проводимого нами эксперимента, в рамках которого апробировался прием симуляции остракизма «Кибербол», было доложено на международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодежи» (г. Ялта, 2019 г.) [3]. В этой связи мы приведем только ту информацию, которая касается, собственно, пилотирования программы «Кибербол».

Уже первые пилотные попытки использовать «Кибербол» в соответствии с действующей инструкцией авторов-разработчиков показали, что в таком виде использовать ее в эксперименте невозможно: дети не верили, что игра сетевая и за аватарами игроков скрываются реальные люди, она вызывала скуку и раздражение, задача по визуализации других игроков тоже не находила отклика. В конечном итоге декларируемая легенда не воспринималась детьми (особенно старшего возраста: с 13–14 лет) и условия исключения (только 2–3 броска участнику из 30) не воспринимались как таковые («Нет, меня не игнорировали: мне же все-таки три раза кинули мяч»), что ставило весь эксперимент под угрозу.

С учетом анализа критических замечаний детей, участвовавших в пилотных сериях, мы поменяли легенду к «Киберболу». При реализации данного метода симуляции ситуации остракизма очень

важно, чтобы участник доверял экспериментатору, условия игры не ставили под сомнение его умственные способности, а сама игра несла в себе хотя бы минимальную интригу. В итоге на вторую пилотную серию мы представили другим участникам легенду, в соответствии с которой участник играет против искусственного интеллекта, и игра сразу позиционируется как очень простая. Данное отхождение от схемы применения «Кибербола» вполне допустимо и уже применялось: в исследовании Л. Задро, К.Д. Вильямса и Р. Ричарда в 2004 г. участники эксперимента играли в «Кибербол» против компьютера. Несмотря на это, ученые зафиксировали «негативное воздействие, сравнимое с тем, когда участники думают, что в игре подвергаются остракизму со стороны реальных людей» [35, с. 1].

После окончания игры в «Кибербол» участнику предлагается описать свои ощущения, которые он испытывал во время второй (экспериментальной) игры, заполнив ШНП-О.

Инструментарий. Метод эксперимента с использованием приема симуляции ситуации остракизма «Кибербол» с установкой программного обеспечения «Cyberball» на ноутбук, Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, van Beest I., Williams K.D., 2006 и Basic Needs Scale, Hawes D.J. et al., 2012 для игры «Кибербол»; адаптация Бойкиной Е.Э., 2019), дебрифинг, анализ.

Результаты. В процессе ряда пилотажных исследований нами были определены оптимальные для российской выборки из числа несовершеннолетних параметры применения программы «Кибербол» для симуляции условий включения/остракизма. Оптимальное количество получаемых реальным игроком пасов для манипуляции условий следующее:

Нейтральные условия (этап ознакомления с игрой) — 35 передач мяча, 7—9 передач реальному игроку (равномерно);

Условия включения — 30 передач, из них 9 реальному игроку (равномерно; и обязательно заключительный пас);

Условия исключения (остракизма) — 30 передач, из них реальному игроку 1 передача (на 2-4 броске).

Обработка заполненных участниками пилотажных экспериментов бланков ШНП-О подтвердила эффективность «Кибербола» как метода симуляции ситуации остракизма. Полученные результаты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство участников в условиях исключения: 1) подтвердили опыт переживания остракизма; 2) испытывали угрозу нескольким фундаментальным потребностям (в принадлежности, осмысленном существовании, контроле, самоуважении).

Положительные характеристики метода: минимальное количество организаторов эксперимента; отсутствие конфедератов; короткое время симуляции; отсутствие личного контакта объекта и субъекта остракизма во время и после симуляции; понятный интерфейс программы, как следствие — отсутствие необходимости привлекать специалистов технического профиля; предоставление авторами-разработчиками ссылки открытого доступа для скачивания программы «Кибербол» (<http://www.empirisoft.com/cyberball.aspx>), самый высокий процент использования метода в исследованиях; минимальная психологическая травматизация участника.

Негативные характеристики метода: не все респонденты определяли манипулируемые условия остракизма как игнорирование, исключение или отвержение (например, при 2-3 бросках из 30); тре-

буется переработка авторской легенды «Кибербола» с учетом характеристик выборки; интерфейс на английском языке; внешне незаметный эффект остракизма; спорный характер в виду взаимодействия не в реальной социальной коммуникации, а виртуальной.

Выделенные критерии: достоверность легенды, количество участников эксперимента.

«Кибербол» (Cyberball) как валидный прием симуляции ситуации социального остракизма

Ввиду того, что среди всех приемов симуляции ситуации остракизма «Кибербол» бесспорно лидирует по количеству применений и географии в экспериментальных исследованиях за последние 20 лет, считаем необходимым дать его более полную характеристику.

Впервые «Кибербол» как прием симуляции ситуации социального остракизма был представлен научной общественности ее авторами-разработчиками К.Д. Вильямсом, К.К. Ченгом и В. Чои в 2000 г. на страницах журнала «Journal of personality and social psychology» [30]. По признанию исследователей остракизма, «Кибербол» и по сей день остается «простой в применении, но эффективной экспериментальной процедурой» [8, с. 2]. В своем метаанализе К. Хартгеринк, И. ван Бист, Дж.М. Вичертс и К.Д. Вильямс пишут, что на момент 2015 года им удалось обнаружить «по меньшей мере 200 опубликованных работ, в которых для исследования остракизма используется парадигма “Кибербол”, а также что на сегодняшний день в этой игре приняли участие около 19500 человек» [26, с. 1]. С точки зрения географии применения еще в 2006 году К.Д. Вильямс и Б. Джарвис писали, что на

тот момент в исследованиях с применением «Кибербола» приняли участие более 1400 человек из 67 стран [32].

Научное сообщество активно исследует различные аспекты «Кибербола», подвергая сомнению валидность и эффективность данного метода исследования, критикует повсеместность его использования в исследованиях [19]. Помимо уже озвученного нами метаанализа К. Хартгеринка и его коллег, в котором в конечном итоге было проанализировано 120 исследований ($N=11869$) с применением «Кибербола» [26], в 2013 г. А. Годвин и ее коллеги в ходе серии экспериментов сравнили «Кибербол» с другими методами исследования остракизма, такими как «Остракизм-камера» и «направленные воспоминания» (recall paradigm, англ.) [8]. Получение данных, свидетельствующих о ретестовой стабильности парадигмы «Кибербол», стало предметом исследования Ч.А. Дэвидсона и его коллег (2019 г.) [16].

Метаанализ 120 исследований с применением «Кибербола» выявил ряд важных данных, подтверждающих высокую степень надежности данного экспериментального метода. В исследовании зафиксирован высокий среднестатистический эффект остракизма при использовании «Кибербола» ($d>|1.4|$). Данный среднестатистический эффект не меняется в зависимости от изменения таких структурных аспектов игры, как количество бросков и игроков, длительность игры. Характеристика выборки участников (возраст, пол, страна проживания) тоже не влияет на эффект остракизма в игре «Кибербол» [см. по: 26].

В исследовании С.Дж. Вильнер и ее коллег ($N=30$, возраст от 13 до 18 лет) данные шкалы нарушенных в ситуации остракизма потребностей, которая заполнялась участниками после игры в

«Кибербол» дважды с промежутком в месяц, свидетельствуют об адекватной тест-ретестовой надежности и внутренней согласованности в обеих процедурах. Конструктивная валидность метода была продемонстрирована на примере сравнения с такими родственными остракизму конструктами, как тревожность и нарушение регуляции эмоций. С более отдаленными к социальному остракизму конструктами, такими как параноидальное расстройство личности и субклинический психозоподобный опыт, обнаружена слабая и незначительная связь. Исследование зафиксировало статистически значимый уровень дистресса вследствие применения парадигмы «Кибербол» не только при первичной (тест), но и вторичной (ретест) процедуре игры, что, по мнению исследователей, является индикатором того, что и в случае ознакомления участника с легендой «Кибербола» воздействие остракизма хоть и снижается, но все же продолжается [см. по: 16].

С учетом того, что в нашей схеме эксперимента мы использовали легенду игры участника не с реальным игроком, а против компьютерных ботов (искусственный интеллект), в высшей степени интересным для нас являются результаты серии экспериментов Л. Задро, К.Д. Вильямса и Р. Ричардсона. В своем исследовании ученые сравнили воздействие «Кибербола» на участников при изменении легенды (реальный игрок/компьютер) и получили следующие результаты. Вне зависимости от того, кто по легенде был субъектом остракизма (реальный игрок или компьютер), это никак не повлияло на степень нарушения у объекта его базовых потребностей. Единственное различие состояло в том, что «остракирование со стороны компьютера злило участников сильнее, чем остракирование со стороны человека» [35, с. 563]. Основываясь на коммен-

тариях, сделанных во время интервью с участниками, экспериментаторы считают, что этот результат был обусловлен нарушением основного допущения, что компьютер — это инструмент для служения людям, а значит, ему не следует сознательно огорчать или отчуждать человека. Например, один участник эксперимента (который случайно оказался программистом) заявил, что «во время игры он сильно разозлился и был расстроен, поскольку “предполагается, что компьютер должен служить мне. И ему совсем не полагается отвергать меня”» [там же].

Стоит отметить, что эффект остракизма, вызываемый приемом «Кибербол», отличается по ряду параметров от других методов исследования данного феномена. Так, «Остракизм-камера» наносит более серьезный ущерб фундаментальным потребностям индивида в контроле и самоуважении. В данном отношении «Кибербол» оказывает на остракированного такое же воздействие, как и метод «направленных воспоминаний» [см. по: 8].

Ряд исследователей (А. Годвин, Дж. МакНевин, Р. Иануцелли и др.) обращают внимание на возможность того, что остракизм, вызванный интервенцией «Кибербола», может быть концептуально другим по сравнению с остракизмом, опосредованным иными приемами, в которых «цели игнорируются в “НЕанонимном” контексте в процессе взаимодействия лицом к лицу (например, в разговоре)» [8, с. 2]. Авторы, правда, не уточняют, что они подразумевают под «концептуально другим остракизмом». Зато ряд иных исследований эмпирически доказывает, что вызванный условиями игры «Кибербол» остракизм результирует те же последствия, что и остракизм в реальной жизни. Основным звеном в цепи доказательств данного утверждения является работа 2003 г. Н. Айзенбергер, М.Д. Либермана

и К.Д. Вильямса, использовавших МРТ для изучения мозговой активности остракированных посредством «Кибербола» игроков. Исследователи зафиксировали «увеличение кровотока в том же отделе головного мозга (дорсальная передняя поясная кора — dACC), который активизируется у человека, когда он ощущает физическую боль» [27, с. 918]. При этом активация dACC зафиксирована не только при виртуальном симулировании условий остракизма («Кибербол»), но и в условиях симуляции остракизма в реальной жизни: при применении парадигмы «Взгляд в сторону» (eye-gaze paradigm, англ.) и в экспериментах с использованием приема «Перекидывание мяча» [см. по: 29].

В данном отношении полагаем необходимым добавить еще один критерий, который делает применение «Кибербола» предпочтительным методом: учет специфики выборки. Не сбрасывая со счетов положения теорий поколений, нами был выделен ряд отличительных особенностей несовершеннолетних, относящихся к поколению, рожденному после 2000-2003 гг. В частности, мы отмечаем, что нынешние несовершеннолетние (и не только они, но и люди старшего поколения) все больше увеличивают количество своего «экранного времени» [6], у них происходит изменение в мелкомоторных действиях (предпочтение ввода текста посредством печати написанием от руки) [см. по: 1], развиты навыки общения посредством видеочатов и отложенных во времени аудиосообщений [см. по: 2]. Таким образом, социальная коммуникация в виртуальной реальности (в данном случае посредством «Кибербола») если и не является для несовершеннолетних и молодежи предпочтительнее реальной, то совершенно точно уже стала обычным средством связи, коммуникации, получения информации и не вызы-

вает отторжения. Словами М. Пренски (об использовании soft-контента в исследованиях и образовании), «в конце концов, это именно тот язык, которым большинство из них владеют в совершенстве» [22, с. 4].

Обсуждение результатов

Пилотажные исследования с использованием приемов симуляции условий включения/исключения «Остракизм-камера», «Остракизм в поезде» и «Кибербол» позволили нам расширить круг требований, предъявляемых к методу симуляции ситуации остракизма, который потенциальный исследователь социального остракизма планирует к использованию в своем эксперименте.

В результате нами в качестве рекомендаций сформулированы следующие критерии выбора приема: 1) симуляция условий игнорирования/исключения/отвержения, 2) наименьший психологический дискомфорт объекта, 3) жизнеспособность организации исследования (включая количество участников экспе-

римента и достоверность легенды), 4) избегание конфронтации участников.

На основе выделенных нами критериев и с учетом субъективной оценки этапа пилотажа, экспериментальной схемы исследования и особенностей выборки нами проведен анализ эффективности методов симуляции условий включения/исключения по трехранговой шкале от 1 до 3, где 1 — плохо, 2 — хорошо, 3 — отлично (см. таблицу).

Как видно из таблицы, наиболее значимый результат, согласно нашей оценке по результатам пилотажных исследований, показала комплексная оценка приема симуляции остракизма «Кибербол» (17 баллов из 18 возможных, что больше на 5–6 баллов, чем у других двух методов). Данный результат делает прием «Кибербол» наиболее предпочтительным для использования в исследовании.

В данном отношении следует отметить, что самый высокий балл по основному критерию «симуляция условий остракизма» получил метод «Остракизм в поезде». Однако именно этот факт, мы считаем, опосредовал низкий балл (1 балл) критерия «психологическая

Т а б л и ц а

Сравнительный анализ эффективности приемов симуляции условий включения/исключения (по данным этапа пилотажных исследований, Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В.)

Критерий	Метод	«Остракизм-камера»	«Остракизм в поезде»	«Кибербол»
Симуляция условий игнорирования/исключения/отвержения		2	3	2
Психологическая безопасность объекта		1	1	3
Жизнеспособность организации исследования (в целом)		3	1	3
Избегание конфронтации участников		1	2	3
Количество участников эксперимента		2	1	3
Достоверность легенды		3	3	3
Итого баллов:		12	11	17

безопасность объекта». Соответственно, опираясь на этический кодекс психологического исследования [7], при организации эксперимента мы отдали бы предпочтение менее эффективному по воздействию, но более безопасному приему «Кибербол».

Перспективы исследования

Как нами было указано ранее, наиболее часто используемым в исследованиях феномена остракизма методом является прием симуляции условий игнорирования, исключения или отвержения. При этом важно понимать, что данный прием симуляции может быть использован лишь в тех экспериментах, которые исследуют воздействие краткосрочного остракизма. В этой связи вектор дальнейших разработок в области валидных методов исследования социального остракизма несомненно должен развиваться в направлении формирования блока исследовательских приемов долгосрочного (хронического) остракизма.

Безусловным потенциалом к проведению ряда исследований с применением описанных выше методов может стать экспериментальный поиск ситуационных факторов, снижающих или, наоборот, увеличивающих степень негативного воздействия остракизма на человека. К примеру, Хейлс Э. с коллегами экспериментально подтвердили тот факт, что социальное исключение и игнорирование оказывают более негативное воздействие на человека, если у этого процесса есть аудитория, свидетели [17].

Интересными могут стать исследования остракизма с использованием описанных приемов, но опирающиеся не на модель остракизма К.Д. Вильямса, а, например, на новый, недавно появившийся

в научном дискурсе подход к изучению остракизма как коммуникационного феномена IOMs (interpersonal ostracism messages, англ.) [19].

Налицо также отсутствие верифицированных технологий по снижению негативного воздействия остракизма на человека, выполненных в соответствии с фундаментальными теориями, например, на основе коррекции ряда нарушенных потребностей [29].

Заключение

Формирование в Российской Федерации теоретико-методологических основ для проведения научных фундаментальных исследований психологического механизма социального остракизма (игнорирование, исключение и/или отвержение) как одного из факторов радикализации, антисоциального поведения взрослых и подростков [5; 20; 25] является актуальной темой, не имеющей на данный момент времени достаточного отражения в отечественном научном дискурсе и практико-ориентированном контексте.

Анализ представленных в данной статье экспериментальных методов направлен на преодоление дефицита теоретико-эмпирического знания в области механизмов деструктивного поведения с целью включения научных результатов в программы обучения специалистов и разработки инструментов профилактики рисков (агрессия, радикализация, буллинг, шовинизм, стигматизация и др.). Однако стоит учитывать тот факт, что применение метода симуляции ситуации социального остракизма сопряжено с сохранением разумного баланса между научной пользой и соблюдением этических рамок экспериментального исследования.

Литература

1. Белозерова Л.А., Поляков С.Д., Жидяева О.О. Социокультурные особенности поколения Z: опыт эмпирического исследования [Электронный ресурс] // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2018. № 3. Т. 25. С. 16–23.
2. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z» / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 56 с.
3. Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей. Результаты экспериментального исследования. Часть 1: Методология // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Ялта, 8–9 октября 2019 г.). Ялта: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2019. С. 29–36.
4. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152–170. DOI:10.17759/psylaw.2020100114
5. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сырковашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208
6. Твенге Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым к взрослой жизни и что это значит для всех остальных. Пер. с англ. Толмачев А.М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.
7. Этический кодекс психолога [Электронный ресурс]. URL: <http://рпо.рф/гпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 06.04.2020).
8. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Sam paradigms Adolescents [Электронный ресурс] / Godwin A. [et al.] // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 46. Iss. 3. P. 1–8. DOI:10.3758/s13428-013-0408-0
9. Baumeister R.F., Twenge J.M., Nuss C.K. Effects of social exclusion on cognitive processes: anticipated aloneness reduces intelligent thought // J. Personal. Soc. Psychol. 2002. Vol. 83. P. 817–827.
10. Eisenberger N. Social Pain and the Brain: Controversies, Questions, and Where to Go from Here [Электронный ресурс] // Annual Review of Psychology. 2014. Vol. 66. № 1. P. 601–629. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115146
11. Goodacre R., Zadro L. O`Sam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism [Электронный ресурс] // Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. Iss. 3. P. 768–774. DOI:10.375/BMR.42.3.768
12. Heckhausen J., Schulz R.A. The life-span theory of Control [Электронный ресурс] // Psychological Review. 1995. Vol. 102. Iss. 2. P. 284–304. DOI:10.1037/0033-295X.102.2.284
13. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior [Электронный ресурс] / Twenge J.M. [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. Iss. 6. P. 1058–1069. DOI:10.1037/0022-3514.81.6.1058
14. Leary M.R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem [Электронный ресурс] // European Review of Social Psychology. 2005. Vol. 16. P. 75–111. DOI:10.1080/10463280540000007
15. MacDonald G., Kingsbury R., Shaw S. Adding insult to injury: Social pain theory and response to social exclusion / In K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel (Eds.) // The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying. New York, NY: Psychology Press, 2005. P. 77–90.
16. One-month Stability of Cyberball Post-exclusion Ostracism Distress in Adolescent [Электронный ресурс] / Davidson Ch.A. [et al.] // Journal of Psychopathology and Behavioral

- Assessment. Inpress. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331000393_One-month_Stability_of_Cyberball_Post-exclusion_Ostracism_Distress_in_Adolescents. (дата обращения: 18.06.2020).
17. Ostracized and observed: The presence of an audience affects the experience of being excluded [Электронный ресурс] / Hales A., [et al.] // *Self and Identity*. 2020. Vol. 1. P. 1–22. DOI:10.1080/15298868.2020.1807403
 18. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm [Электронный ресурс] / Wolf W. [et al.] // *Behavior Research Methods*. 2015. Vol. 47. P. 361–373. DOI:10.3758/s13428-014-0475-x
 19. Pelliccio L.J., Walkerb S. What is an interpersonal ostracism message?: bringing the construct of ostracism into communication studies [Электронный ресурс] // *ATLANTIC JOURNAL OF COMMUNICATION*. 2020. P. 1–16. DOI:10.1080/15456870.2020.1859509
 20. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Электронный ресурс] // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2019. Vol. 11. Iss. 2. P. 134–148. DOI:10.1080/19434472.2018.1443965
 21. Pickett C.L., Gardner W.L. The social monitoring system: Enhanced sensitivity to social clues as an adaptive response to social exclusion / In K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel // *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. New York: Psychology Press, 2005. P. 213–226.
 22. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9. Issue 5. P. 1–6.
 23. ProQuest Dissertations & Theses Global [Электронный ресурс]. URL: <https://ebs.mgppu.ru:5389/socialsciences/results/9E52D1B997914646PQ/1?accountid=35419#> (дата обращения: 25.06.2020).
 24. Social media ostracism: The effects of being excluded online [Электронный ресурс] / Schneider F.M. [et al.] // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 73. P. 385–393. DOI:10.1016/j.chb.2017.03.052
 25. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bulling, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics of school shootings — A systematic review [Электронный ресурс] // *International Journal of Developmental Science*. 2014. Vol. 8. P. 3–24. DOI:10.3233/DEV-140129
 26. The Ordinal Effects of Ostracism: A Meta-Analysis of 120 Cyberball Studies [Электронный ресурс] / Hartgerink C.H.J. [et al.] // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10. Iss. 5. P. 1–25. DOI:10/1371/journal.pone.0127002
 27. Van Beest I., Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts [Электронный ресурс] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91. Iss. 5. P. 918–928. DOI:10.1037/0022-3514.91.5.918
 28. Williams K.D. Ostracism [Электронный ресурс] // *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
 29. Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model [Электронный ресурс] // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 275–314. DOI:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
 30. Williams K.D., Cheung C.K., Choi W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79. P. 748–762.
 31. Williams K.D. Ostracism: The kiss of social death. *Compass: Social and Personality Psychology*, 2007. Vol. 1. P. 236–247.
 32. Williams K.D., Jarvis B. Cyberball: a program for use in research on interpersonal ostracism and acceptance [Электронный ресурс] // *Behavior Research Methods*. 2006. Vol. 38. Iss. 1. P. 174–180.
 33. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Электронный ресурс] // *Journal Social Influence*. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217–236. DOI:10.1080/15534510.2012.706233

34. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the `O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources [Электронный ресурс] // Group Processes and Intergroup Relations. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 125–143. DOI:10/1177/1368430205051062
35. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. How low can you go? Ostracism by a computer lowers belonging, control, self-esteem, and meaningful existence // J. Exp. Soc. Psychol. 2004. Vol. 40. P. 560–567.

References

1. Belozerova L.A., Polyakov S.D., Zhidyayeva O.O. Sotsiokul'turnye osobennosti pokoleniya Z: opyt empiricheskogo issledovaniya [Social and Cultural Features of the Generation Z: Empirical Research Experience]. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk (nauchnyi zhurnal) = Volga Region Pedagogical Search (Scientific Journal)*, 2018. Vol. 25, no. 3, pp. 16–23. (In Russ.).
2. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Mify o «pokolenii Z» [Myths about «Generation Z»]. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. Moscow: HSE University, 2019. 56 p. (In Russ.).
3. Boykina E.E. Rol' ignorirovaniya i sotsial'nogo isklucheniya v formirovani antisotsial'nogo povedeniya u detei. Rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya. Chast' 1: Metodologiya [The role of ignoring and social exclusion in the formation of antisocial behavior in children. Results of the experimental study: Part 1. Methodology]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i molodyozhi: regional'nye modeli I tekhnologii»* (g. Yalta, 8–9 oktyabrya 2019 g.) [International Scientific and Practical Conference «Prevention of deviant behavior of children and youth: Regional models and technologies»]. YAlta: KFU im. Vernadskogo, 2019, pp. 29–36. (In Russ.).
4. Boykina E.E., Chirkina R.V. Sotsial'nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods]. *Psikhologiyai parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 152–164. DOI:10.17759/psylaw.2020100114 (In Russ.).
5. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrovashina K.V. Psikhologicheskie, sotsial'nye I informatsionnye aspekty napadenii nesovershennoletnikh na uchebnye zavedeniya [Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208 (In Russ.).
6. Twenge J.M. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskii dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym k vzrosloi zhizni I chto eto znachit dlya vsekh ostal'nykh [iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood]. Moscow: RIPOL klassik, 2019. 406 p. (In Russ.).
7. Eticheskii kodeks psikhologa [Elektronnyi resurs] [The Psychologist's Code of Ethics]. URL: <http://pno.pf/rpo/documentation/ethics.php> (Accessed 06.04. 2020). (In Russ.).
8. Godwin A. et al. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents [Elektronnyi resurs]. *Behavior Research Methods*, 2013. Vol. 46, Iss. 3, pp. 1–8. DOI:10.3758/s13428-013-0408-0
9. Baumeister R.F., Twenge J.M., Nuss C.K. Effects of social exclusion on cognitive processes: anticipated aloneness reduces intelligent thought. *J. Personal. Soc. Psychol.*, 2002. Vol. 83, pp. 817–827.
10. Eisenberger N. Social Pain and the Brain: Controversies, Questions, and Where to Go from Here [Elektronnyi resurs]. *Annual Review of Psychology*, 2014. Vol. 66, no. 1, pp. 601–629. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115146
11. Goodacre R., Zadro L. O`Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism [Elektronnyi resurs]. *Behavior Research Methods*, 2010. Vol. 42, no. 3, pp. 768–774. DOI:10.375/BMR.42.3.768

12. Heckhausen J., Schulz R.A. The life-span theory of Control [Elektronnyi resurs]. *Psychological Review*, 1995. Vol. 102, Ino. 2, pp. 284–304. DOI:10.1037/0033-295X.102.2.284
13. Twenge J.M. et al. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior [Elektronnyi resurs]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001. Vol. 81, no. 6, pp. 1058–1069. DOI:10.1037//0022-3514.81.6.1058
14. Leary M.R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem [Elektronnyi resurs]. *European Review of Social Psychology*, 2005. Vol. 16, pp. 75–111. DOI:10.1080/10463280540000007
15. MacDonald G., Kingsbury R., Shaw S. Adding insult to injury: Social pain theory and response to social exclusion. In K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel (Eds.). *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. New York, NY: Psychology Press, 2005, pp. 77–90.
16. Davidson Ch.A. et al. One-month Stability of Cyberball Post-exclusion Ostracism Distress in Adolescent [Elektronnyi resurs]. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. In press, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331000393_One-month_Stability_of_Cyberball_Post-exclusion_Ostracism_Distress_in_Adolescents. (Accessed 18.06.2020)
17. Hales A. et al. Ostracized and observed: The presence of an audience affects the experience of being excluded [Elektronnyi resurs]. *Self and Identity*, 2020. Vol. 1, pp. 1–22. DOI:10.1080/15298868.2020.1807403
18. Wolf W. et al. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm [Elektronnyi resurs]. *Behavior Research Methods*, 2015. Vol. 47, pp. 361–373. DOI:10.3758/s13428-014-0475-x
19. Pelliccio L.J., Walkerb S. What is an interpersonal ostracism message?: bringing the construct of ostracism into communication studies [Elektronnyi resurs]. *Atlantic journal of communication*, 2020, pp. 1–16. DOI:10.1080/15456870.2020.1859509
20. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Elektronnyi resurs]. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019. Vol. 11, no. 2, pp. 134–148. DOI:10.1080/19434472.2018.1443965
21. Pickett C.L., Gardner W.L. The social monitoring system: Enhanced sensitivity to social clues as an adaptive response to social exclusion. In K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel. *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. New York: Psychology Press, 2005, pp. 213–226.
22. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1. *On the Horizon*, 2001. Vol. 9, no. 5, pp. 1–6.
23. ProQuest Dissertations & Theses Global [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ebs.mgppu.ru:5389/socialsciences/results/9E52D1B997914646PQ/1?accountid=35419#> (Accessed 25.06.2020).
24. Schneider F.M. et al. Social media ostracism: The effects of being excluded online [Elektronnyi resurs]. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 73, pp. 385–393. DOI:10.1016/j.chb.2017.03.052
25. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bulling, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics of school shootings – A systematic review [Elektronnyi resurs]. *International Journal of Developmental Science*, 2014. Vol. 8, pp. 3–24. DOI:10.3233/DEV-140129
26. Hartgerink C.H.J. et al. The Ordinal Effects of Ostracism: A Meta-Analysis of 120 Cyberball Studies [Elektronnyi resurs]. *PLoS ONE*, 2015. Vol. 10, Iss. 5, pp. 1–25. DOI:10/1371/journal.pone.0127002
27. Van Beest I., Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts [Elektronnyi resurs]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 91, no. 5, pp. 918–928. DOI:10.1037/0022-3514.91.5.918
28. Williams K.D. Ostracism [Elektronnyi resurs]. *The Annual Review of Psychology*, 2007. Vol. 58, pp. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
29. Williams K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model [Elektronnyi resurs]. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 41, pp. 275–314. DOI:10.1016/S0065-2601(08)00406-1

30. Williams K.D., Cheung C.K., Choi W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 79, pp. 748–762.
31. Williams K.D. Ostracism: The kiss of social death. *Compass: Social and Personality Psychology*, 2007. Vol. 1, pp. 236–247.
32. Williams K.D., Jarvis B. Cyberball: a program for use in research on interpersonal ostracism and acceptance [Elektronnyi resurs]. *Behavior Research Methods*, 2006. Vol. 38, Ino. 1, pp. 174–180.
33. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Elektronnyi resurs]. *Journal Social Influence*, 2013. Vol. 8, no. 4, pp. 217–236. DOI:10.1080/15534510.2012.706233
34. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the `O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources [Elektronnyi resurs]. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2005. Vol. 8, no. 2, pp. 125–143. DOI:10/1177/1368430205051062
35. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. How low can you go? Ostracism by a computer lowers belonging, control, self-esteem, and meaningful existence. *J. Exp. Soc. Psychol.*, 2004. Vol. 40, pp. 560–567.

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, аспирант кафедры Юридической психологии и права факультета Юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, Postgraduate Student of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

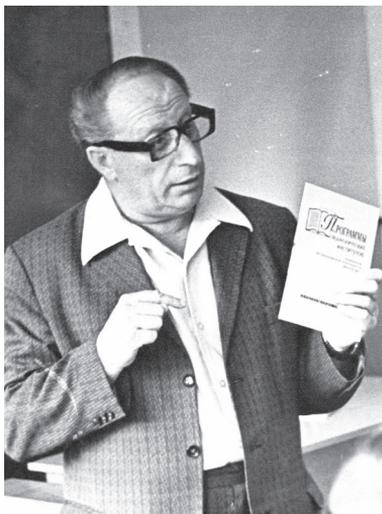
Получена 25.04.2021

Received 25.04.2021

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

К 100-летию со дня рождения Льва Ильича Уманского. Костромская социально-психологическая научная школа: традиции и тренды развития

Крюкова Т.Л.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0825-3232>, e-mail: tat.krukova44@gmail.com**

Самохвалова А.Г.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru**

29 октября 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения Льва Ильича Уманского (1921–1983), отечественного ученого, социального психолога, учителя и человека, оставившего после себя научную школу социальной психологии на Курской и Костромской земле в 60–80-е годы XX века. В статье рассматривается этап становления научной школы социальной психологии на Костромской земле, связанный, в первую очередь, с деятельностью известного ученого Л.И. Уманского. Показаны основные направления научных исследований костромских психологов

в XX веке, а также современное состояние социально-психологической школы, изменяющейся в связи с новыми вызовами современности.

Ключевые слова: социальная психология, научная школа, исследования, параметрическая концепция группы, организаторская деятельность, лидерство, совладающее поведение.

Для цитаты: Крюкова Т.Л., Самохвалова А.Г. К 100-летию со дня рождения Льва Ильича Уманского. Костромская социально-психологическая научная школа: традиции и тренды развития // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 207–214. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120412>

To the 100th Anniversary of Lev Ilyich Umansky. Kostroma Social-Psychological Scientific School: Traditions and Development Trends

Tatiana L. Kryukova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0825-3232>, e-mail: tat.krukova44@gmail.com

Anna G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samokhvalova@ksu.edu.ru

October 29th, 2021 marks the 100th anniversary since the birth of Lev Ilyich Umansky (1921–1983), a Soviet scientist, social psychologist, mental teacher and a leader who left behind a scientific school of social psychology in Kursk and Kostroma in the 60–80s XX century. The article examines the stage of formation of the scientific social psychology school in Kostroma, associated, first of all, with the activities of the famous researcher L.I. Umansky. The main directions of scientific research of Kostroma psychologists in the XX century, as well as the current state of the scientific psychological school, changing in connection with the new challenges of our time, are shown.

Keywords: social psychology, scientific school, research, parametric group concept, a team, organizational activity, leadership, coping.

For citation: Kryukova T.L., Samokhvalova A.G. To the 100th Anniversary of Lev Ilyich Umansky. Kostroma Social-Psychological Scientific School: Traditions and Development Trends. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 207–214. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120412> (In Russ.).

Начало становления костромской социально-психологической школы

Кострома стала приобретать статус научного центра, где ведутся актуальные социально-психологические исследования, в 1973 году. В это время организационно отделившуюся от педагогических направлений кафедру психологии Ко-

стромского педагогического института имени Н.А. Некрасова возглавил доктор психологических наук, профессор Лев Ильич Уманский, приглашенный сюда вместе со своим учеником Анатолием Николаевичем Лутошкиным из Курска. Автор известных в то время психологии организаторской деятельности и параметрической концепции группы

как коллектива, Л.И. Уманский перенес в Кострому центр разработки своих идей о групповой динамике, концепции развития группы. К этим идеям талантливый исследователь пришел во время «научной робинзонады», практически не зная работ школы Курта Левина и его сотрудников, самостоятельно. В Курске остался созданный им квалифицированный научный коллектив, долгие годы в дальнейшем успешно работавший под руководством профессора Алексея Сергеевича Чернышова.

В Костроме вокруг Л.И. Уманского в созданной при кафедре психологии социально-психологической лаборатории объединились А.Н. Лутошкин, В.С. и В.Д. Сапоровские, И.М. Чернышова, Е.М. Зайцева, К.А. Воронина и др. В это же время открывается аспирантура по специальности «социальная психология». Свои исследования, в том числе в естественных экспериментальных условиях молодежных лагерей, начали первые аспиранты в Костроме А.Г. Кирпичник, О.В. Лунёва, С.И. Жигулёв, Т.Л. Крюкова, В.Г. Асафов и др. Первая полевая лаборатория — областной лагерь школьного актива «Комсорг» создан тогда же, в 1973 году. Социально-психологические исследования, кроме костромичей, здесь проводят сотрудники лаборатории А.В. Петровского, аспиранты Г.М. Андреевой и др. члены кафедры социальной психологии МГУ, аспиранты лаборатории воспитательных проблем школьного коллектива НИИ общих проблем воспитания АПН СССР Л.И. Новиковой и др. Уже к концу 80-х годов XX века по материалам исследований, проведенных в молодежных лагерях, было подготовлено и защищено 17 кандидатских диссертаций по социальной психологии.

Параметрическая концепция групп и коллективов обогатилась в Костроме

новыми идеями, исследовательскими материалами и научными результатами. Прежде всего, в работах Л.И. Уманского было завершено построение системно-структурной модели коллектива. В последней редакции она представлена как состоящая из отражающих единство 6-ти сфер жизнедеятельности группы подструктур (направленность, организованность, подготовленность, интеллектуальная, эмоциональная и волевая коммуникативность), выступающих социально-психологическими индикаторами подструктур и проявляющихся через них общих качеств (сплоченность, микроклимат, референтность, лидерство, интра- и интергрупповая активность). От системно-структурного представления о психологии группы были сделаны шаги к анализу функциональных взаимосвязей и взаимозависимостей между подструктурами, между общими качествами, между подструктурами и общими качествами. В ходе практически направленных эмпирических исследований было установлено, что теоретически сконструированная модель носит парциальный характер и в каждом конкретном случае жизни группы имеет свою структурную конфигурацию, всегда состоящую из некоторого «набора» тех или иных подструктур.

Выдвижение и обоснование параметров оценки группы как коллектива стало основанием для ее определения: «параметрическая концепция коллектива». С этой формулировкой представление о контактной группе как коллективе вошло в общий фонд отечественной социальной психологии, зафиксировано в «Психологическом словаре» 1983 года, анализировалось в работах Г.М. Андреевой, Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого, В.Н. Панферова, А.В. Петровского и В.В. Шпалинского, А.И. Донцова,

Р.Л. Кричевского и Е.М. Дубовской, Е.П. Белинской и других известных исследователей.

Параметры оценки группы были осмыслены и обоснованы как подструктуры единой и целостной структуры психологии коллектива. Каждая из них в большей или меньшей мере подвергалась специальному исследованию участниками и сотрудниками, объединенными способным организатором, лидером-интегратором Л.И. Уманским.

Следует отметить характерную для костромских психологов последовательность в изучении малой группы как целостного, динамичного, развивающегося в деятельности феномена. Специалистам-психологам и педагогам-практикам известны вычлененные и описанные в результате исследований качественно своеобразные уровни, этапы целостного процесса развития организованной группы: номинальная группа, ассоциация, кооперация, автономия и коллектив как высший уровень социально-психологической зрелости группы.

Лев Ильич Уманский никогда не работал в одиночку. Он всегда был лидером, организатором, руководителем увлекательных научных поисков сотрудников. Познание психологии коллектива он считал делом коллективным, распространяя описанные им формы организации совместной деятельности (совместно-индивидуальная, совместно-последовательная, совместно-взаимодействующая) на исследовательскую работу сотрудничающих с ним людей. Это свойство его личности проявилось не только в организации совместных экспериментов и опытной работы, но и в немалой части совместных публикаций, в его склонности непременно и всегда указывать фамилии сотрудников в своих работах. В этом смысле функциональ-

но-структурная концепция психологии контактной группы как коллектива представляет собой совокупность фактов, интерпретаций, обобщений, выводов, рекомендаций, отраженных как в трудах его главного, ведущего «конструктора», так и в работах его коллег и учеников.

Так, комплексные (нередко лонгитюдные) исследования долговременных школьных и производственных, а также временных общностей позволили костромичам пронаблюдать, проанализировать и описать ход и характер процесса коллективообразования или групповой динамики. Внутренние противоречия, выступающие движущими силами этого процесса, некоторые механизмы и условия перехода группы с одной стадии развития на другую удалось обнаружить и зафиксировать И.М. Чернышовой как явления «блезней коллектива», а также обозначить причины их возникновения и пути преодоления. В исследованиях Л.И. Бамбуровой изучены детерминанты, вызывающие диссонанс в совместной музыкальной деятельности подростковых и юношеских групп. Исследования С.И. Жигулёва раскрыли особенности формирования групповых норм, взаимосвязь их социально ценного содержания с уровнями развития коллектива. В.Г. Асафов проследил динамику групповой самооценки в процессе коллективообразования, особенности ее формирования на разных этапах группового развития. А.Г. Кирпичник изучил динамику коллективообразования в юношеских группах.

В научной школе Л.И. Уманского изучались интегративная ответственность речи организатора юношеской контактной группы (Е.А. Шанин), специфика отражения организатором психологии сверстников (А.С. Крикунов), а также восприятие юношеской группой организаторского воздействия лидера

(Т.Л. Крюкова), тенденции роста лидера и лидерства в процессе коллективообразования (Е.М. Зайцева).

Особое место в творческих результатах социальных психологов Костромы занимают исследования и научно-организационная деятельность А.Н. Лутошкина, ученика и единомышленника Л.И. Уманского, возглавившего в 1972 г. известный в стране костромской историко-педагогический факультет — легендарный истпед. Главной темой, над которой изобретательно работал ученый, были групповые эмоциональные явления. Десятки статей, выступлений, книг, монография «Эмоциональные потенциалы коллектива» (Кострома, 1977) вмещают описания уникальной феноменологии, оригинальных методик, тонких наблюдений, практически значимых выводов. Широкою известность получили применяемые и сейчас в исследовательских и практических целях методики эмоционально-цветовой аналогии (дневник настроения Цветопись) и эмоционально-символической аналогии для оценивания уровня социально-психологического развития малой группы (с символическими уровнями «Песчаная россыпь», «Мягкая глина», «Мерцающий маяк», «Алый парус», «Горящий факел»). Востребованными остаются и экспериментальные ситуации, созданные А.Н. Лутошкиным и др. для изучения социально-психологических феноменов. Результаты исследований А.Н. Лутошкина направлены на понимание поведения группы как эмоционального целого, в котором соотносятся его потенциальная и актуальная сферы жизнедеятельности.

Особое значение имеет присуждение в 1979 году престижной премии имени Ленинского комсомола профессору Л.И. Уманскому и доценту А.Н. Лутошкину за цикл научных работ по воспитанию молодежи.

Важно подчеркнуть то, что в исследованиях лаборатории Л.И. Уманского коллектив всегда воспринимался как одушевленное явление, образуемое не путем суммирования, а интеграции индивидуальных психологий. В такой интеграции, как убеждали проведенные и проводимые до сих пор исследования, не бывает «лишних» людей. И «не такие, как все» (аутсайдеры в социометрической терминологии Я. Морено) влияют на целостный облик группы, а отношение к ним является одним из показателей зрелости коллектива. Талантливый ученик Льва Ильича А.Г. Кирпичник в исследованиях процесса коллективообразования доказал, что этот процесс не мог бы осуществляться без самореализации и самоутверждения каждой личности в группе, с одной стороны, и без идентификации с группой — с другой. Кроме того, полученные им при изучении групп в лагере и в школе данные о динамике форм коллективообразования показывают, что состояния группы могут не только отражать уже сложившееся свойство группы, но также могут служить формой количественных накоплений для возникновения нового свойства.

Проблемы социальной психологии личности также нашли свое отражение в костромской научной школе. Актуальными по сей день остаются изучение самочувствия личности в группе, его динамических особенностей, проведенное О.В. Лунёвой, исследования личности организатора, специфики организаторской деятельности, организаторских способностей и умений, подготовки руководителей и лидеров к организаторской деятельности, отраженные в работах как самого Л.И. Уманского, так и его учеников — Т.Л. Крюковой, Е.М. Зайцевой, Н.В. Гавриловой и других.

Особое внимание методам исследования (экспериментальным и внеэкспери-

ментальным, аппаратным и неаппаратным), используемым в диагностике коллектива, уделял на протяжении ряда лет В.И. Кашницкий. Им подтверждено, что проявления единства членов группы в различных сферах жизнедеятельности — сплоченность, самоуправляемость, сработанность, согласованность, созвучность, стрессоустойчивость — выступают индикаторами интегративности малой группы.

Судьбы научных концепций и школ в психологии складываются по-разному. Одни завоевывают страницы учебников, научной и популярной периодики, другие остаются в рукописях авторов, от третьих отрекаются. Социально-психологические работы костромичей не вызвали громкого шума, но и недостатка во внимании и отражении в печати не испытывали. Авторская библиотека социально-психологической лаборатории вмещает монографии, десятки учебных пособий и методических рекомендаций, статьи в академических научных изданиях и тезисы на форумах психологов и педагогов, около десятка сборников научных трудов, тома отчетов по хозяйственным темам. Но главное в том, что накопленные научные знания служили решению практических задач в учреждениях образования, в детских и молодежных организациях, на предприятиях и в сельском хозяйстве.

После смерти Л.И. Уманского в 1983–1991 годах кафедру психологии КГПИ им. Н.А. Некрасова возглавлял кандидат психологических наук, доцент В.С. Сапоровский. На этот период приходится проведение в Костроме совместно с Институтом психологии АН СССР второго Всесоюзного симпозиума «Актуальные проблемы социальной психологии» (1986). К симпозиуму были выпущены 4 сборника тезисов научных докладов. Аспирантами и соис-

кателями кафедры в эти годы защищены 5 кандидатских диссертаций.

Л.И. Уманский умел не только раскрыть индивидуальные исследовательские потенциалы своих учеников, но и всей своей деятельностью, жизненным стилем, качеством общения и демократическим стилем руководства задавал высокие стандарты деловой или организационной культуры как истинно мудрый руководитель и организатор. Достаточно сказать, что со времени приезда ученого в Кострому и по сей день лидерами научной жизни Костромского педагогического института, затем университета, а ныне опорного регионального вуза неизменно являются ученики и последователи Льва Ильича Уманского. Вячеслав Сергеевич Сапоровский, принявший эстафету заведующего кафедрой психологии педагогического института после ухода Л.И. Уманского, вместе с супругой, Валентиной Дмитриевной Сапоровской, развивали преподавательскую и студенческую науку, обучали секретам социальной и экспериментальной психологии; в 1991–1994 гг. Валентина Дмитриевна заведовала кафедрой психологии; а сегодня кафедру общей и социальной психологии КГУ возглавляет их дочь, доктор психологических наук Сапоровская Мария Вячеславовна, специалист в области психологии семьи и межпоколенных отношений. Виктор Ильич Кашницкий руководил кафедрой практической и специальной психологии КГУ им. Н.А. Некрасова; организовал факультет профессиональной переподготовки по специальности «Психология»; сумел привить своим студентам, психологам-практикам любовь к науке и практической психологии; по сей день вдохновляет костромских психологов на новые исследования в сфере психологии общения, коммуникативной компетентности и социальной активности личности.

Анатолий Григорьевич Кирпичник возглавил кафедру социальной психологии в Институте педагогики и психологии КГУ, стал лидером Ассоциации исследователей детского движения, известным в России и за рубежом методологом. Татьяна Леонидовна Крюкова, с гордостью относя себя к ученикам Л.И. Уманского, является лидером известной в стране научной школы психологии совладающего поведения, председателем региональной организации Российского психологического общества (РПО), инициатором многочисленных научных конференций, форумов и организатором всероссийского и международного научного сотрудничества. Сын Л.И. Уманского, доктор педагогических наук, профессор Александр Львович Уманский продолжил дело отца, исследовал проблемы педагогического сопровождения детского лидерства, был комиссаром лагеря актива «Комсорг», первым директором созданного в 2001 г. Института (факультета) педагогики и психологии КГУ им. Н.А. Некрасова; а внучка Уманская Ирина Александровна в настоящее время работает в этом институте доцентом кафедры общей и социальной психологии, специализируется в проблемах конфликтологии, самоэффективности в различных видах деятельности и в разных социальных группах.

Таков был в общих чертах «этап Уманского», его научной социально-психологической школы в Костромском государственном университете.

О современном состоянии костромской социально-психологической научной школы

Результаты мощного вклада личности Льва Ильича Уманского в наше

время отражаются в деятельности Института педагогики и психологии Костромского государственного университета, которому исполняется в 2021 году 20 лет и который развивается в традициях научной школы Л.И. Уманского и А.Н. Лутошкина; в работе специализированных кафедр общей и социальной психологии, специальной психологии и педагогики, психолого-педагогического образования, педагогики и акмеологии личности; в структурных формах подготовки бакалавров, магистров, аспирантов по психологическим и педагогическим направлениям; в деятельности диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по психологическим наукам.

Костромские психологи сегодня имеют официальный статус Костромской научной психологической школы, активно участвуют в конкурсах научных фондов. Ярким примером разнообразия тематики реализуемых грантов могут стать 2019–2021 годы: «Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях», «Когнитивная перестройка субъекта при переменах: совладание с изменениями в важнейших сферах жизни (работа, здоровье, взаимоотношения)» (рук. д.психол.н. Т.Л. Крюкова), «Психологическое благополучие субъекта в российском обществе: когнитивно-поведенческие факторы и индикаторы» (рук. д.психол.н. М.В. Сапоровская), «Коммуникативные трудности детей и подростков в поликультурной социальной среде», «Теоретические и методические основы психологического благополучия студенческой молодежи: кросскультурный контекст» (рук. д.психол.н. А.Г. Самохвалова), «Ментальные ресурсы субъекта при типичном и атипичном развитии: феноменология, динамика, факторы и механиз-

мы формирования в онтогенезе» (рук. д.психол.н. С.А. Хазова), «Внутренняя картина дефекта лиц с ограниченными возможностями здоровья в структуре Я-концепции: детерминанты и эффекты в прогнозе рисков развития и успешности адаптации» (рук. к.психол.н. Т.Н. Адеева), «Диадическое совладание и психологическое благополучие в близких отношениях», «Самореализация лиц с атипичным развитием: специфика, эффективность, прогноз» (рук. к.психол.н. Н.С. Шипова) и др.

В настоящее время реализуется государственное задание Министерства образования и науки Российской Федерации на тему «Бликие отношения и семья в жизненном пространстве вызовов современности: совладание, ресурсы,

развитие» (2020–2022, руководитель Т.Л. Крюкова), целью которого является разработка и верификация социально-экологической модели близких отношений (в том числе семейных) как социального и психологического механизма развития и укрепления психологического благополучия и психологической устойчивости человека в условиях изменяющегося социокультурного контекста.

Идеи Л.И. Уманского, его учеников и последователей (социально-психологическая костромская школа) живут и развиваются в Институте педагогики и психологии КГУ. Надеемся, что работа в актуальных трендах современной психологии будет способствовать становлению и развитию новых социально-психологических научных школ.

Информация об авторах

Крюкова Татьяна Леонидовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0825-3232>, e-mail: tat.krukova44@gmail.com

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, директор Института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Information about the authors

Tatiana. L. Krukova, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0825-3232>, e-mail: tat.krukova44@gmail.com

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Получена 28.09.2021

Принята в печать 08.10.2021

Received 28.09.2021

Accepted 08.10.2021

**Светлой памяти Юрия Михайловича Забродина
26.10.1940 – 08.12.2021**

Для цитаты: Светлой памяти Юрия Михайловича Забродина // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 215–216. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120413>

**In Memory of Yu.M. Zabrodin
26.10.1940 – 08.12.2021**

On December 8, 2021, our colleague Yuri Mikhailovich Zabrodin passed away. He was an outstanding scientist, Doctor of Psychology, Professor, 3rd Class State Advisor of the Russian Federation, Vice President of the Federation of Educational Psychologists of Russia, a wise and sympathetic person.

For citation: In Memory of Yu.M. Zabrodin. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 215–216. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120413> (In Russ.).

8 декабря 2021 года ушел из жизни Юрий Михайлович Забродин — выдающийся ученый, доктор психологических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, вице-президент Федерации психологов образования России, наш коллега, мудрый и отзывчивый человек.

Вклад Юрия Михайловича в развитие теоретической, экспериментальной и прикладной психологии является достоянием отечественной психологической науки и практики. Его научная деятельность в сферах психофизики, организационной и экономической психологии, психологии управления, акмеологии известна далеко за пределами нашей страны.

Благодаря деятельности Юрия Михайловича получила развитие система психологического сопровождения образования и социальной сферы, его талант организатора, личная вовлеченность способствовали формированию и укреплению профессионального психологического сообщества в России.

Неоценимый вклад Юрий Михайлович внес и в развитие Московского государственного психолого-педагогического университета, проработав в нем более 15 лет: с 2006 года — в должности проректора по научной работе, с 2011 года — проректора по учебно-методическому объединению, проректора по межведомственному взаимодействию — с 2016 года, был активным деятелем Ученого совета. В последние годы Юрий Михайлович был советником при ректорате.

Юрий Михайлович являлся членом редакционного совета и редакционной коллегии журнала «Социальная психология и общество» со дня основания последнего в 2010 году и всегда проявлял себя как профессионал высочайшего уровня, советы и рекомендации которого по дальнейшему развитию издания и повышению качества публикуемых материалов были крайне важны и ценны для редакции.

Юрий Михайлович до конца оставался деятельным членом университетской семьи, тем, кто поможет и словом, и делом, обаятельным, скромным, бесконечно любимым коллегами.

Редсовет и редколлегия журнала «Социальная психология и общество» выражают искреннее глубокое соболезнование всем родным и близким Юрия Михайловича Забродина, светлая память о котором навсегда сохранится в наших сердцах.

Редсовет и редколлегия журнала «Социальная психология и общество»

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ INDEX OF ARTICLES

Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2021 г.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Гулевич О.А.* Политическая психология: направления исследований № 3. С. 5–8
Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора № 1. С. 5–9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Агадуллина Е.Р.* Дегуманизация: подходы к оценке непрямых предубеждений № 2. С. 5–22
Дауд А.М., Омар Ф.Ю.К., Цукур Д.С. Влияние динамики содержания стереотипов о себе на межгрупповые отношения (на английском языке) № 2. С. 23–40
Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека № 4. С. 20–33
Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова № 2. С. 41–55
Прусова И.С., Агадуллина Е.Р. Социально-экономические предикторы предубеждений: психологическая перспектива № 4. С. 5–19
Татарко А.Н. Исследования социального капитала в поликультурном обществе: теоретико-методологические проблемы и важнейшие результаты..... № 4. С. 34–52

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Акимова М.К., Галстян О.А.* Взаимосвязь умственного развития студентов с морально-нравственными регуляторами социального взаимодействия № 1. С. 162–176
Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Сиваш О.Н. Социально-перцептивный образ приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки № 2. С. 110–128
Байрамова Ю.В., Рагимова А.Г. Индивидуальные установки взрослого населения к протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019 № 2. С. 78–93
Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов № 1. С. 10–25
Бохан Т.Г., Ульянич А.Л., Терехина О.В., Видякина Т.А., Галажинский Э.В. Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции № 1. С. 59–76
Веселова Е.К., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В., Анисимова Т.В. Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи № 1. С. 44–58

Для цитаты: Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2021 г. // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 217–219. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120414>

<i>Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М.</i> Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи	№ 2. С. 166–182
<i>Волкова И.В.</i> Отношение к животным и буллинг у подростков	№ 2. С. 183–196
<i>Галятина В.Н.</i> Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов	№ 4. С. 71–92
<i>Гулевич О.А., Гусева В.В.</i> Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае	№ 3. С. 9–22
<i>Емельянова Т.П., Шмидт Д.А.</i> Социальные представления о брачном партнере: поколенческий подход	№ 1. С. 126–142
<i>Журавлев А.Л., Китова Д.А.</i> Образ Петра I в структуре политического сознания современников (на примере анализа сообщений в социальных сетях)	№ 3. С. 22–37
<i>Кожухарь Г.С.</i> Качество межличностных отношений и удовлетворенность браком молодых людей	№ 1. С. 143–161
<i>Красило Д.А., Красило Т.А., Залпаева А.Н.</i> Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов	№ 1. С. 113–125
<i>Лахири С., Кармакар Р., Парамешваран С.</i> Использование модели «веры в здоровье», тройственной модели восприятия риска и веры в фатализм для прогнозирования рекомендованного поведения в ситуации пандемии COVID-19 (на английском языке)	№ 4. С. 127–145
<i>Литвинов В.Ю., Матвеева Л.В.</i> Сравнительный анализ культурных представлений творческой молодежи о российской, западной и восточной цивилизациях	№ 1. С. 177–197
<i>Муращенкова Н.В.</i> Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска	№ 1. С. 77–93
<i>Неврюев А.Н., Сычев О.А., Сариева И.Р.</i> Чем гордится и чего стыдится молодежь в России? Роль базовых индивидуальных ценностей	№ 3. С. 38–58
<i>Новикова М.А., Реан А.А.</i> Особенности материнского отношения в связи с формированием ценностных ориентаций современных подростков	№ 2. С. 148–165
<i>Одипцова М.А., Радчикова Н.П., Янчук В.А.</i> Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси	№ 2. С. 56–77
<i>Сариева И.Р., Богатырева Н.И.</i> Оправдание системы и поддержка ограничений, связанных с коронавирусом: роль доверия государству и веры в теории заговора	№ 3. С. 59–73
<i>Ситников В.Л., Стреленко А.А., Кедич С.И., Комарова А.В.</i> Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских отношений в приемных семьях	№ 2. С. 129–147
<i>Смирнов Н.М.</i> Кто виноват и что делать: анализ комментариев к фильмам о бесланском теракте	№ 3. С. 74–86
<i>Суворова И.Ю., Глебов В.В., Ван Х.</i> Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов	№ 4. С. 93–113
<i>Сычев О.А., Протасова И.Н.</i> Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян	№ 4. С. 53–70
<i>Филишкова Е.Б., Ковалев П.А.</i> Психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях детского оздоровительного лагеря	№ 2. С. 94–109
<i>Фурманов И.А.</i> Кросс-культурные различия в любовных аттитюдах белорусов и китайцев	№ 4. С. 114–126
<i>Хухлаев О.Е., Павлова О.С.</i> «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов	№ 3. С. 87–102
<i>Шамионов Р.М.</i> Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции	№ 1. С. 94–112
<i>Яремчук С.В., Бакина А.В.</i> Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического протестанства личности в условиях пандемии COVID-19	№ 1. С. 26–43

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Витко Ю.С., Лебедева А.А.* Практики работы с бездомными: перспектива возвращения «невидимой» личности № 4. С. 146–169
- Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н.* Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? № 1. С. 198–221

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Бойкина Е.Э.* Методические приемы симуляции ситуации социального остракизма O`Cam, O`Train, Cyberball: опыт пилотажных исследований в Российской Федерации № 4. С. 189–206
- Бушина Е.В., Муминова А.М.* Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» № 2. С. 197–216
- Прусова И.С.* Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве № 3. С. 103–127
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Дорохов Е.А.* Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей № 4. С. 170–188

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА

- Абрамова О.А.* Социально-психологический портрет российского IT-предпринимателя № 3. С. 188–204
- Воробьева А.Е., Скипор С.И.* Психологические характеристики волонтеров различных направленностей активности № 3. С. 205–218
- Лабунская В.А.* Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии № 3. С. 128–150
- Радина Н.К., Поршнев А.В.* Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» № 3. С. 151–169
- Юдина Т.О.* Роль эмоций и обстоятельств в моральной оценке поступка № 3. С. 170–187

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ильин В.А.* «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» № 1. С. 222–235

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кочетков Н.В.* Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: многократно отраженная субъектность № 2. С. 217–221
- Крюкова Т.Л., Самохвалова А.Г.* К 100-летию со дня рождения Льва Ильича Уманского. Костромская социально-психологическая научная школа: традиции и тренды развития № 4. С. 207–214
- Чикер В.А.* Социально-психологический тренинг: к сорокалетию развития концепции М. Форверга в России № 3. С. 219–227
- Светлой памяти Юрия Михайловича Забродина № 4. С. 215–216

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

- Указатель статей, опубликованных в журнале «Социальная психология и общество» в 2021 г. № 4. С. 217–219

Index of Articles Published in the Journal of “Social Psychology and Society” in 2021

For citation: Index of Articles Published in the “Social Psychology and Society” in 2021. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 217–219. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120414> (In Russ.).

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*